

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

XXV съезд КПСС и борьба за мир и безопасность на Дальнем Востоке

Форум вьетнамских коммунистов

Движение неприсоединения: проблемы и перспективы

Лаосская проблема в международных отношениях

Начало распространения идей марксизма-ленинизма в Монголии (1917—1921)

Советский писатель о Китае 20-х годов

1

1977

4-5 205

1 [21] 1977

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

НАУЧНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД НА РУССКОМ,
АНГЛИЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 XXV съезд КПСС и борьба за мир и безопасность
на Дальнем Востоке

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

- 14 Экономика КНР в 1976 году
- 29 Движение неприсоединения: проблемы и перспективы
Н. Г. Георгиев, И. И. Климов
- 49 Лаосская проблема в международных отношениях
(1945—1975)
М. С. Капица
- 63 Основные организации предпринимателей Японии
Л. А. Галин, М. В. Алёнов
- 73 Особенности современного положения в Таиланде
А. А. Владимиров, К. И. Юрьев
- 86 IV съезд Коммунистической партии Вьетнама

ИДЕОЛОГИЯ

- 89 К вопросу о становлении официальной политической
доктрины феодального Китая
В. Ф. Феокистов
- 102 Начало распространения идей марксизма-ленинизма
в Монголии (1917—1921)
Д. Дашжамц

ИСТОРИЯ

- 114 Пролетариат Китая в борьбе против японской агрессии
(к 45-летию Шанхайской обороны)
Т. Н. Акатова

ОТДЕЛЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1977

КУЛЬТУРА И НАУКА

- 127 Памятники древности и некоторые проблемы мон-
гольского этногенеза
Э. А. Новгородова
- 136 Китайская тема в творчестве С. М. Третьякова
Р. С. Белоусов

ВОСПОМИНАНИЯ

- 147 Советские летчики защищают Шанхай (1950—1951)
С. В. Слюсарев

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

- 151 Положенне рабочего класса Южной Кореи
В. А. Маринов
- 155 Чжао Шу-ли — народный писатель
(к 70-летию со дня рождения)
А. А. Антиповский

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 161 Политика «баланса сил» или безопасность и
сотрудничество?
И. Б. Пономарева
- 163 Микронезия в американской стратегии
В. Г. Гришин
- 166 Монгольский народ строит социализм
Б. В. Валентинов
- 168 Книга об этническом развитии Филиппин
В. М. Макаренко
- 171 Исследование по истории чжурчженей
Л. С. Переломов
- 175 ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2,
тел. 127-08-49

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1977

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
М. И. СЛАДКОВСКИЙ (н. о. глав-
ного редактора),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного ре-
дактора), Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕ-
ЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ, Г. В.
ЕФИМОВ, М. С. КАПИЦА, В. А.
КРИВЦОВ, К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХ-
МАНИН, Б. В. САГАРЕВ (отв. сек-
ретарь), В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИ-
ТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ,
Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, Н. Т. ФЕДО-
РЕНКО

XXV съезд КПСС и борьба за мир и безопасность на Дальнем Востоке

Съезды партии советских коммунистов — события большого исторического значения, оставляющие глубокий след в жизни нашей страны, в судьбах всего человечества. Более 60 лет наша партия направляет судьбы Советского Союза, ставшего гарантом социального прогресса, могучим оплотом мира на земле. КПСС приобрела поистине всемирное значение, определяемое ее неуклонно возрастающей ролью как боевого авангарда рабочего класса, всего советского народа, как главной движущей силы мирового коммунистического и рабочего движения, всего революционно-освободительного движения нашей эпохи. Вот почему съезды нашей партии — знаменательное событие не только в жизни советского народа, они оказывают непосредственное, во многом направляющее воздействие на ход мировых событий.

Как и предыдущие съезды КПСС, XXV съезд уделил большое внимание проблемам международного положения в Азии, в бассейне Тихого океана, на Дальнем Востоке. На съезде был дан обстоятельный научный анализ важнейших из этих проблем в современных условиях.

* * *

XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза вызвал огромный интерес как внутри страны, так и во всем мире прежде всего потому, что он дал конструктивный ответ на коренные проблемы, волнующие людей на всех континентах, проблемы войны и мира. Если Программа мира, провозглашенная XXIV съездом КПСС, уже привела к значительным результатам в деле укрепления мира и безопасности народов, то на XXV съезде КПСС были разработаны предложения, которые означают органическое продолжение и дальнейшее развитие этой программы.

Программа мира, принятая на XXIV съезде КПСС, охватила всю международную жизнь, предпринятые в результате ее выполнения шаги активизировали международную дипломатию, привели за стол переговоров руководителей государств с различным общественным строем. В результате принятия и успешного претворения в жизнь Программы мира состоялось Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, был подписан целый ряд соглашений о разоружении, углубился процесс разрядки, произошли благоприятные сдвиги во всей международной жизни.

В докладе товарища Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС «Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики» сконцентрированы результаты непрерывно осуществляемой партией разработки революционной теории, синтезирован опыт коммунистического строительства в СССР и развития стран социалистического содружества, борьбы народов за мир, нацио-

нальную независимость и социальный прогресс, содержится всесторонний анализ международной обстановки.

В этом докладе и в других материалах съезда дается четкая оценка соотношения главных факторов и сил, действующих на мировой арене, они вооружают нашу партию научно обоснованной политической линией применительно к важнейшим проблемам современности.

Внешняя политика КПСС направлена прежде всего на обеспечение коренных интересов мирового социализма, международного рабочего класса, всех эксплуатируемых и угнетенных людей земли, на сплочение ради достижения этих целей трудящихся всех стран под знаменем пролетарского интернационализма. XXV съезд нашей партии отметил как один из важнейших выводов возрастающее значение пролетарского интернационализма для наиболее полного использования благоприятных условий нашей эпохи ради благородных целей революционной, освободительной борьбы, перестройки международных отношений на справедливых началах. Начавшаяся перестройка международных отношений проявляется в разных формах. В коллективный поиск решения назревших международных проблем вовлекаются все новые страны. В этом отношении показательны результаты в развитии диалога между государствами на высшем уровне. Встречи и переговоры между руководителями государств, представляющими различные социальные системы, обрели регулярность, стали, по существу, нормой международной политики, стимулирующей поиски путей к более прочному миру и безопасности. Результаты такого рода конструктивного диалога находят свое отражение и в количестве заключенных соглашений. В активе «мирного наступления» Советского Союза и стран социалистического содружества — более 70 договоров, соглашений и других документов, нормализующих их отношения с капиталистическими государствами, определяющих регламент взаимовыгодного сотрудничества в различных областях.

Сейчас мы имеем основания говорить не только о внешних симптомах нормализации межгосударственных отношений, но и о многих других новых веяниях в мировой политике, в которых отражаются глубинные процессы оздоровления обстановки в мире. Главная заслуга в формировании благоприятной международной обстановки принадлежит Советскому Союзу и другим братским странам, странам социалистического содружества, выступающим с общих согласованных позиций. Страны социалистического содружества уже сегодня представляют собой такое объединение, с которым не могут идти в сравнение по прочности ни один союз, ни одна коалиция. Это новое интернациональное содружество социалистических стран стало могучим фактором современного развития в мире, определяющим главное направление социального и политического прогресса человечества. Каждый месяц приносит вести о том, как стремительно набирает силу братское социалистическое содружество. Народы социалистических государств под руководством коммунистических и рабочих партий, объединенных на основе принципов марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, уверенно развивают и укрепляют новый общественный строй. Неуклонно возрастает экономическое и оборонное могущество стран социалистического содружества. Об этом свидетельствуют прошедшие в 1976 г. съезды КПСС, коммунистических и рабочих партий братских стран — Болгарии, Чехословакии, ГДР, Польши, Венгрии, Монголии, Кубы. Об этом говорят внушительные результаты XXX сессии Совета Экономической Взаимопомощи, которая летом 1976 г. приняла решения, направленные на дальнейшее углубление социалистической экономической интеграции. Об этом свидетельствуют тесные контакты лидеров социалистических

государств. Последовательное углубление социалистической экономической интеграции будет во многом содействовать развитию равноправного экономического сотрудничества между всеми странами мира, преодолению навязанных империализмом отношений неравенства в целях дальнейшего оздоровления международной обстановки.

Благодаря своей внешней политике, которая все больше воздействует на международные отношения, страны социалистического содружества играют ныне выдающуюся роль как самый надежный оплот мира, свободы и независимости народов. «Если говорить о главном, чего нам удалось достигнуть в международных делах. — указал товарищ Л. И. Брежнев на октябрьском (1976) Пленуме ЦК КПСС, — то можно с чистой совестью сказать: в результате усилий, предпринятых нами вместе с другими социалистическими государствами и при поддержке всех миролюбивых, реалистически мыслящих сил, удалось отодвинуть угрозу ядерной войны, сделать мир более надежным, более прочным»¹.

За последние годы совместными усилиями миролюбивых сил и при самом активном вкладе Советского Союза и братских социалистических государств удалось добиться положительных результатов в деле ослабления угрозы ядерной войны. Заключены конкретные, обязывающие международные договоры и достигнуты соглашения по таким важным вопросам, как прекращение значительной части испытаний ядерного оружия, принятие мер против его дальнейшего распространения в мире, неразмещение его в космосе, на дне морей и океанов, ограничение стратегических вооружений Советским Союзом и Соединенными Штатами, запрещение и ликвидация бактериологического оружия.

Советский Союз, верный заветам великого Ленина, назвавшего разоружение «идеалом социализма», выступил с рядом конкретных инициатив на XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В их числе — предложение заключить Всемирный договор о неприменении силы в международных отношениях, а также большой комплексный документ-меморандум, содержащий всестороннюю программу мер разоружения, наиболее важных в настоящее время. В этом программном документе учтены взгляды многих государств. Только разоружение является надежной гарантией прочного мира. Многочисленные конструктивные шаги Страны Советов направлены на то, чтобы мирное сотрудничество государств приобретало все более широкий, многосторонний характер, образуя собой как бы связывающую материальную ткань прочного мира. «Весь мир видит: СССР идет дорогой мира и мирного сотрудничества, — заявил в своей речи на октябрьском Пленуме Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. — И весь мир должен знать: этой дорогой мы будем идти и впредь!»²

Претворяя в жизнь утвержденную XXV съездом КПСС программу развития равноправных, взаимовыгодных отношений с капиталистическими государствами, Советский Союз видит одну из важнейших задач в том, чтобы использовать, причем не только в Европе, благоприятные возможности, созданные проведением общеевропейского совещания и торжественно принятым на нем Заключительным актом.

В послевоенной истории нет другого события, которое столь реально обозначало бы грань перехода в масштабах континента от конфронтации между государствами двух общественных систем к налаживанию устойчивого мирного сосуществования и сотрудничества между ними. Этот документ четко ориентирует на ослабление международной напряженности, на прекращение или предотвращение военных конфликтов,

¹ «Правда», 26.X.1976.

² Там же.

на развитие мирного равноправного сотрудничества государств в различных областях. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, отвечая на вопросы корреспондента «Правды» в связи с первой годовщиной окончания Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, заявил, что благодаря совещанию «...Европа поднялась на солидную ступень выше, чем до него. Она научилась настойчивее и лучше искать решения жгучих международных проблем, работать с большей практической отдачей в интересах разрядки, углубления сотрудничества между государствами и мира между народами»³. XXV съезд нашей партии со всей убедительностью подтвердил, что Советский Союз намерен претворять в практические дела все принципы и договоренности, согласованные в Хельсинки, и ожидает того же от других участников совещания.

Многогранная внешнеполитическая деятельность КПСС и Советского Союза направлена на претворение в жизнь принятой XXV съездом партии программы дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов. Одна из крупных задач, включенных в эту программу, — обеспечение безопасности в Азии. Опыт Европы может быть с успехом использован и в Азии. Для этого сейчас имеются неплохие возможности. Оформленная Заключительным актом Хельсинской конференции разрядка в Европе оказала и продолжает оказывать воздействие на политических и общественных деятелей вне-европейских государств. И если внимательно рассмотреть пункт за пунктом Заключительного акта, то можно убедиться в том, что принципы, заложенные в нем, вполне соответствуют по своему духу и условиям Азиатского континента.

Ныне азиатская общественность проявляет повышенный интерес к распространению процесса разрядки на Азию, ищет пути, ведущие к созданию на этом континенте атмосферы мира и безопасности. «Нет нужды доказывать, — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, выступая на обеде в честь премьер-министра Республики Индии Индиры Ганди, — какое огромное значение для всеобщего мира имело бы прочное утверждение принципов мирного сосуществования в Азии — на континенте, где живет более половины человечества»⁴.

Уже сейчас большинство государств Азии в отношениях между собой руководствуются принципами мирного сосуществования и добрососедства, одобренными рядом представительных конференций азиатских стран. Это принципы уважения суверенитета и неприкосновенности границ, отказа от применения силы, невмешательства во внутренние дела, развития экономического и другого сотрудничества в условиях полного равноправия и взаимной выгоды. На таких принципах строят отношения со всеми миролюбивыми государствами Советский Союз и другие страны социалистического содружества. Именно такому развитию отношений служат договоры, заключенные между Советским Союзом и другими социалистическими странами Азии, а также недавно подписанный договор между СССР и Индией. Ныне стало насущной потребностью распространение разрядки на страны Азии. Подозрения, инспирируемые империалистической пропагандой вокруг этой проблемы, постепенно рассеиваются, общественность стран Азии приходит к выводу, что идея обеспечения безопасности общими усилиями азиатских государств и народов связана непосредственно с разрядкой в Азии и что безопасность

³ «Правда», 30.VII.1976.

⁴ «Правда», 9.VI.1976.

только тогда будет иметь реальный смысл, когда ею будут пользоваться все без исключения государства этого континента.

Жизненным интересам народов Азии отвечают новые советские предложения по укреплению международного мира и безопасности, внесенные на рассмотрение XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Эти предложения отражают существо внешней политики СССР, нашедшей яркое воплощение в решениях XXV съезда КПСС, в его программе дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов. В одном из разделов этой программы говорится: «Вести дело к обеспечению безопасности в Азии на основе совместных усилий государств этого континента». Для успешного решения этой проблемы, естественно, нужны усилия всех независимых государств Азии, действительно заинтересованных в том, чтобы добиться мира. Важен вклад каждой из азиатских стран в разработку и осуществление на практике идеи коллективной безопасности.

На протяжении многих десятилетий страны Азиатского континента были объектом колониальной и неоколониальной эксплуатации, жертвами иностранной агрессии. Сейчас молодые государства Азии преисполнены решимости взять свою судьбу в свои руки и распоряжаться своими богатствами и принимают для этого практические меры. Яркие примеры этого — прогрессивные преобразования в Индии, Бирме, Шри Ланка, Лаосе, Кампучии.

Событием огромного значения для всех народов Азии, увенчавшим героическую борьбу вьетнамского народа за независимость и территориальную целостность своей страны, явилось завершение государственного воссоединения Вьетнама и провозглашение его Социалистической Республикой. «Победа вьетнамской революции, — подчеркнул в отчетном докладе на IV съезде Коммунистической партии Вьетнама Первый секретарь ЦК КПВ тов. Ле Зуан, — это победа сил социализма, национальной независимости, демократии и мира во всем мире, которые оказывали нам поддержку в борьбе против агрессии американского империализма». Съезд выразил глубокую признательность Советскому Союзу и другим братским социалистическим странам, которые, движимые благородным духом пролетарского интернационализма, оказывали вьетнамскому народу всестороннюю поддержку и помощь и в настоящее время продолжают помогать СРВ в залечивании ран войны и в строительстве социалистического Вьетнама. Народ единого Вьетнама выразил свою непреклонную волю строить свободную жизнь в условиях социализма.

Создание Социалистической Республики Вьетнам коренным образом изменило обстановку в Азии в пользу торжества дела мира, национальной независимости и социального прогресса. Социалистическая Республика Вьетнам вскоре после своего рождения предприняла шаги, направленные на развитие добрососедских отношений и сотрудничества между государствами Азии на основе выдвинутых Республикой четырех принципов. Эти принципы предусматривают невмешательство во внутренние дела других стран, равенство, взаимную выгоду и мирное сосуществование, непредоставление своей территории какому-либо государству в качестве базы для прямой и косвенной агрессии и вмешательства во внутренние дела других стран, взаимное уважение независимости, суверенитета, территориальной целостности. Все это нашло одобрение и поддержку в странах Азии.

События последнего времени показывают, что инициатива Социалистической Республики Вьетнам по налаживанию сотрудничества в Азии приносит свои положительные результаты. Там, где совсем недав-

но бушевал пожар войны, ныне складывается благоприятная обстановка для развития азиатских государств по пути мира, независимости и подлинного нейтралитета. «Нынешняя дипломатическая оттепель в Юго-Восточной Азии,— пишет гонконгский журнал «Фар истери экономик ревью»,— в основном вызвана развитием экономических отношений между Вьетнамом и странами этого региона».

Социалистическая Республика Вьетнам твердо выступает за укрепление уз дружбы и добрососедства со странами Азии, за развитие всестороннего сотрудничества с ними на основе уважения независимости и суверенитета друг друга, равноправия, взаимной выгоды и мирного сосуществования. Эти положения получили дальнейшую конкретизацию в выступлении 5 июля 1976 г. заместителя премьер-министра и министра иностранных дел СРВ Нгуен Зуй Чиня. Их содержание сводится к следующему:

1. Уважение независимости, суверенитета, территориальной целостности друг друга, ненападение и невмешательство во внутренние дела;

2. Непредоставление своей территории любому иностранному государству для использования в качестве базы прямой или косвенной агрессии;

3. Установление отношений дружбы, добрососедства, экономического и культурного сотрудничества на основе равенства и взаимной выгоды; решение спорных вопросов путем переговоров;

4. Развитие сотрудничества между странами района во имя подлинной независимости, мира, нейтралитета в Юго-Восточной Азии, во имя укрепления мира во всем мире.

После победы патриотических, прогрессивных сил в Лаосе эта страна вступила на путь строительства социализма и вместе с социалистическим Вьетнамом выступает ныне в роли форпоста сил мира, демократии и социального прогресса в Юго-Восточной Азии.

Строительство новой жизни в условиях мира в странах Индокитая вносит вклад в дело укрепления могущества социалистической системы, мощи мирового революционного процесса, способствует укреплению социалистической системы в Азии, создает благоприятные условия для народов этого региона в борьбе за подлинный мир, нейтралитет, независимость и демократию.

Больших успехов в строительстве социализма, в развитии экономики и культуры добилась Монгольская Народная Республика, которая одной из первых стран в Азии стала на путь социализма.

Более чем полувековой путь социального обновления вывел Монгольскую Народную Республику на широкую международную арену. МНР при помощи и содействии СССР решает задачу огромной исторической и политической важности. Она завершает создание материально-технической базы социализма, добивается выравнивания уровня своего развития с уровнем других социалистических стран. Тепло и сердечно встретил советский народ партийно-правительственную делегацию Монгольской Народной Республики во главе с Первым секретарем Центрального Комитета Монгольской Народно-Революционной партии, Председателем Президиума Великого Народного Хурала МНР Ю. Цеденбалом. В ходе встречи были подписаны совместные документы, предусматривающие дальнейшее расширение и углубление всестороннего советско-монгольского сотрудничества в развитии положений Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой, который отражает и закрепляет более чем полувековой опыт отношений братской дружбы между нашими странами. Ныне

МНР предстает перед всем миром как процветающее миролюбивое социалистическое государство, занимающее достойное место в системе международных отношений, пользующееся авторитетом и уважением среди народов мира. Большой вклад вносит МНР в борьбу за мир и безопасность, против всех видов империалистической агрессии и диктанта, против ущемления прав народов, за перестройку международных отношений на основе справедливых, демократических принципов, в разработку и проведение согласованного политического курса братских стран. МНР активно поддерживает идею коллективной безопасности в Азии, выдвинутую Советским Союзом.

Больших успехов во всех областях строительства социализма добились трудящиеся Корейской Народно-Демократической Республики, миролюбивая внешняя политика которой завоевала глубокое уважение народов Азиатского континента. Корейский народ активно добивается национального воссоединения. Наша страна решительно поддерживает предложения Корейской Народно-Демократической Республики, направленные на мирное демократическое объединение Кореи без вмешательства извне.

Советский Союз постоянно развивает и укрепляет дружбу с теми странами, которые действительно к этому стремятся. Убедительным примером тому может служить наш постоянный курс на тесное политическое и экономическое сотрудничество с Индией. Советский Союз и Индия вносят совместный вклад в решение фундаментальных международных проблем в интересах мира, способствуют углублению разрядки и ее распространению в другие районы мира. Как отмечается в декларации, подписанной в Москве во время визита в СССР премьер-министра Индии Индиры Ганди, обе страны «придают особое значение широкому развитию взаимовыгодного сотрудничества и укреплению мира и стабильности в Азии, основанных на совместных усилиях всех государств этого самого крупного и населенного района мира»⁵.

Конкретным вкладом в благородное дело упрочения такой стабильности, расширения мирных связей стали установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Республикой Филиппины, а также договоренность о мерах по дальнейшему развитию между ними многостороннего сотрудничества.

Страны Азиатского региона стремятся создать благоприятные условия для скорейшего национального возрождения. Главные из этих условий — надежная безопасность и равноправное международное сотрудничество. В длительном и устойчивом мире на Азиатском континенте нуждается и Япония, которая прошла путь от руин Хиросимы до одной из высокоразвитых индустриальных стран мира. Более двадцати лет назад была подписана совместная декларация Советского Союза и Японии, которая положила начало послевоенному этапу развития двусторонних отношений и подвела черту под состоянием войны между обеими странами, наметила путь развития контактов в области экономики, науки и культуры. После подписания в декабре 1957 г. первого после войны торгового договора товарооборот между СССР и Японией возрос более чем в 100 раз и составил в 1975 г. около трех млрд долл. Важное значение для дальнейшей нормализации отношений между СССР и Японией имело подписание в Москве в октябре 1973 г. совместного советско-японского заявления и других документов, заложивших хорошую основу для расширения всесторонних связей между двумя странами. К сожалению, в Японии есть силы, которые стремятся не допустить

⁵ «Правда», 14.VI.1976

дальнейшего улучшения советско-японских отношений, раздувают в стране антисоветские настроения, ведут дело к отчуждению народов двух стран.

Советский Союз — сторонник восстановления добрых отношений между СССР и КНР, отвечающих принципам социалистического интернационализма. «В отношениях между СССР и КНР, — подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев на Октябрьском пленуме ЦК КПСС. — нет таких вопросов, которые нельзя было бы решить в духе добрососедства».

Нормализация отношений между Советским Союзом и Китаем, естественно, положительно сказалась бы на обстановке в Азии и в более широком международном плане.

Что касается СССР и других стран социалистического содружества, то для них усилия по обеспечению мира и международной безопасности в Азии — один из главных элементов борьбы за оздоровление международного политического климата в целом. Советский Союз и страны социалистического содружества исходят прежде всего из того, что разрядка напряженности, становясь процессом необратимым, не может и не должна обойти стороной великий Азиатский континент. XXV съезд КПСС исключительно четко и совершенно конкретно поставил задачи: добиваться прекращения растущей, опасной для мира гонки вооружений и перехода к сокращению накопленных запасов оружия, к разоружению; сосредоточить усилия миролюбивых государств на ликвидации остающихся военных очагов, и прежде всего на осуществлении справедливого и прочного урегулирования на Ближнем Востоке; делать все для углубления разрядки международной напряженности, ее воплощения в конкретные формы взаимовыгодного сотрудничества между государствами; вести дело к обеспечению безопасности в Азии на основе совместных усилий государств этого континента; стремиться к заключению всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях; считать одной из важнейших международных задач полную ликвидацию всех остатков системы колониального угнетения, ущемления равноправия и независимости народов, всех очагов колониализма и расизма; добиваться устранения дискриминации и любых искусственных препятствий в международной торговле, ликвидации всех проявлений неравноправия, диктата, эксплуатации в международных экономических отношениях.

Принятая XXV съездом КПСС программа дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов продолжает осуществляться нашей страной последовательно и твердо. Народы стран социалистического содружества, успешно строящие новое общество, кровно заинтересованы в упрочении мира. Этой благородной цели подчинена внешняя политика Коммунистической партии Советского Союза и советского государства, всех братских партий и стран. Последовательная позиция государств — участников Варшавского Договора на совещании Политического консультативного комитета, которое состоялось в Бухаресте 25—26 ноября 1976 г., вновь продемонстрировала единство и сплоченность стран социалистического содружества, общность их целей в борьбе за мир и социализм, за международное сотрудничество и дружбу между народами. Высоко оценив положительные сдвиги, которые произошли за последние годы в международных отношениях, участники совещания выдвинули новые реалистические предложения, направленные на достижение дальнейших успехов в деле укрепления безопасности народов. Они отметили, что самой острой и неотложной задачей современности остается прекращение

гонки вооружений и осуществление разоружения, в первую очередь — ядерного, устранение угрозы мировой войны. Мир не может быть прочным, если продолжается эта безумная гонка, ответственность за которую несут агрессивные круги империализма.

Участники совещания вновь подтвердили, что социалистические страны уже в силу своего общественного строя являются убежденными противниками гонки вооружений. «Необходимо всемерно наращивать усилия в борьбе за углубление разрядки международной напряженности, за окончательную ликвидацию остатков «холодной войны», за упрочение мира и развитие международного сотрудничества, — подчеркивается в декларации, принятой на совещании. — Для достижения новых успехов в решении этих исторических задач требуются активные действия всех государств, всех политических и общественных сил, знающих свою ответственность перед нынешним и грядущим поколениями. Все, кто на деле хочет участвовать в разработке и осуществлении таких действий, найдут надежных и верных союзников в странах социализма, в их народах»⁶.

Советский Союз, другие страны социалистического содружества уже не раз на деле доказывали, что своей скоординированной внешнеполитической деятельностью они стремятся достичь прогресса в упрочении и дальнейшем развитии международной разрядки не только в Европе, но и в других районах мира. В интересах этого они продолжают выступать на международной арене в качестве инициативной силы, выражают готовность поддерживать любые мирные предложения.

Обращение Совещания Политического консультативного комитета ко всем государствам, подписавшим Заключительный акт общеевропейского совещания, с предложенным взять обязательства не применять первыми ядерное оружие друг против друга и заключить соответствующий договор красноречиво свидетельствует о том, что государства — участники Варшавского Договора полны решимости добиваться достижения эффективных международных договоренностей в области военной разрядки и разоружения.

Комментируя это обращение ПКК, японская газета «Майнити» указывала, что «если договор о неприменении ядерного оружия будет заключен, то получится, что все страны мира, обладающие ядерным оружием, поклянутся не применять его первыми, а это теоретически должно привести к неприменению ядерного оружия и его ликвидации. Поэтому можно сказать, что реализация такого договора будет весьма важным шагом в деле достижения ядерного разоружения. Мы считаем, что следует приветствовать продвижение вперед к такому идеалу».

Однако процесс разрядки, углублению которого всемерно способствуют Советский Союз и другие страны социалистического содружества, вызывает противодействие агрессивных сил и кругов, оплакивающих ушедшие в прошлое времена «холодной войны».

На страницах буржуазной прессы и «научной» литературы часто стали появляться призывы к отходу от политики разрядки, пока Советский Союз не станет на путь пресловутой «либерализации». Подобные «призывы» представляют собой не что иное, как попытки прямого вмешательства во внутренние дела нашей страны. Выступая в качестве рупора военно-промышленного комплекса, многие из них вытаскивают на поверхность уже избитый и всем надоевший миф о «советской угрозе». Ратуя за наращивание военной мощи, бывший посол США в Советском Союзе Ф. Колер заявляет, что СССР якобы использует принци-

⁶ «Правда», 27.XI.1976.

пы мирного сосуществования для того, чтобы разработать новую стратегию победы. Те, кто выступает против мирного сосуществования и взаимного сотрудничества, не видят и не хотят видеть того, что разрядка — это объективный процесс, подготовленный всем ходом мирового развития.

Страны социалистического содружества не могут пройти мимо того обстоятельства, что агрессивный блок НАТО продолжает существовать и наращивать военный потенциал. Пентагон ведет разработку новых, еще более разрушительных систем оружия. Так, недавно бывший министр обороны США Рамсфелд объявил о решении приступить к серийному производству бомбардировщика «Б-1» с последующим созданием флота из 244 таких бомбардировщиков, общая стоимость которых составит колоссальную сумму — 23 млрд. долларов. Одновременно с этим, как сообщило министерство обороны США, бывший президент Форд принял решение, одобряющее производство дополнительных шестидесяти ракет «Минитмен-3» большой дальности полета. Как известно, Вашингтон принял так называемую «тихоокеанскую доктрину», цель которой — сохранение и даже усиление «военного присутствия» США в Азии. Она направлена на разъединение стран Азии, на противопоставление одних стран другим, на осуществление монополистических планов чужими, азиатскими руками. Действуя заодно с внутренней реакцией, империалистические круги не оставляют попыток противопоставить друг другу страны Азиатского региона, вмешиваются в их внутренние дела, укрепляют военные блоки. Пентагон по-прежнему сохраняет крупные военные базы в Японии, Южной Корее, Филиппинах, на территории других стран этого региона, пытается восстановить свои позиции в Таиланде. Более того, несмотря на свою географическую удаленность от Индийского океана, США и некоторые другие страны НАТО увеличивают и здесь свои вооруженные силы, создают новые военные базы.

Военные приготовления стран НАТО, подрывная деятельность их агентуры не могут не вызывать законную тревогу прогрессивной общественности Азии. В Азии растет борьба за ликвидацию империалистических блоков и военных баз. Прогрессивная общественность Азии и всего мира не может забыть, что после окончания второй мировой войны Азиатский континент ни одного года не прожил без так называемых локальных войн и вооруженных конфликтов, потенциально несущих в себе угрозу новой мировой войны. На долю этого многострадального континента пришлось самые опасные агрессивные акции империализма. Именно в этом районе были созданы наиболее серьезные и затяжные кризисные ситуации. Вот почему только в условиях мира страны Азии могут успешно противостоять империализму, закрепить свою независимость, сосредоточить усилия на решении стоящих перед ними неотложных экономических и социальных задач.

Ныне уже для всех ясно, что западные военные базы и блоки, основанные на противопоставлении одних стран другим, не только не обеспечивают безопасность народов Азии, а напротив усиливают опасность войн. Мир и безопасность в Азии, как неоднократно подчеркивал Советский Союз, должны быть обеспечены только совместными усилиями государств этого региона. Советский Союз выступает именно за такое решение проблемы. Безопасность на Азиатском континенте должна строиться на таких принципах, как отказ от применения силы в отношениях между странами, невмешательство в их внутренние дела, уважение суверенитета и неприкосновенность границ, широкое развитие экономического и иного сотрудничества на основе полного равноправия и взаимной выгоды. Безопасность в Азии должна также опираться

на строгое соблюдение таких принципов, как право каждого народа распоряжаться своей судьбой, урегулирование всех международных споров мирными средствами, признание и соблюдение всеми неотъемлемого права каждого народа на суверенное владение своими природными ресурсами и осуществление социально-экономических преобразований.

В этой связи многие государственные и общественные деятели Азии считают необходимым использовать поучительный опыт Европы. Конечно, Азиатский континент имеет свои специфические проблемы. Но и в Европе имеются сложные проблемы. Однако европейские государства пришли к взаимовыгодному соглашению и подписали Заключительный акт, в основу которого положен свод норм межгосударственных отношений, основанных на принципах мирного сосуществования. Во время своего официального визита в Москву президент Филиппин Ф. Маркос справедливо заметил, что разрядка должна распространяться на Азию не в меньшей степени, чем на Европу.

Что касается Советского Союза, то, как было заявлено с трибуны XXV съезда КПСС, он и впредь намерен активно участвовать в поисках путей к решению назревших проблем Азиатского континента и будет поддерживать любые предложения, продиктованные заботой о мире и безопасности в Азии.

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

Экономика КНР в 1976 году

И. Н. Коркунов,
кандидат экономических наук
А. П. Морозов,
кандидат экономических наук
И. Н. Наумов,
кандидат экономических наук
С. Л. Ширяев,
кандидат экономических наук

В соответствии с планами, провозглашенными на I сессии Всекитайского собрания народных представителей четвертого созыва, 1976 г. должен был положить начало новой, пятой пятилетке, которая должна завершить «первый шаг» экономической программы, предусматривающей «к концу нынешнего столетия всесторонне модернизировать сельское хозяйство, промышленность, оборону, науку и технику», с тем чтобы КНР «вышла в первые ряды стран мира по уровню развития народного хозяйства»¹. Задача же «первого шага» состояла в том, чтобы «к 1980 г. создать самостоятельную, сравнительно целостную систему промышленности и всего народного хозяйства».

В китайской печати не были опубликованы какие-либо подробности ни десятилетнего, ни пятилетнего, ни годового планов, которые в соответствии с решением I сессии ВСНП должен был разработать Государственный Совет². Что же касается создания «самостоятельной, сравнительно целостной системы промышленности и всего народного хозяйства», то эта формулировка поставленных на пятилетие задач также не отличается большой определенностью. Правда, в 1956 г. на VIII съезде КПК в докладе тогдашнего премьера Государственного совета Чжоу Энь-лая «О предложениях по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства» говорилось, что целостная промышленная система представляет собой такую систему, которая «даст возможность производить важнейшие машины и оборудование, сырье и материалы и в основном удовлетворять потребности расширенного воспроизводства и технической реконструкции народного хозяйства... производить различные товары потребления для соответствующего удовлетворения запросов в связи с неуклонным повышением уровня жизни народа»³.

Вместе с тем анализ китайской печати, в том числе сообщений с мест о разработке новых планов, показывает, что одна из важнейших

¹ I сессия Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики четвертого созыва (документы). Пекин, 1975, стр. 56—57.

² См. там же, стр. 57.

³ Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Часть 1. Документы. Пекин, 1956, стр. 291.

задач пятилетки состоит в резком ускорении темпов экономического развития страны.

Промышленность

В докладе Чжоу Энь-лая «О работе правительства», сделанном 13 января 1975 г., было сообщено, что за период с 1964 по 1974 год валовая продукция промышленности возросла в 2,9 раза, производство стали — в 2,2 раза, угля — на 91%, нефти — в 7,5 раза, электроэнергии — в 3 раза, химических удобрений — в 4,3 раза, хлопчатобумажной пряжи — на 85%⁴. Это означает, что среднегодовые темпы прироста валовой продукции промышленности и важнейших продуктов индустрии за десять лет соответственно составили: 11,2, 8,2, 6,7, 22,4, 11,6, 15,7 и 6,4%. По мнению многих западных обозревателей, среднегодовые темпы прироста промышленного производства за последние 15 лет (1960—1975) составили около 10%. Видимо, эти темпы оказались недостаточными, и предполагалось в новой пятилетке увеличить их до 15%⁵. Однако результаты развития промышленности в 1976 г. показывают, что в этой области экономики страны сложилось весьма неблагоприятное положение, поскольку прирост валового промышленного продукта, если он и был, то не превысил 3%.

О серьезности положения говорят факты, сообщенные западной печатью со ссылкой на беседы министра внешней торговли КНР Ли Цяна и его заместителей с западными дипломатами и бизнесменами в октябре 1976 г. На этих встречах официальные китайские лица заявили об отсрочке начала выполнения пятого пятилетнего плана в связи с экономическими неудачами. Правда, они выразили уверенность, что за оставшиеся до конца пятилетки четыре года китайская экономика сможет наверстать упущенное. Но в этом случае среднегодовые темпы промышленного производства в 1977—1980 гг. придется увеличить до 19%. Подобный рост в нынешних условиях представляется весьма проблематичным.

О заметном спаде темпов промышленного производства говорит и положение в ключевых отраслях промышленности (см. табл. 1).

Таблица 1
Производство важнейших видов промышленной продукции

Вид продукции	Единица измерения	1975 г.	1976 г. (оценка)
Валовая продукция	млрд. юаней	215	221
Уголь	млн. т	365	376
Нефть	млн. т	56	60
Электроденергия	млрд. кВт·ч	115	125
Сталь	млн. т	25	21—22
Металлорежущие станки	тыс. шт.	76	70
Автомобили	тыс. шт.	92	80
Цемент	млн. т	23	25
Минеральные удобрения	млн. т	30	33
Хлопчатобумажные ткани	млрд. м	9,0	9,0

⁴ I сессия Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики четвертого созыва (документы), стр. 50.

⁵ «New York Times», 22.IX.1976.

Топливо-энергетическая база. Одним из слабых мест китайской экономики продолжает оставаться топливо-энергетическая база. Более того, несмотря на ускоренное развитие нефтедобычи в последние годы дефицит топлива и энергии становится, видимо, все более острым. Это хорошо видно из сравнения официальных китайских данных о темпах роста объема валовой промышленной продукции и основных топливо-энергетических отраслей в первой пятилетке и за десятилетие с 1964 по 1974 гг. (см. табл. 2).

Если в первой пятилетке, когда также довольно остро ощущался недостаток энергетических ресурсов, темпы роста добычи угля отставали от темпов роста объема валовой промышленной продукции на 20%, а темпы увеличения нефтедобычи и производства электроэнергии опережали их соответственно на 51,7 и 20%, то в 1964—1974 гг. отставание в темпах роста добычи угля составило уже 69,7%, а опережение темпов роста производства электроэнергии — лишь 3,6%. Правда, более быстро по сравнению со всей промышленностью стала развиваться добыча нефти (опережение в темпах составило 99,1%), но на нефть приходится лишь 12% в топливо-энергетическом балансе страны. Поэтому именно уголь продолжает определять соотношение между производством и потреблением топлива и энергии в стране.

В 1976 г. принимались меры к ускорению капитального строительства в угольной промышленности. Так, если в первом полугодии 1975 г. были введены в эксплуатацию 22 угольные шахты, то в первом полугодии 1976 г. — 32, а за девять месяцев 1976 г. — 43 новые шахты. Среди новостроек китайская печать отмечала, в частности, Шитайскую шахту в Хуайбэйском шахтоуправлении провинции Аньхой мощностью 600 тыс. т в год (дающую на 80% коксующийся уголь)⁶, Сиганскую шахту на месторождении Лайу в провинции Шаньдун мощностью 300 тыс. т угля в год⁷, шахту Цзюньингоу мощностью 650 тыс. т на месторождении Лянва в провинции Хэнань⁸. В провинции Шэньси была построена современная обогатительная фабрика для коксующихся углей производительностью 600 тыс. т угля в год⁹. Сообщалось о создании новой базы по добыче каменного угля в Хэланьшани (Нинся-Хуэйский автономный район). Здесь построено 8 крупных и средних шахт и один открытый карьер¹⁰.

Таблица 2

Среднегодовые темпы роста валовой промышленной продукции, производства угля, нефти и электроэнергии (в %)

Виды продукции	1953—1957 гг. ¹	1964—1974 гг. ²
Валовая продукция промышленности	18	11,2
Уголь	14,4	6,6
Нефть	27,3	22,3
Электроэнергия	21,6	11,6

Источники:

¹ Великое десятилетие. Пекин, 1959, стр. 80, 90 (на кит. яз.).

² Расчет на основе: I сессия Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики (документы), стр. 50.

⁶ «Жэньминь жибао», 16.II.1976.

⁷ «Жэньминь жибао», 23.IV.1976.

⁸ «Жэньминь жибао», 5.VIII.1976.

⁹ «Жэньминь жибао», 25.V.1976.

¹⁰ «Жэньминь жибао», 28.V.1976.

Принимались также усилия, направленные на повышение уровня самообеспечения углем районов к югу от реки Янцзы и на сокращение объема дорогостоящих перевозок угля с севера на юг. В провинции Хунань, например, за период с 1965 по 1975 гг. в угольную промышленность было вложено в 2 раза больше средств, чем за 1949—1965 гг. За 10 лет сюда было направлено более 10 тысяч человек для разведки угольных месторождений и строительства шахт. В результате в 1965—1975 гг. добыча угля в провинции возросла в 3,4 раза. В целом же за этот период в 9 провинциях к югу от реки Янцзы добыча угля увеличилась в 9,4 раза, в то время как в общем по КНР, по официальным данным, производство угля возросло более чем в 2 раза. Однако проблема самообеспечения этих районов углем все еще далека от своего разрешения.

Несмотря на некоторое улучшение капитального строительства в угольной промышленности, положение с увеличением добычи угля в 1975 г. сложилось крайне неблагоприятное. Темпы роста добычи в течение трех кварталов непрерывно падали. За первый квартал они составили 13,7, за первое полугодие — 7,6, а за три квартала в целом — лишь 4,27%. При этом рост производства был достигнут в значительной степени за счет массовой мобилизации людских ресурсов и строительства мелких шахт. Об этом свидетельствует резкое увеличение за короткий период времени удельного веса мелких шахт в общем объеме угледобычи — с 28% в 1974 г. до 40% в первом квартале 1976 г.¹¹ В целом же в 1971—1975 гг. на долю мелких угольных предприятий пришлось более 30% общей добычи угля в стране.

Одной из причин снижения темпов угледобычи явилось землетрясение, выведшее из строя на сравнительно длительный срок Кайлуаньские угольные копи, дающие 25,2 млн. т угля в год, значительная часть которого — коксующиеся угли. В настоящее время на угольных предприятиях страны развернулось движение за то, чтобы ударной работой «компенсировать» потери Кайлуаня. По официальным сообщениям из Пекина, на многих шахтах рабочие «трудятся по две смены подряд». Однако все эти экстренные меры не дают достаточного эффекта, и положение с обеспечением топливом в 1977 г. будет особенно тяжелым, тем более что падение темпов прироста наблюдалось и в нефтяной промышленности.

Нефтяная промышленность. Согласно официальным данным, добыча нефти в первом квартале 1976 г. увеличилась на 12,7% против соответствующего периода 1975 г.¹², что значительно ниже среднегодовых темпов роста последних лет. К исходу первого полугодия положение в нефтяной промышленности еще более ухудшилось: темпы роста нефтедобычи снизились до 10%, в то время как в первом полугодии 1975 г. они составили 24%. Следует отметить, что весь прирост добычи нефти на крупнейших в Китае Дацинских нефтепромыслах за первые шесть месяцев года был получен за счет интенсификации работы действующих скважин. Согласно китайским данным, за первое полугодие здесь не было введено в эксплуатацию ни одной новой скважины.

Вместе с тем серьезное внимание уделялось расширению производства на других нефтепромыслах, в частности в районе Бохайского залива, где в первом полугодии были введены в эксплуатацию новые высокопроизводительные скважины и проложены два трубопровода.

В 1976 г., даже с учетом заметного снижения темпов прироста,

¹¹ «Жэньминь жибао», 27.IV.1976.

¹² «Жэньминь жибао», 25.IV.1976.

добыча нефти в КНР подошла к рубежу 60 млн. т. Правда, эта цифра уже называлась в западной печати, но применительно к 1974 г. Однако в последнее время многие специалисты признают, что эта оценка была завышена и в качестве «более реальных» называют цифры в 50 млн. т для 1974 и 60 млн. т для 1975 г. Даже несмотря на сокращение экспорта нефти в этом году, Китай будет испытывать «нефтяной голод» в условиях, когда спрос на нефть внутри страны все более возрастает, в том числе со стороны нефтехимических комбинатов и предприятий по производству химических удобрений. По оценке швейцарской газеты «Журналь де Женев», внутренние потребности Китая в нефти могут к 1980 г. составить 110 млн. т¹³.

Наряду с наращиванием добычи нефти предпринимались меры к улучшению и развитию системы ее транспортировки. В январе 1976 г. совместными усилиями двух стран был введен в эксплуатацию нефтепровод, по которому нефть из Дацина поступает в КНДР. 23 августа со стапелей судовой верфи «Хунци» был спущен на воду первый в Китае танкер водоизмещением 50 тыс. т¹⁴.

Электроэнергетика. В течение года китайская печать акцентировала внимание на необходимости более широкого строительства средних и мелких ГЭС. Вопросам ускорения строительства сельских электростанций было посвящено специальное всекитайское совещание, созванное министерством водного хозяйства и электроэнергетики КНР в июне 1976 г.¹⁵. Из крупных новостроек в печати отмечался ввод в строй Уланьшаньской электростанции мощностью 100 тыс. кВт во Внутренней Монголии¹⁶, ТЭС в городе Лайу провинции Шаньдун мощностью 375 тыс. кВт¹⁷. В конце 1975 г. вступил в строй еще один энергоблок мощностью 205 тыс. кВт на Хуайнаньской электростанции¹⁸, а также два энергоблока мощностью по 100 тыс. кВт каждый на электростанции «Синьхуа» в Харбине¹⁹.

Ввод в эксплуатацию в конце 1975 г. новых мощностей привел к увеличению в I квартале 1976 г. выработки электроэнергии на 18,2% по сравнению с тем же периодом 1975 г. Однако показатель роста за полугодие снизился до 11%, то есть был несколько ниже среднего официального показателя за предшествовавшие 10 лет и заметно меньше по сравнению с первым полугодием 1975 г., когда он составил 14,3%²⁰. Видимо, в 1976 г. прирост производства электроэнергии не вышел за пределы 10%, а общий объем ее выработки достиг примерно 125 млрд. кВт·ч.

Черная металлургия. По предварительным данным, в 1976 г. Китай заметно сократил импорт проката черных металлов, прежде всего из Японии, что, однако, вряд ли может быть расценено как результат успехов в развитии собственной черной металлургии.

Судя по китайской печати, основным направлением развития металлургической промышленности в прошедшем году оставалась реконструкция и расширение действующих предприятий. В их числе — Бэньсийский металлургический комбинат, где были введены в строй действующих железный рудник, крупная доменная печь, большой ста-

¹³ «Journal de Genève», 21.VIII.1976.

¹⁴ «Жэньминь жибао», 22.IX.1976.

¹⁵ «Жэньминь жибао», 13.VI.1976.

¹⁶ «Жэньминь жибао», 10.I.1976.

¹⁷ «Жэньминь жибао», 14.III.1976.

¹⁸ «Жэньминь жибао», 16.II.1976.

¹⁹ «Жэньминь жибао», 17.I.1976.

²⁰ «Жэньминь жибао», 30.VIII.1975.

леплавильный завод, крупная коксовая батарея. Был также расширен Пекинский металлургический комбинат «Шоуду».

Однако увеличения производства чугуна и стали в 1976 г., по-видимому, не только не произошло, но их выплавка снизилась до 24,5 млн. т. Это объясняется тем, что ряд металлургических комбинатов в районе Таншань — Пекин — Тяньцзинь в той или иной степени пострадали от землетрясения, поскольку они строились без учета сейсмостойкости. Отрицательно на работе металлургических предприятий Северного Китая сказалось и разрушение Кайлуаньских шахт, за счет угля которых обеспечивалась коксом выплавка примерно 10 млн. т стали.

Наращивание мощностей по производству стали и чугуна в последние годы в основном шло за счет строительства небольших и средних предприятий, продукция которых за 1966—1975 гг. увеличилась в 5 раз. Правда, в 1976 г. Китай приступил к монтажу крупного прокатного оборудования и установки непрерывной разливки стали на Уханьском металлургическом комбинате. Пуск в эксплуатацию стана горячей прокатки тонколистовой стали мощностью 3 млн. т, закупленного у Японии, и стана холодной прокатки мощностью 1 млн. т, поставленного западногерманским консорциумом во главе с фирмой «Демаг», позволит поднять прокатные мощности комбината с 1 до 5 млн. т в год. Но даже когда это и произойдет, Китай все же будет нуждаться в закупках металла за границей, недостаток которого сдерживает развитие многих отраслей народного хозяйства. По оценкам иностранной печати, в 1975 г. металлургическая промышленность обеспечила потребности страны лишь на 85%²¹.

Химическая промышленность. До конца ноября 1976 г. китайская печать сообщила об увеличении производства минеральных удобрений — ведущей отрасли химической индустрии Китая — лишь за I квартал, когда оно возросло на 23% против того же периода 1975 г. В общих выражениях говорилось о «бурном» развитии новых для Китая отраслей химии: промышленности синтетических волокон и синтетического каучука, пластмассовой и нефтехимической промышленности. Из новостроек в печати был отмечен ввод в строй Цзилиньского завода «Цяньго» по производству минеральных удобрений из мочевины²². Это первое предприятие такого типа в провинции Цзилинь. В уезде Юнъянь провинции Фуцзянь был пущен в эксплуатацию винилоновый завод, который после завершения строительства будет давать 10 тыс. т винилоновой продукции в год.

Очевидно, что общий спад в темпах роста производства в 1976 г. коснулся и химической промышленности. Производство минеральных удобрений увеличилось, по предварительной оценке, примерно на 7% против 1975 г. и достигло 32 млн. т. При этом прирост в последние годы шел в основном за счет мелких местных предприятий, доля которых в общем объеме производства возросла в 1975 г. до 69%. Хотя производство химических удобрений и возросло по сравнению с уровнем 50-х годов, однако оно явно недостаточно для удовлетворения потребностей сельского хозяйства. По оценкам, к 1975 г. применение химических удобрений в расчете на 1 га пашни достигло примерно 70 кг (в расчете на питательное вещество), в то время как, например, в Японии оно достигает 300 кг²³.

Следует, однако, отметить, что уже с нынешнего года, если план

²¹ «Far Eastern Economic Review», I.X. 1976.

²² «Жэньминь жибао», 10.I.1976.

²³ «Far Eastern Economic Review», I.X.1976.

постепенного ввода в действие новых заводов по производству химических удобрений, закупленных в США, Японии, Франции и других странах, будет успешно осуществляться, картина может существенно измениться и применение химических удобрений в расчете на 1 га превысит 100 кг (по содержанию полезного вещества).

Положение в машиностроении складывалось следующим образом. Достаточно сослаться на два типичных примера из китайской прессы. Как писала газета «Жэньминь жибао» от 26.XI.1976 г., Лоянский подшипниковый завод, ведущее предприятие отрасли, снабжающий своей продукцией более 2400 заводов, план 9 месяцев выполнил всего лишь на 11%, то есть практически простаивал в течение длительного времени. Этот завод обеспечивает подшипниками подавляющую часть потребностей автомобильной и тракторной промышленности. Цзянсийский тракторный завод в этом году не работал в течение 8 месяцев.

Несколько более быстрыми темпами развивались такие отрасли, как транспортное машиностроение, в том числе производство сухогрузных судов и танкеров, нефтяное машиностроение, электронная, приборостроительная и фармацевтическая промышленность. Однако темпы развития машиностроения в целом в 1976 г. упали. Непреодоленными остаются такие недостатки, как мелкосерийность, отсутствие сколь-нибудь прочной научно-технической базы, недостаток инженерно-технических кадров, а отсюда — в основном копирование иностранных образцов продукции.

Представляет интерес сообщение о создании в Юго-Западном Китае нового центра энергетического машиностроения с заводами по производству генераторов гидравлических и паровых турбин и паровых котлов. Эти заводы изготовили комплектное оборудование для более чем 20 крупных и средних ГЭС и ТЭС, в том числе турбоагрегаты мощностью 200 тыс. кВт и гидроагрегаты мощностью 210 тыс. кВт.

Из сообщений об освоении новых видов продукции обращает на себя внимание создание в опытном порядке на 1-м Чанчуньском автозаводе рудничного самосвала грузоподъемностью 60 т. До этого максимальная грузоподъемность машин собственного производства не превышала 40 т.

В области судостроения наступил качественно новый этап в создании судов большой грузоподъемности. 23 августа со стапелей Даляньской судовой верфи «Хунци» спущен на воду первый в Китае танкер дедвейтом 50 тыс. т, строительство которого продолжалось 135 дней. Постройка этого танкера стала возможна в результате того, что КНР освоила производство судовых двигателей мощностью 18 тыс. л. с. против 8—12 тыс. л. с., которые выпускались ранее. На другой крупной судовой верфи страны «Цзяннани» (Шанхай) было спущено на воду грузовое судно грузоподъемностью 30 тыс. т.

В качестве наиболее важных технических достижений машиностроения в последние годы китайская печать отмечала также создание комплектного оборудования для производства 1,5 млн. т стали в год, переработки 2,5 млн. т нефти, гидроагрегатов мощностью 300 тыс. кВт.

Что касается легкой промышленности, то темпы ее развития в 1976 г. вряд ли смогли значительно увеличиться, поскольку они в значительной степени определяются развитием сельского хозяйства.

Транспорт

В течение 1976 г. происходило дальнейшее развитие современного транспорта, укрепление его материально-технической базы. Велось строительство новых железных и шоссейных дорог, трубопроводов;

проводилась реконструкция действующих железнодорожных и автомобильных магистралей; строились и расширялись морские порты; прилагались усилия в пополнении парков локомотивов, вагонов, автомобилей, гражданских самолетов и вертолетов, в увеличении тоннажа морского флота. Принимались меры по расширению географии морских и воздушных международных связей.

В развитии железнодорожного транспорта следует прежде всего отметить завершение строительства и ввод в эксплуатацию Нуньлинской магистрали в северо-западной части провинции Хэйлуцзян — одной из железных дорог, которые прокладываются в пограничных зонах в Северо-Восточном районе страны. Железная дорога (китайская печать не назвала ее конечного пункта), протяженность которой составляет примерно 730 км, берет начало у города Нуньцзян и оканчивается, судя по сообщениям зарубежной печати, у города Мохэ на реке Амур, вблизи советско-китайской границы. Строительство магистрали было начато в конце 1964 г. К 1975 г. движение поездов было открыто на участке Нуньцзян — Силиньцзи (663 км). Северный отрезок магистрали Силиньцзи — Мохэ введен в действие в июне 1976 г.²⁴

От указанной магистрали в западном направлении отходят железная дорога Цзягэдацзи — Итулихэ (212 км) и ветка Линьхай — Бишуй (115 км) и ряд лесовозных подъездных путей. Через железнодорожную линию Цицикар — Нуньцзян она связана с магистралями Харбин — Маньчжурия и Сыпин — Цицикар и тем самым даст выход лесным грузам в промышленные центры Северо-Востока и другие районы страны. Как отмечала китайская печать, данная магистраль, проложенная в горах Большого Хингана, будет иметь «важное значение для разработки лесных ресурсов, укрепления связи северного края с другими районами и усиления обороны»²⁵.

Судя по некоторым другим сообщениям, строительство железных дорог велось и в других районах. В частности, прокладывались железные дороги от Цзюцзяна (порт на реке Янцзы) на запад к Дае (провинция Хубэй) и на восток — к Тунлину (провинция Аньхуэй)²⁶. Завершение строительства этих дорог позволит соединить прямым железнодорожным путем города Нанкин и Ухань. Продолжалось сооружение Сычуань-Хубэйской магистрали. Ее восточный участок от Уханя до Даньцзяна (431 км) был сдан в эксплуатацию в конце 1965 г. На ее западном отрезке от Чунцина до Дасяня временное движение поездов было открыто в 1975 г. Велась работа по строительству Цинхай-Тибетской магистрали, которая в будущем свяжет административный центр провинции Цинхай — Синин с Лхасой, столицей Тибетского автономного района. Помимо магистральных железных дорог прокладывались ветки и подъездные пути к месторождениям полезных ископаемых в ряде провинций, в том числе в провинции Гуйчжоу, Шаньси²⁷.

Наряду с новым железнодорожным строительством большое внимание уделялось усилению пропускной способности некоторых действующих транспортных артерий. В июле 1976 г. «Жэньминь жибао» сообщила о досрочном завершении строительства второго пути на железной дороге Тяньцзинь — Шанхай (протяженность 1325 км) — главной артерии, ведущей из Пекина в Восточный Китай²⁸. Прокладка второй колеи началась еще в 1958 г. В 1960 г. работы были прекращены. Строительство возобновилось в начале 70-х годов. К 1975 г. рельсы

²⁴ «Жэньминь жибао», 8.VI.1976.

²⁵ Там же.

²⁶ «Чжунгун яньцзю», № 9, 1976.

²⁷ Там же.

²⁸ «Жэньминь жибао», 24.VII.1976.

были уложены на большей части линии. Чтобы сдать всю линию в эксплуатацию к концу 1976 г., со второй половины 1975 г. на строительство дополнительно было направлено около 40 тыс. человек. За один год было возведено 8 больших мостов. Самым крупным из них является Цзинаньский мост через реку Хуанхэ, длина которого вместе с подходами составляет 5,7 км. В настоящее время это самый длинный железнодорожный мост через реку Хуанхэ. Кроме того, на трассе построено более 400 средних и малых мостов и водопропускных труб. Были реконструированы многие станции, в том числе Цзинаньский железнодорожный узел. На станциях Тайань, Чанчжоу, Уси, Сучжоу установлены новые современные системы сигнализации²⁹.

Землетрясение 28 июля 1976 г. в районе Таншань — Фэннань провинции Хэбэй причинило серьезные повреждения железной дороге Пекин — Харбин на 230-километровом участке в районе Таншаня. На отдельных участках дороги произошла осадка полотна, были смещены и деформированы рельсы, получили повреждения разной степени несколько десятков мостов. Были повреждены также железные дороги Тяньцзинь — Цзисянь (113 км) и Тунсянь — Тоцзытоу (160 км). Ликвидация последствий землетрясения потребовала значительных средств и материалов.

По оценочным данным, к концу 1976 г. эксплуатационная длина железных дорог Китая составила примерно 47—48 тыс. км.

Пополнение парка подвижного состава происходило за счет собственного производства локомотивов и вагонов и их импорта. В частности, тепловозы и железнодорожные цистерны ввозились из Румынии; ГДР поставляла КНР вагоны-рефрижераторы. Осваивалась новая железнодорожная техника. Например, на Ланьчжоуском тепловозостроительном заводе было проведено испытание тепловоза серии «850». Пекинский локомотиво-вагоностроительный завод «7 февраля» осваивал производство пассажирского тепловоза серии «Пекин» с гидравлической передачей, мощность которого составляет 3000 л. с. На Хэньянском заводе по ремонту железнодорожных механизмов (провинция Хунань) в опытном порядке изготовлено первое в стране гидравлическое оборудование, предназначенное для подъема и рихтовки путей при строительстве и капитальном ремонте железных дорог.

В 1976 г. работа железных дорог осложнялась рядом трудностей. Несмотря на попытки нарастить мощности железнодорожного транспорта, его развитие отставало от потребностей народного хозяйства. Отставание транспортного сектора создавало трудности для всего народного хозяйства. Железнодорожный транспорт не мог без крайнего напряжения справиться с возросшим объемом перевозок грузов, в особенности перевозок грузов тяжелой промышленности. Причин тут может быть несколько. Развитие железнодорожного транспорта долгое время шло в основном по линии нового строительства стальных путей. Причем новое строительство велось преимущественно в районах относительно слабо развитых в промышленном отношении. Мало внимания уделялось повышению пропускной и провозной способности действующих магистралей, внедрению прогрессивных видов тяги, расширению грузовых станций. Машиностроение не полностью обеспечивает железные дороги локомотивами и вагонами, в особенности тепловозами и специализированными вагонами. Высокий уровень импорта транспортных средств подчеркивает слабость нынешнего состояния промышленности транспортного машиностроения. Кроме того, отставание метал-

²⁹ Там же.

лургической промышленности не позволяло в полной мере осуществить программу модернизации железнодорожного транспорта.

Все это в свою очередь потребовало более интенсивного использования наличных основных фондов и дополнительных усилий транспортных, что, конечно, отрицательно повлияло на провозные возможности линий. С другой стороны, из-за преобладания в локомотивном парке паровозов (около 85%), увеличения частоты движения на действующих магистралях и низкой перерабатывающей способности многих грузовых станций участковая скорость поездов не росла. Это сдерживало эксплуатационные возможности железных дорог и вело к тому, что многие из них работали без резервов пропускной и провозной способности. А эти резервы крайне необходимы магистралям для оперативного маневра, обеспечения транспортом различных экстренных хозяйственных нужд страны или потребностей в случае непредвиденных обстоятельств (например, землетрясения в июле 1976 г.).

К затруднениям в работе железных дорог из-за чисто технических причин добавились серьезные осложнения, вызванные уже упоминавшимся землетрясением в провинции Хэбэй 28 июля 1976 г., в результате которого на 10 дней было прервано движение поездов на железной дороге Пекин — Харбин в районе Таншаня и на 4—7 дней на железных дорогах Тяньцзинь — Цзисянь и Тунсянь — Тоцзытоу. И хотя движение на указанных линиях было восстановлено, однако в виду того, что потребовалась срочная переброска в район землетрясения материалов, предназначенных для оказания помощи пострадавшему населению и для ликвидации последствий землетрясения, это отразилось на нормальном движении поездов, идущих в Северо-Восточный Китай и обратно и вызвало дополнительную нагрузку на ряд других магистралей. Кроме того, из-за выхода из строя Кайлуаньских угольных шахт, уголь из которых направлялся преимущественно в Пекин-Тяньцзиньский район и Шанхай, на железные дороги легла повышенная нагрузка по доставке в указанные районы угля из других бассейнов. Например, в октябре среднесуточная доставка угля в Шанхай из провинции Аньхуэй превысила плановые показатели на 61,2%³⁰.

Как и в предыдущие годы, в 1976 г. Китай не назвал статистических показателей об итогах развития и работы железнодорожного транспорта. Но можно предположить, что в 1976 г. по железным дорогам было перевезено примерно на 4% больше грузов, чем в предыдущем году, а грузооборот вырос приблизительно на 5% и составил соответственно 836 млн. т и 420 млрд т/км. Следует отметить, что в 1976 г. темпы роста перевозок грузов и грузооборота оказались ниже, чем в 1975 г.

На водном транспорте усилия концентрировались главным образом на строительстве морских портов и пополнении морского флота судами. Как сообщала китайская печать, в Даляне на 8 месяцев раньше запланированного срока был построен и сдан в эксплуатацию самый крупный и технически сравнительно современный нефтяной причал, являющийся частью нового строящегося порта. Порт расположен в бухте Няньюйвань. Его сооружение было начато в ноябре 1974 г. Глубоководный нефтяной пирс протянулся в море на 1400 м и может обслуживать танкеры грузоподъемностью от 50 000 до 100 000 т. Кроме того, в порту имеется причал, у которого одновременно могут находиться 14 крупных буксиров и другие «рабочие» суда. В порту сооружены также очистной бассейн емкостью 30 тыс. м³, автоматическая нефтепроводная система и другие объекты. По четырем трубопро-

³⁰ «Жэньминь жибао», 11.XI.1976.

водам диаметром 720 мм нефть поступает непосредственно в танкеры³¹. Ввод портовых объектов в эксплуатацию позволит увеличить возможности вывоза нефти.

Построен и введен в действие еще один глубоководный нефтяной порт Хуандао (провинция Шаньдун). Новый порт был заложен в феврале 1974 г. на острове Хуандао, расположенном у западного берега бухты Цзяочжоувань. Как свидетельствует китайская печать, порт включает 4 производственные системы: по погрузке нефти, по погрузке и перевозке горючего, водоснабжения и обработки балластных вод, 11 подземных нефтехранилищ, рассчитанных на 300 тыс. т нефти. Причальная эстакада, протянувшаяся в море, имеет длину 1260 м. У обеих сторон нефтяного пирса могут одновременно находиться два танкера грузоподъемностью 20 000 и 50 000 т. Причал для горючего может одновременно принимать 4 наливных судна и 2 больших буксира. В 1976 г. китайская печать сообщила о сдаче в эксплуатацию нового грузового причала в порту Циньхуандао. Причал может принимать два судна грузоподъемностью 35 000 т каждое. Он возведен на искусственном основании из камня и песка и занимает площадь 80 тыс. м². Его строительство было начато в начале 1974 г. В феврале 1976 г. было завершено сооружение нового нефтяного причала в Шанхае.

Пополнение морского торгового флота происходило за счет судов, построенных на собственных верфях, и импорта судов. В первой половине 1976 г. на судостроительном заводе «Хунци» в Даляне были спущены на воду 3 танкера дедвейтом 24 000 т каждый, там же был построен первый в Китае танкер дедвейтом 50 000 т и первый судовой двигатель мощностью 18 000 л. с. За 8 месяцев 1976 г. на судостроительных верфях Шанхая были спущены на воду 3 морских сухогрузных судна класса 10 000 т и танкер класса 25 000 т. Принимались меры по наращиванию судоремонтных мощностей. Например, в Нанкине был спущен на воду железобетонный плавучий док «Лушань», который может принимать для ремонта морские суда класса 10 000 т. Первый подобный док был построен в 1972 г.³²

Собственное судостроение все еще не в состоянии обеспечить потребности страны в судах для внутренних перевозок и внешней торговли, особенно в судах специализированных типов и крупнотоннажных судах. Чтобы удовлетворить эти нужды, в 1976 г. КНР продолжала импортировать морские суда, большей частью бывшие в эксплуатации. Так, в январе—марте 1976 г. были куплены два сухогруза в Сингапуре и танкер в Румынии, все суда старой постройки. В марте 1976 г. 5 бывших в эксплуатации танкеров дедвейтом 16 000 т каждый были приобретены в Англии. Среди судов новой постройки значится танкер дедвейтом 32 200 т, полученный из Японии. Кроме того, Китай заказал Мальте два танкера дедвейтом по 5700 т. КНР импортировала также судовые двигатели из ПНР, ГДР, ЧССР.

К началу 1976 г. тоннаж морского торгового флота составлял, по оценочным данным, около 3,5 млн. рег. т. Этот тоннаж не включает сотни малых судов (менее 1 тыс. рег. т), занятых в каботажном плавании. Примерно 1/3 тоннажа флота приходится на танкеры.

В 1976 г. Китай впервые приступил к строительству судов на экспорт. По заказу Малайзийской международной судоходной компании он обязался построить сухогрузное судно дедвейтом 3700 т с поставкой в середине 1977 г.

³¹ «Жэньминь жибао», 7.VI.1976, «Китай на стройке», № 10, 1976.

³² «Жэньминь жибао», 3.VIII.1976.

С ростом тоннажа флота у КНР появилась возможность поднять удельный вес собственного тоннажа в осуществлении внешнеторговых перевозок. Если в 1965 г. в сфере внешней торговли на китайских судах перевозилось только 13,3% тоннажа грузов, то к началу 1976 г., по данным китайской печати, удельный вес китайского тоннажа в экспортно-импортных морских перевозках составил около 71%³³. Остальная часть внешнеторговых морских перевозок КНР покрывалась иностранными судами.

Одним из важных моментов развития морского судоходства явилось расширение морских связей с другими странами. Так, в марте и апреле были подписаны соглашения о морских перевозках между правительствами КНР и Алжирской Народно-Демократической Республикой, а также между Китаем и Румынией. В мае в Пекине представители КНР и Новой Зеландии обменялись письмами, в которых подтверждается взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования в области морских перевозок. В соответствии с договором о судоходстве, заключенном между Китаем и Японией в июне 1975 г., в августе 1976 г. в Токио между двумя странами было подписано соглашение об учреждении представительств по вопросам судоходства на частном уровне. В апреле в Тиране состоялось подписание протокола XI заседания сессии китайско-албанского общества.

С целью расширения объема перевозок нефти в Японию, Китай с 1 июля 1976 г. начал применять признанный во всем мире индекс стоимости фрахтования танкеров — так называемую «мировую шкалу» («Уорлдскэйл») — к китайским танкерам, перевозящим нефть, поставляемую Китаем Японии. Принятие индекса мировой шкалы означает переход от единой прежней стоимости фрахтования морских перевозок нефти вне зависимости от японских портов назначения к расценкам, меняющимся в зависимости от расстояния перевозок.

В 1976 г., видимо, не наблюдалось большого роста перевозок водным транспортом по сравнению с 1975 г. Это предположение подтверждается некоторым уменьшением числа судорейсов в морские порты и порты на реке Янцзы. Сокращение продажи нефти, угля, а также закупок стального проката, химических удобрений по сравнению с 1975 г. снизили объем как внешнеторговых, так и внутрихозяйственных перевозок. Дополнительные трудности в морских перевозках сложились также из-за землетрясения в районе Таншаня, от которого пострадали, вероятно, порт Синьган, а также Циньхуандао, куда по нефтепроводу поступала нефть из Дацинских промыслов. Из-за разрушений в Кайлуаньском угольном бассейне в результате землетрясения прекратились или резко сократились морские перевозки угля, значительная часть которого доставлялась в порты Циньхуандао и Синьган.

По имеющимся данным можно заключить, что, хотя перевозки грузов и могли возрасти примерно на 5%, а грузооборот — на 4% по сравнению с 1975 г., эти показатели были ниже показателей, достигнутых в 1975 г.

В течение года велось строительство шоссейных дорог, расширилась материально-техническая база автомобильного транспорта. Сдана в постоянную эксплуатацию Юньнань-Тибетская магистраль протяженностью 716 км. Это четвертая автомагистраль, ведущая из внутренних районов в Тибетский автономный район. Дорога начинается от Сягуаня (провинция Юньнань) и оканчивается в Манкане (Тибетский автономный район), где соединяется с Сычуань-Тибетским шоссе, ве-

³³ «Дили чжиши», № 5, 1976.

душим в Лхасу. Велось строительство дорог магистрального и местного значения. Общая протяженность дорог к концу 1976 г., по оценочным данным, достигла примерно 760 тыс. км.

Грузовой автомобильный парк пополнялся за счет собственного производства и импорта. Несколько тысяч автомобилей средней грузоподъемности было получено из Японии, ГДР, а из Румынии — автоцистерны. В 1976 г. автомобильный парк (грузовой) насчитывал, по приблизительным подсчетам, более 1,1 млн. штук.

Рост автомобильного парка и улучшение его структуры способствовали увеличению объема перевозок грузов. По предварительным оценкам, в 1976 г. перевозки грузов возросли на 5%, а грузооборот на 6% по сравнению с 1975 г. Эти показатели были несколько выше показателей 1975 г. по перевозкам грузов и ниже по грузообороту.

Гражданская авиация пополнилась самолетами «Трайидент», которые Китай получил из Англии по ранее заключенным контрактам. В июне 1976 г. в Мюнхене был подписан контракт на закупку КНР у западногерманской компании «Мессершмидт — Бёльков — Блом» 4-х вертолетов. Эти вертолеты, как сообщалось, предназначены для обслуживания судов и плавучих буровых установок у северного побережья Китая. Велись переговоры о продаже Китаю еще 15 вертолетов этого типа. Как отмечала западная печать, эта сделка явилась практическим шагом между Китаем и крупнейшим западногерманским концерном по производству вооружения.

23 января 1976 г. официально начала действовать прямая авиалиния Пекин — Пномпень (Кампучия), на которой используются самолеты гражданской авиации КНР. Рейсы совершаются один раз в две недели. Велись переговоры между Китаем и Непалом об открытии трансгималайского воздушного сообщения между Катманду и Чэнду в провинции Сычуань.

Нефтепроводы. В начале 1976 г. был введен в эксплуатацию нефтепровод между КНР и КНДР. Продолжалось строительство магистральных нефтепроводов большой протяженности в Северном и Восточном Китае. За первую половину 1976 г. в районе Бохайского залива были проложены 2 мощных трубопровода.

Сельское хозяйство

В 1976 г. сельское хозяйство КНР, как и прежде, испытывало большие трудности в своем развитии. В истекшем году погодные условия для сельского хозяйства на большей части территории страны складывались неблагоприятно. В первой половине года в северных районах страны сев и рост зерновых проходил в условиях засухи, а в ряде южных районов посевы раннего риса пострадали от низких температур, затяжных дождей и наводнений. В результате в ряде провинций пришлось пересевать рис, задержалось созревание зерновых.

После сбора летнего урожая в ряде районов стихийные бедствия сказались на осеннем урожае. Так, в июле — сентябре важные зернопроизводящие провинции (Хэнань, Шаньдун и Хэйлуцзян) пострадали от сильных наводнений. Неблагоприятные погодные условия осложнили высадку рассады позднего риса, сев хлопчатника и других культур, вызвали потери при уборке урожая.

Снижение темпов роста промышленности в 1976 г., ущерб, нанесенный отдельным промышленным центрам землетрясением, вызвали перебои в снабжении предприятий, обеспечивающих нужды села металлом, углем и электроэнергией, а также в снабжении сельских райо-

нов сельскохозяйственной техникой, горючим, удобрениями, привел к нарушениям в работе транспорта.

Валовый сбор зерна, на долю которого приходится около 50% продукции сельского хозяйства и 80% посевных площадей, по предварительным оценкам, составил 240 млн. т. Валовый сбор хлопка, арахиса и некоторых других технических культур предварительно оценивается на уровне или несколько выше прошлого года.

Погодные условия отрицательно сказались на и без того скудной кормовой базе животноводства. Кроме того, мероприятия, проводившиеся в 1976 г. по ограничению личных приусадебных хозяйств, в которых содержится 80% общего поголовья свиней, привели к его снижению, видимо, до 225 млн. голов.

В сложных погодных условиях принимались меры, направленные на преодоление трудностей в сельском хозяйстве. На ирригационные и землеустроительные работы в деревне в осенне-зимний период 1975—1976 гг. было мобилизовано 1,6 млн. кадровых работников и 130 млн. крестьян. Усилиями крестьян, по сообщениям печати КНР, было улучшено обводнение или вновь орошено 4,3 млн. га, выровнено 7,3 млн. га и превращено в высокоурожайные 1,7 млн. га пашни³⁴. Следует, однако, иметь в виду, что эти работы в определенной степени носят ремонтно-восстановительный характер.

Следует отметить также рост посевных площадей под ранним рисом (на 50 тыс. га) и под пшеницей (примерно на 500 тыс. га). За счет расширения посевных площадей сбор пшеницы возрос в 1976 г. на 700 тыс. т.

Низкие темпы развития сельскохозяйственного производства являются одной из главных причин серьезных трудностей в экономическом положении страны. В КНР считают, что масштабы и темпы развития промышленности определяются масштабами и темпами развития сельского хозяйства. Вместе с тем известно, что товарность сельского хозяйства Китая остается на невысоком уровне, хотя потребности населения в продовольствии, а также потребности промышленности в сельскохозяйственном сырье увеличиваются.

В стране сохраняется неравномерность развития отдельных сельскохозяйственных районов как результат дифференцированной политики в отношении этих различных зон. Государством оказывалась большая помощь районам с наиболее благоприятными природными и экономическими условиями.

Материальное положение трудящихся

В 1976 г. китайская печать неоднократно писала, что в промышленности продолжает сохраняться восьмизрядная тарифная система оплаты труда рабочих. Не было никаких сообщений также об изменениях в размерах заработной платы трудящихся. Из этого следует, что, как и прежде, начиная с 1966 г. все рабочие продолжают оставаться на повременной оплате труда. В крупной промышленности, по официальным данным, в начале 70-х годов средняя заработная плата равнялась 50—60 юаням в месяц. У рабочих 1—3-го разрядов, которые составляют подавляющую массу рабочего класса, месячный заработок составлял 31,7—53 юаня, у рабочих 7—8-го разряда, на долю которых приходится 1—1,5%, — 87—117 юаней. У рабочих «уличной» (кустар-

³⁴ «Жэньминь жибао», 23.VII.1976.

ной) промышленности при самой высокой квалификации и большом стаже зарплата не превышала 40 юаней в месяц.

В народных коммунах доходы начисляются по трудовым единицам. 10 трудовых единиц составляют трудодень. В некоторых производственных бригадах один взрослый физически сильный работник может заработать максимум 200 юаней в год. При низком уровне производства заработки могут падать до 18 фэней, а при его подъеме они могут достигать 0,9 юаня за трудодень³⁵. Из заработанных денег крестьяне должны оплачивать зерновой паек и другие расходы. В официальной печати иногда сообщается, что у отдельных семей не хватает заработанных средств для оплаты даже зернового пайка, и они остаются в долгу у производственной бригады.

В целях стимулирования производства в некоторых народных коммунах вся рабочая сила подразделяется на 4 категории. Разница в оплате при переходе к более высокой категории возрастает на $\frac{1}{10}$. Для привлечения к работе подростков, учеников также применяются различные дифференцированные формы оплаты³⁶.

В истекшем году государственные власти проявляли беспокойство по поводу состояния здоровья китайской нации. Хотя после 1949 г. в КНР были ликвидированы эпидемии холеры, оспы, чумы, тем не менее многие опасные заболевания продолжают еще угрожать жизни десятков миллионов китайцев. КНР испытывает острую нехватку квалифицированных врачей, фельдшеров, медсестер, медицинские учреждения слабо обеспечены оборудованием. Особенно это относится к сельской местности, где проживает более 80% населения страны. В китайской деревне отсутствует единая государственная сеть бесплатной медицинской помощи. В последние несколько лет в Китае усиленно пропагандируется кооперативное медицинское обслуживание, а также подготовка медицинского персонала на местах. В настоящее время, по официальным сообщениям, кооперативной медицинской службой охвачено 85% больших производственных бригад. За право пользоваться медицинскими услугами крестьяне ежегодно должны вносить по 1—2 юаня в год.

Проблема медицинских кадров решается на местах путем массовой подготовки «босоногих врачей» и «босоногих санитаров». В настоящее время в деревню также направляется большая часть выпускников медицинских вузов, срок подготовки в которых сокращен с 6 до 3 лет. 60% средств, расходуемых из государственного бюджета на здравоохранение, также идут в сельскую местность. По официальным сообщениям, к настоящему времени подготовлено уже 1,5 млн. «босоногих врачей» и 3 млн. «босоногих санитаров». «Босоногие врачи» и «босоногие санитары» наравне с крестьянами должны трудиться на полях. В год на сельскохозяйственных работах ими отрабатывается по 100—200 человекоднев. Оплата их труда производится из доходов больших производственных бригад с учетом отработанного времени в сельском хозяйстве и в медицинском обслуживании населения.

³⁵ «Жэньминь жибао», 2.VI.1974.

³⁶ «Жэньминь жибао», 10.VII.1976.

Движение неприсоединения: проблемы и перспективы

---

*Н. Г. Георгиев,
И. И. Климов*

За прошедшее десятилетие, и в особенности за последние пять лет, неузнаваемо преобразилась картина современного мира. Буквально на наших глазах мир меняется и меняется в лучшую сторону. И в том, что вот уже более 30 лет после окончания второй мировой войны человечество живет в условиях мира, и в том, что удалось добиться значительного прогресса в деле разрядки международной напряженности, упрочить всеобщий мир и отодвинуть опасность термоядерной войны, и в том, что принципы мирного сосуществования государств с различными социальными системами становятся нормой международной жизни — во всем этом решающая роль принадлежит неутомимой деятельности стран социалистического содружества, их совместным, координированным действиям на международной арене. Мировое социалистическое содружество выступает ныне как самая могучая и надежная сила, отстаивающая мир и международную безопасность.

Благодаря единству, солидарности, взаимной поддержке стран социализма удалось в минувшем пятилетии решить важнейшие задачи, осуществить то, за что они боролись в течение долгого времени. «Ни один объективный человек, — отмечается в докладе товарища Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС, — не может отрицать, что влияние стран социализма на ход мировых событий становится все сильнее, все глубже. И это, товарищи, — великое благо для человечества в целом, для всех, кто хочет свободы, равенства, независимости, мира и прогресса».

За этот же период заметно возросли роль и влияние на ход мировых дел государств, которые еще недавно были колониями или полуколониями. Они с нарастающей энергией отстаивают в противоборстве с империализмом свои политические и экономические права, стремясь закрепить свою независимость, поднять уровень социального, экономического и культурного развития народов. Это проявляется по многим направлениям: в ООН и других международных организациях, где молодые независимые государства выступают против агрессивной стратегии империализма и рецидивов колониализма; в различных политических и экономических объединениях, созданных самими развивающимися странами.

Подавляющее большинство освободившихся стран выступает на мировой арене в рамках движения неприсоединения, возникшего после второй мировой войны. Это движение и решения его высших форумов оказывают существенное воздействие на перестройку всей системы

международных отношений. В документе Конференции 29 коммунистических и рабочих партий Европы «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе» подчеркивается: «Влиятельной международной силой стали народы, завоевавшие свободу и независимость. Движение неприсоединившихся стран, в котором участвует большинство развивающихся стран, является теперь одним из важнейших факторов мировой политики. Оно вносит активный вклад в борьбу за мир, безопасность, разрядку и сотрудничество на равноправной основе, за создание справедливой системы международных политических и экономических отношений, в борьбу против империализма, колониализма, неоколониализма и всех форм господства и эксплуатации»¹.

Вот почему движение неприсоединения привлекает к себе все большее внимание мировой общественности, является в последние годы объектом активной политической и идеологической борьбы. В чем состоит суть политики неприсоединения, каковы проблемы и перспективы этого движения, каким может быть его влияние на дальнейший ход мировых процессов и событий — вот те вопросы, которые ныне вызывают острые дискуссии вокруг и внутри движения неприсоединения.

* * *

В годы, последовавшие за второй мировой войной, начался исторический процесс крушения колониальной системы, освобождения народов, страдавших веками под властью империалистических держав. Решающим фактором, способствовавшим краху колониализма, была победа советского народа в Великой Отечественной войне против гитлеровского фашизма и японского милитаризма, рождение могучего содружества социалистических стран, изменившего соотношение сил в современном мире в пользу социализма.

подавляющее большинство стран, освободившихся от политической власти колонизаторов, но оставшихся в системе капиталистического хозяйства, в поисках мер и средств ограждения своего суверенитета, защиты независимости от империалистического вмешательства встает на путь проведения самостоятельной внешней политики, переходит к новому в истории международных отношений направлению внешнеполитического курса. Это новое направление, проложив себе дорогу в жизнь, утвердилось под названием политики позитивного нейтрализма, или неприсоединения. Оно явилось, по существу, ответной реакцией молодых независимых государств Азии, Африки и Латинской Америки на попытки империалистических кругов втянуть их в систему агрессивных военных блоков и союзов типа СЕАТО, СЕНТО, АЗПАК и других, чтобы сохранить в освободившихся странах свое политическое влияние, экономические позиции и «военное присутствие» с разветвленной системой баз, плацдармов и опорных пунктов.

В стремлении затормозить процесс упрочения независимости и самостоятельности освободившихся стран, предотвратить их сближение с естественным и самым надежным союзником — социалистическим содружеством, уменьшить их влияние на международной арене империалистические круги и их пособники разжигали между ними терри-

¹ «Коммунист», 1976, № 10, стр. 19.

ториальные конфликты, а внутри этих стран — национальные и религиозные противоречия. Однако неоколониалистская стратегия империализма в этот период привела к обратным результатам. Она лишь способствовала тому, что движение неприсоединения с самого начала приняло в качестве своей основы политику активной борьбы против империализма, колониализма, расизма, политику солидарности с народами, борющимися за свою независимость.

Первым, кто возвел неприсоединение в ранг государственной политики, был покойный премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. Выступая по радио Дели 7 сентября 1946 г. после образования Временного правительства Индии, Джавахарлал Неру заявил: «Мы будем принимать активное участие в международных конференциях, проводя свою собственную политику как свободная страна, а не как спутник другой страны. Мы надеемся установить тесные и непосредственные контакты с другими странами и сотрудничать с ними в укреплении всеобщего мира и свободы. Мы намерены, насколько это возможно, держаться в стороне от политики силы... Мы особенно заинтересованы в освобождении колониальных и зависимых стран и народов и в признании в теории и на практике равных возможностей для всех рас»².

Дж. Неру был уверен, что такой внешнеполитический курс отвечает коренным интересам не только индийского народа, но и народов всех молодых независимых государств. «Я нисколько не сомневаюсь, что довольно скоро, через два-три года, мир найдет эту позицию оправданной... и многие малые страны, сейчас несколько беспомощные, станут, вероятно, следовать в таких вопросах, скорее, примеру Индии, чем других стран»³ — отмечал он в своей речи в Учредительном собрании Индии 4 декабря 1947 г. И Дж. Неру не ошибся.

Действительно, внешняя политика индийского правительства, руководимого Дж. Неру, быстро завоевала признание миролюбивых стран и содействовала укреплению международного авторитета Индии. Примеру Индии последовали руководители многих других освободившихся государств, прежде всего в Азии. Так было положено начало движению неприсоединения на обширном континенте нашей планеты.

Движение неприсоединения заметно расширилось с образованием новых государств, главным образом на Африканском континенте, бурный рост числа которых отмечался в 50-е годы. Оно охватило не только страны, освободившиеся от колониального и полуколониального гнета. К нему приобщился целый ряд государств, издавна считавшихся независимыми, — Афганистан, Эфиопия и др. Ныне движение неприсоединения насчитывает в своих рядах около 90 суверенных государств Азии, Африки и Латинской Америки. К нему примыкает и целый ряд национально-освободительных и международных организаций.

Первым практическим шагом на пути объединения и консолидации совместных усилий освободившихся стран явился созыв по инициативе Дж. Неру международной конференции стран Азии, проходившей в Дели с 23 марта по 2 апреля 1947 г. В ней участвовали представители 32 стран, в том числе представители среднеазиатских республик Советского Союза. Выступая на этой конференции, Дж. Неру заявил: «Слишком долго Азия была просительницей в западных судах и канце-

² Дж. Неру. Внешняя политика Индии. Избранные речи и выступления. 1946—1964. М., 1965, стр. 30—31.

³ Там же, стр. 61.

ляриях. Теперь это должно отойти в прошлое. Мы намерены твердо стоять на собственных ногах и сотрудничать как равные с равными со всеми, кто готов сотрудничать с нами. Но мы не намерены быть игрушкой в чьих бы то ни было руках... Страны Азии перестали быть пешками в чужой игре. Они будут проводить свою собственную политику в международных делах»⁴.

Конференция в Дели имела важное значение в деле активизации борьбы освободившихся народов против неоколониалистской политики империализма, содействовала укреплению солидарности азиатских стран.

Значительным событием в истории становления движения неприсоединения явилась конференция стран Азии и Африки, проведенная в 1955 г. в Бандунге (Индонезия). Именно там были заложены принципы движения неприсоединения и единодушно поддержаны принципы мирного сосуществования, ставшие политической и правовой основой внешней политики подавляющего большинства молодых независимых государств. В Декларации о содействии всеобщему миру и сотрудничеству участники конференции заявили, что они выступают за такие отношения между государствами, которые базировались бы на уважении суверенитета и территориальной целостности, на признании равенства всех наций, больших и малых, на отказе от вмешательства во внутренние дела других государств, на воздержании от агрессивных действий и угрозы применения силы, на стремлении к урегулированию всех споров мирными средствами⁵.

Теория и практика неприсоединения отвергает упрощенный подход к определению этого понятия лишь как неучастия в блоках. Основоположники движения неприсоединения с самого начала ставили более широкие задачи и цели в области внешней политики молодых независимых государств, о чем свидетельствовали решения Делийской и Бандунгской конференций. Они также решительно отвергали всякие попытки поставить знак равенства между неприсоединением и «классическим нейтрализмом», попытки определенных кругов изолировать освободившиеся страны, убедить их оставаться в стороне от противоборства старого и нового миров.

Отстаивая позитивное значение политики неприсоединения, Дж. Неру, в частности, всегда подчеркивал ее активный, действенный и целеустремленный характер. Он выступал против пассивного выжидания развития международных событий, против ухода в сторону от решения острых вопросов современности⁶.

Активная борьба за обеспечение мира и безопасности, против империализма, колониализма и неоколониализма, против угрозы новой мировой войны, а не нейтральность — такова была одна из важнейших характерных черт неприсоединения с момента его зарождения.

Из сказанного выше явствует, что в основе широкой популярности неприсоединения и его быстрого распространения лежали вполне определенные социальные, экономические и политические причины, и прежде всего — забота об обеспечении независимости освободившихся стран, неразрывно связанная с задачей активной борьбы за всеобщий мир как одно из важнейших условий, гарантирующих эту независимость.

⁴ Там же, стр. 52—53.

⁵ Движение неприсоединения в документах и материалах. М., 1975, стр. 58—59.

⁶ См. Дж. Неру. Цит. соч., стр. 21—22.

Это в свою очередь предполагало международное сотрудничество в рамках общепризнанных норм взаимоотношений между государствами.

* * *

Понадобилось примерно 15 лет настойчивых усилий и упорной борьбы освободившихся государств, чтобы концепция неприсоединения пробила себе дорогу, утвердилась в международных отношениях и приобрела организационные формы. Стало общепризнанным отсчитывать историю движения неприсоединения с даты созыва его первого форума на высшем уровне — конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, которая состоялась с 1 по 6 сентября 1961 г. в Белграде. Именно с этого периода началось формирование и развертывание движения неприсоединения как активной международной силы.

В итоговых документах участники конференции четко заявили, что основной их целью является борьба за мир, против колониализма и расизма. Они выразили глубокую озабоченность по поводу ухудшения международной обстановки и возросшей опасности войны, решительно потребовали немедленного прекращения любых форм экспорта контрреволюции, интервенций и вторжений на территорию стран Азии, Африки и Латинской Америки. Конференция выступила за всеобщее и полное разоружение, за безотлагательное заключение соглашения о запрещении всех ядерных испытаний, за ликвидацию военных баз на чужих территориях. С этой целью она рекомендовала созвать Всемирную конференцию по разоружению. Заявив, что «война между народами является не только анахронизмом, но и преступлением против человечества», участники конференции подчеркнули, что «принципы мирного сосуществования являются единственной альтернативой «холодной войне» и возможной всеобщей ядерной катастрофе»⁷.

Эта позиция по коренным проблемам современности и требования участников движения неприсоединения, изложенные на их первом высшем форуме, были затем неоднократно подтверждены и развиты в решениях последующих конференций.

В документах Белградской конференции впервые нашли отражение согласованные цели и принципы движения неприсоединения. Кроме того, конференция одобрила критерии участия в движении неприсоединения, сформулированные на подготовительной встрече представителей 22 государств — сторонников политики неприсоединения в июле 1961 г. в Канре. Эти критерии содержали следующие требования: «...Политика страны должна быть независимой, основанной на принципах мирного сосуществования и неприсоединения, или ее отношение к этой политике должно быть сочувственным. Страна должна поддерживать движение за национальное освобождение, не должна присоединяться к какому бы то ни было коллективному военному союзу, не должна вступать с какой бы то ни было великой державой в двусторонний союз и не должна разрешать какой бы то ни было иностранной державе создавать на своей территории какие-либо военные базы»⁸.

Год за годом международная обстановка ставила в повестку дня

⁷ Движение неприсоединения в документах и материалах, стр. 65—66.

⁸ «Международная жизнь», 1976, № 8, стр. 151.

все новые и новые проблемы и, отвечая на них, движение неприсоединения расширяло круг охватываемых им вопросов, вносило свой конструктивный вклад в их решение. Тем самым движение неприсоединения обогащалось, наполнялось более глубоким содержанием.

В политический актив движения неприсоединения следует отнести и такие прогрессивные и весомые акции, как поддержка справедливой борьбы народов Индокитая и Ближнего Востока против империалистической агрессии, солидарность с бывшими португальскими колониями в их борьбе за независимость, активные выступления против расистских режимов на юге Африки и др.

Все это позволило неприсоединившимся государствам, всему движению неприсоединения в целом стать реальной политической силой, оказывающей все большее воздействие на развитие международной обстановки, на решение актуальных проблем современности в интересах мира и международной безопасности.

Однако за годы своего становления и развития движение неприсоединения знало не только подъемы. Ему нередко приходилось действовать в довольно трудной и сложной обстановке, проходить серьезные испытания, особенно во второй половине 60-х годов, когда в разгар «холодной войны» империализм попытался перейти в контрнаступление против национально-освободительного движения, и прежде всего против молодых государств, избравших прогрессивный путь развития. Примером тому может служить резкое усиление вооруженной агрессии США в Индокитае в те годы, обострение обстановки на Ближнем Востоке и юге Африки, возросший политический и экономический нажим со стороны западных держав и межнациональных корпораций на страны Азии и Африки.

В этих условиях западная пропаганда стала усиленно распространять тезис о «нежизнеспособности» движения неприсоединения. И кое-кто из деятелей афро-азиатских стран поверил этому, согласившись с тем, что неприсоединение «следует сдать в архив». Само собой разумеется, что подобное положение не могло не нанести ущерба движению неприсоединения, не сказаться на его эффективности и действительности.

Однако империализму и международной реакции не удалось сбить движение неприсоединения с антиимпериалистических позиций. Более того, процесс разрядки напряженности и нормализации отношений между СССР и ведущими капиталистическими государствами, переход от политики «холодной войны» и конфронтации к международному сотрудничеству, к укреплению безопасности, начавшийся в 70-х годах под решающим воздействием внешнеполитических усилий стран социалистического содружества, способствовали оздоровлению политического климата во всем мире. Это в свою очередь облегчило осуществление политики неприсоединения, привело к заметной ее активизации, к решению ряда проблем, стоящих перед неприсоединившимися странами.

Важным стимулом и подлинным источником вдохновения для неприсоединившихся стран явились победа народов Индокитая и объединение Вьетнама, успехи арабских стран в противоборстве с империализмом, ликвидация колониальных режимов Португалии в Африке, положительные результаты в деле обеспечения безопасности и мирного сотрудничества в Европе. В столь успешное для дела мира и прогресса развитие событий немалый вклад, несомненно, внесло и само движение неприсоединения своей активной деятельностью.

Победы, достигнутые в последние годы в борьбе против империализма и колониализма, придали движению неприсоединения новые

силы, укрепили его ряды. Это нашло свое проявление прежде всего в расширении состава и географии движения неприсоединения. Численность его участников — полноправных членов за период с первой конференции по август 1976 г., когда состоялась пятая конференция в Коломбо, увеличилась более чем втрое — с 25 до 86, а вместе со странами, имеющими статус наблюдателей, их насчитывается теперь около 100 стран. С 1970 г. начался особенно бурный рост состава движения неприсоединения — за пять последних лет в движение вступило (без наблюдателей и гостей) более 30 новых членов.

Активизация движения неприсоединения нашла свое отражение и в более регулярном характере проведения его высших форумов — через каждые три года: 1970 г. — третья конференция в Лусаке, 1973 г. — четвертая конференция в Алжире и 1976 г. — пятая конференция в Коломбо, а также в периодических совещаниях министров иностранных дел, в двусторонних встречах на высшем уровне, в создании в 1973 г. Координационного бюро, которое в период между конференциями проводит обсуждение актуальных международных проблем и вырабатывает по ним общую позицию участников движения неприсоединения.

О возросшем влиянии и эффективности движения неприсоединения свидетельствует сам подход афро-азиатских и латиноамериканских стран к международным проблемам. В целом он отличается теперь большей самостоятельностью и независимостью от империалистического влияния, что, несомненно, способствует укреплению внешнеполитического авторитета неприсоединившихся стран. Более конкретными и целеустремленными стали и решения их высших форумов. Сегодня, наверное, не найдется ни одной важной международной проблемы, в обсуждении и решении которой не принимали бы участия молодые государства Азии, Африки и Латинской Америки. Достаточно ознакомиться с решениями третьей и четвертой конференций глав государств и правительств неприсоединившихся стран, чтобы убедиться в этом.

В частности, в итоговых документах третьей конференции, состоявшейся в Лусаке в сентябре 1970 г., были подтверждены основные цели и задачи движения неприсоединения: обеспечение мира во всем мире и мирного сосуществования, борьба против колониализма и расизма, урегулирование споров мирными средствами, прекращение гонки вооружений, противодействие военным союзам и созданию иностранных военных баз на территории других государств, борьба за экономическую независимость и сотрудничество между государствами, укрепление роли неприсоединившихся стран в рамках ООН, с тем чтобы последняя стала более эффективным препятствием на пути любых форм агрессивных действий и угроз силой или применения ее против свободы, независимости, суверенитета и территориальной целостности любой страны⁹.

Участники четвертой конференции в Алжире (сентябрь 1973 г.) обсудили широкий круг актуальных вопросов современных международных отношений и приняли ряд важных документов: политическую и экономическую декларации, декларацию о борьбе за национальное освобождение, программу действий в целях развития экономического сотрудничества, резолюции о положении на Ближнем Востоке и по палестинскому вопросу, в поддержку борьбы национально-освободительных движений в Африке и др.

Высокую оценку итогов этой конференции дал Л. И. Брежнев в своем

⁹ Движение неприсоединения в документах и материалах, стр. 107—154.

выступлении на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве 26 октября 1973 г. «Большое международное значение, — отметил он, — имеют решения Алжирской конференции неприсоединившихся государств, в которой приняли участие руководители многих стран. Конференция вновь подтвердила решимость этих стран целеустремленно бороться против империализма, войны и агрессии, за мир, независимость и свободу народов... Активная политика миролюбивых государств Азии, Африки и Латинской Америки вносит весомый, значительный вклад в дело разрядки международной напряженности»¹⁰.

* * *

С той поры, когда представители 28 государств собрались в Белграде 15 лет назад на первую конференцию, движение неприсоединения проделало сложный путь, накопило богатый опыт в международных делах. Если для первого периода было характерным вызревание самой идеи неприсоединения, выработка его правовой основы, определение целей и задач, то для последующих лет — формирование и развертывание движения на мировой арене как активной и влиятельной политической силы.

Однако было бы ошибочным рассматривать движение как нечто единое и монолитное, оценивать положение в нем как некую идиллию. Движение неприсоединения — не только новый, но и очень сложный, во многом противоречивый процесс в системе современных международных отношений. В нем идет постоянная и довольно острая борьба по вопросам толкования и применения принципов неприсоединения, самого характера деятельности движения и его дальнейшего развития.

Это объясняется прежде всего значительной неоднородностью состава движения неприсоединения, в которое входят государства с различным общественным строем — от социалистических стран до феодальных монархий, различными уровнями социального и экономического развития, различной социальной и политической ориентацией. Такая пестрота состава участников движения неприсоединения требует большого искусства для преодоления всего того, что мешает сосредоточиться на решении основных задач движения. Положение осложняется также наличием спорных территориальных вопросов и других проблем, доставшихся освободившимся государствам в наследство от колониального прошлого.

Отсюда и различная степень последовательности в осуществлении прогрессивных принципов, на которых основывается движение неприсоединения. Формальное их признание далеко не всегда может рассматриваться как реальное указание на фактическую позицию того или иного правительства, которую оно может занять и занимает в том или ином конкретном международном вопросе. Одно дело — государства, твердо стоящие на антиимпериалистических, антиколониалистских позициях. Другое дело — страны, руководители которых толкуют неприсоединение как «абсолютный нейтралитет», как «равноудаленность от великих держав». Само собой разумеется, что подобный подход к политике неприсоединения неизбежно снижает международный авторитет и влияние движения, отрицательно сказывается на дейст-

---

¹⁰ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речь и статья. М., 1975, стр. 607.

венности борьбы против проросков империализма и неоколониализма. А именно этого и добиваются противники движения неприсоединения. Их цель — во что бы то ни стало ослабить движение неприсоединения, увести его от актуальных политических проблем современности.

Империалистические державы и связанные с ними реакционные силы с самого начала выступали против движения неприсоединения, пытаясь приглушить его антиимпериалистическую направленность, столкнуть его на путь пассивного нейтралитета. Вся история послевоенного периода свидетельствует о том, что империалистические державы не сдают своих позиций без боя. Они используют все средства — от прямой вооруженной интервенции и свержения неугодных правительств, от организации реакционных переворотов и устранения прогрессивных политических деятелей до политического давления, шантажа, угроз и подкупа, возведенных в ранг государственной политики.

Но времена изменились, пора приказов и грубых окриков прошла безвозвратно. И то, что «срабатывало» еще десять-пятнадцать лет назад, сегодня уже не приносит ожидаемых результатов. Если в начальный период апологеты империализма позволяли себе открыто обрушиваться на политику неприсоединения, называть ее, как это делал Джон Фостер Даллес, «аморальной и близорукой концепцией», предавать анафеме всех тех, кто решительно отстаивал национальный суверенитет и политическую самостоятельность бывших колониальных и зависимых народов, то теперь они не могут действовать столь прямолинейно.

Вынужденные считаться с высоким авторитетом движения неприсоединения, с его возросшим влиянием на ход мирового развития, западные державы прибегают к иным, более изощренным и завуалированным методам и приемам, а порой ищут компромиссы с теми, кому еще вчера они бесцеремонно навязывали свою волю.

Для подрыва и раскола движения неприсоединения империалистические державы и их пособники активно используют неоднородность состава участников движения неприсоединения, играя на различии их политических и экономических интересов, идеологических и религиозных воззрений, разжигая существующие между ними противоречия и разногласия. И надо признать, что эти усилия нередко дают свои результаты. Достаточно сослаться на пример Чили, на недавние события в Ливане, переориентацию внешней и внутренней политики Египта, на военный переворот в Таиланде, на планы создания из неприсоединившихся стран так называемого «мусульманского пояса» от Индонезии на востоке до Ливии на западе и многие другие факты.

В арсенале средств, используемых для подрыва движения неприсоединения, особое место отводится экономической «помощи», предоставлению коммерческих или финансовых преимуществ странам-обладателям одного-двух видов сырья и противопоставлению их, таким образом, тем странам, которые располагают иными сырьевыми ресурсами. Показательным в этом отношении является решение Вашингтона о предоставлении экономической помощи развивающимся странам в зависимости от того, поддерживают ли они политику США или нет. Это решение вызвало возмущение в странах Азии, Африки и Латинской Америки, общественность которых справедливо охарактеризовала его как политику «кнута и пряника», как политику «большой дубинки».

Подрывные действия империалистических кругов и их пособников заметно активизировались в период подготовки и проведения пятой конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Коломбо. В послании Л. И. Брежнева, направленном на имя

председателя конференции, отмечалось: «Наряду с процессом оздоровления международного климата, нельзя не видеть и возросшую активность сил реакции и милитаризма, всех тех, кто хотел бы помешать делу национального и социального освобождения народов, вернуть мир к временам «холодной войны» и балансирования на грани ядерной катастрофы. Враги разрядки международной напряженности подогревают очаги военной опасности, стремятся столкнуть между собой государства и народы, продолжают и даже усиливают гонку вооружений»¹¹.

* * *

Пятая конференция неприсоединившихся стран была созвана в обгановке, когда, несмотря на сопротивление сил реакции и поборников «холодной войны», ведущей тенденцией мирового развития становится разрядка напряженности, когда принципы мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества постепенно превращаются в норму международной жизни. Новая обстановка и новые условия, естественно, потребовали от участников конференции определения целей и задач, роли и места неприсоединения в международных отношениях с учетом изменений, происшедших в мире после четвертой конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, состоявшейся в Алжире в 1973 г. Именно об этом шла речь на конференции в Коломбо.

Конференция явилась самым представительным форумом за всю историю движения неприсоединения. В ней приняло участие 86 государств — полноправных членом движения и, кроме того, представители 22 стран, международных организаций и национально-освободительных движений, имевших статус наблюдателей, а также 7 стран, приглашенных в качестве гостей.

В ходе подготовки к этой конференции и во время ее работы проявились различные тенденции, порожденные как неоднородным в политическом отношении составом движения неприсоединения, так и воздействием на него определенных империалистических кругов и их пособников. Внутри движения произошла дальнейшая поляризация сил, что привело к обострению противоречий и борьбы между радикально настроенной прогрессивной группой и консервативным прозападным крылом. Основная борьба концентрировалась вокруг вопросов, касавшихся задач и главного направления движения неприсоединения на современном этапе.

Представители консервативного крыла стремились притупить антиимпериалистическую направленность движения неприсоединения, сбить его на «обособленные», равноудаленные от империалистического лагеря и социалистического содружества позиции, сосредоточить внимание участников конференции на обсуждении в первую очередь экономических проблем, отодвинув на задний план политические вопросы, и таким путем внести «коррективы» в решении предыдущей, Алжирской конференции по актуальным международным проблемам. С этой целью делегаты стран с консервативными и прозападными режимами превратно истолковывали значение Общеευропейского совещания, характер разрядки, шаги в области разоружения, рисовали мрачную, бесперспектив-

¹¹ «Правда», 16.VIII.1976.

ную картину процессов мирового развития. Они игнорировали взаимосвязь и взаимозависимость между решением проблем социально-экономического развития и прогрессом в обеспечении мира, безопасности, разрядки и разоружения. Некоторые делегаты не проводили четкого различия между политикой социалистических стран и империалистических держав, используя тезисы о «равной ответственности» высоко развитых стран и «гегемонизме сверхдержав», требовали добиваться пересмотра Устава ООН и т. д.

Вновь возникли острые дискуссии по поводу трактовки существа политики неприсоединения. Кое-кто из участников движения попытался использовать лозунг неучастия в блоках для того, чтобы отстраниться от решения судьбы мира самим и, если удастся, потянуть за собой под прикрытием «абсолютного нейтралитета» все движение неприсоединения, объясняя это специфическими интересами, присущими якобы только малым и средним нациям.

Напомним, что еще в документах четвертой конференции в Алжире, а затем совещания министров иностранных дел неприсоединившихся стран в Лиме в 1975 г. было официально зафиксировано и подтверждено их негативное отношение к нейтралizmu в борьбе против империализма. «Когда все более обостряются противоречия между намерениями империализма и устремлениями народов третьего мира и других прогрессивных сил к свободе, — говорится в программе взаимной помощи и солидарности неприсоединившихся стран, одобренной совещанием в Лиме, — принцип неприсоединения больше нельзя понимать как самоустранение или просто переход на нейтральную позицию перед лицом политики империализма». Неприсоединившиеся страны, подчеркивается в этом документе, «предпочли занять независимую внешнеполитическую позицию, имеющую решительную антиимпериалистическую и антиколониальную направленность и способствующую укреплению мира и безопасности во всем мире»¹².

В противоположность концепциям «изоляциизма» в выступлениях некоторых государственных деятелей неприсоединившихся стран проявилось и другое толкование «внеблоковой» политики, изображающее движение неприсоединения в качестве «самостоятельного решающего фактора» в современных международных отношениях, неоправданно завышающее его роль и значение в мировой политике, в мировом революционном процессе в целом.

Довольно резкие споры и дискуссии велись вокруг организационных вопросов, и прежде всего — вопроса о критериях при приеме новых членов движения неприсоединения. Ряд делегатов настаивал на их «либерализации» и более «гибком» применении, на допуске в состав участников движения даже таких стран, которые входят в военно-политические блоки. Также остро дебатировался вопрос о допуске на конференцию представителей третьих стран в качестве наблюдателей и гостей, одновременно кое-кто из участников движения пытался распространять версию о мнимой «несовместимости» с принципами неприсоединения тех развивающихся стран, которые связывают себя политическими соглашениями с государствами социалистического содружества. При этом имелись в виду Индия, Ирак, Сирия и другие страны, заключившие договоры о мире, дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом.

¹² Документ совещания министров иностранных дел неприсоединившихся стран в Лиме. НАС/ГМ/Conf. 5/wр. 1/Rev. 9, 29.VIII.1975.

В ходе острых дискуссий на заседании Координационного бюро в Алжире в июне 1976 г. большинство его членов решительно воспротивилось внесению каких-либо корректив в критерии, применяемые при приеме новых членов. Такая позиция преобладала и на конференции в Коломбо.

Различные точки зрения выявились и по вопросу о функциях и составе Координационного бюро. В частности, участникам конференции был предложен такой проект резолюции, который, по существу, означал создание постоянно действующего (между конференциями) на высшем уровне аппарата движения неприсоединения в виде секретариата с широкими полномочиями. В случае одобрения такого проекта движение неприсоединения перешло бы к постепенному превращению в политическую группировку, близкую по своему характеру к тому, что противоречило бы самой сущности политики неприсоединения. Это противоречило бы самой сущности политики неприсоединения, что такое предложение не встретило поддержки.

Генеральный секретарь конференции продемонстрировала также противоречия между участниками движения неприсоединения к решению конкретных международных проблем. Без преувеличения можно сказать, что не все выступления на конференции были проникнуты искренней заботой о мире, безопасности, укреплении антиимпериалистической направленности движения неприсоединения. В некоторых из них слышались странные и даже фальшивые ноты.

Но не эти выступления и настроения определяли атмосферу, царившую на конференции, и весь ход ее работы. Подавляющее большинство участников в своих выступлениях подчеркивали необходимость укрепления единства и солидарности освободившихся стран, укрепления антиимпериалистической и антиколониалистской направленности движения неприсоединения. «Единство является сейчас, как никогда прежде, нашим знаменем, так как оно составляет залог нашей силы и нашей непобедимости. — заявил премьер-министр Социалистической Республики Вьетнам Фам Ван Донг. — Поэтому империализм сейчас активнее, чем в прошлом, пытается расколоть нас, сея в наших рядах разногласия, заставляя азиатов сражаться с азиатами, арабов — с арабами, африканцев — с африканцами и латиноамериканцев — с латиноамериканцами. Империализм пытается также оторвать нас от наших союзников, социалистических стран и других демократических и прогрессивных сил мира». Практически единодушный подход проявился в объективной оценке международной обстановки, происходящих в мире процессов и главных тенденций. Многие участники выступали с призывом усилить борьбу за мир, национальную независимость и социальный прогресс, за распространение разрядки на все районы мира, за разоружение, против строительства иностранных военных баз в бассейне Индийского океана.

Конструктивный политический тон работе конференции придало глубокое по своему содержанию послание товарища Л. И. Брежнева в адрес конференции, вызвавшее большой резонанс среди ее участников и за рубежом.

В итоговых документах конференции — политической и экономической декларациях, программе действий в области экономики, а также в резолюциях по отдельным актуальным международным проблемам — нашел четкое подтверждение антиимпериалистический, антиколониальный характер движения неприсоединения. Вопреки усилиям консервативного крыла, США и другие западные державы оказались главным

объектом критики в Коломбо при обсуждении многих политических и экономических вопросов, в том числе о положении на Ближнем Востоке и юге Африки, в Латинской Америке, Индийском океане и других районах земного шара.

Такие положения политической декларации, как призыв к неприсоединившимся странам применить коллективное или индивидуальное нефтяное эмбарго против Франции и Израиля, поставляющих оружие и военное оборудование южноафриканскому расистскому режиму, а также требование о выводе иностранных войск из Южной Кореи, справедливо расценены как новое свидетельство ослабления политических позиций Запада среди неприсоединившихся стран. Раздраженная реакция госдепартамента США, выступившего с официальным заявлением о том, что он «не считает неприсоединившимися» страны, поддержавшие резолюцию о Корее, говорит само за себя.

Конференция с удовлетворением отметила, что принципы мирного сосуществования завоевали широкое признание мирового сообщества. Она приветствовала прогресс, достигнутый в деле ослабления международной напряженности, приняла во внимание решения Хельсинского совещания, которые укрепляют процесс международной разрядки, и высказалась за распространение разрядки на все континенты. Конференция призвала неприсоединившиеся страны более активно и эффективно участвовать в поисках решений наиболее важных международных проблем.

В политической декларации вновь подтверждены цели движения неприсоединения — «обеспечить мир и безопасность в отношениях между народами», создание «нового международного экономического, социального и политического порядка». В ней выражается убежденность в том, что мир и безопасность на земле могут быть достигнуты только путем всеобщего и полного разоружения, в особенности ядерного разоружения. В этой связи подтверждается настоятельная необходимость эффективных мер по созыву специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН и Всемирной конференции по разоружению. Участники высшего форума признали как неоспоримый факт, что прочный и длительный мир — это гарантия успешного движения вперед всех развивающихся стран.

В политической декларации особо подчеркивается, что империалисты и неоколониалисты всеми силами стремятся вызвать раскол в национально-освободительном движении и что этой тактике империалистов можно нанести поражение лишь путем укрепления солидарности освободившихся государств всех континентов. В ней неоднократно подчеркиваются польза и необходимость солидарности неприсоединившихся государств с миром социализма. Конференция призвала неприсоединившиеся страны прилагать усилия к сотрудничеству со всеми миролюбивыми и прогрессивными силами во всем мире и таким образом успешно укреплять свою способность вести борьбу против империализма. Это решение имеет принципиальное значение для дальнейших перспектив движения неприсоединения.

Руководители неприсоединившихся государств выразили солидарность с народами Индокитая, а также Анголы и других стран Африки, одержавшими победы в национально-освободительной борьбе. На конференции с новой силой прозвучал призыв к ликвидации остатков колониализма, к оказанию практической помощи патриотам Намибии, Зимбабве, борцам против апартеида в ЮАР, независимым государствам Африки, которые подвергаются вооруженным нападениям со стороны Родесии и ЮАР. Конференция констатировала, что процесс деко-

лонизации достиг своей последней и решающей фазы и что в этой связи подъем освободительной борьбы на юге Африки является событием огромного значения.

При рассмотрении региональных проблем участники конференции единодушно высказались за неотложную необходимость ликвидации очагов острой напряженности, в первую очередь в Ливане и на Ближнем Востоке в целом. В специальном разделе политической декларации по Ближнему Востоку содержится суровое осуждение Израиля, высказывается убеждение, что справедливый и прочный мир в этом районе может быть достигнут лишь путем всестороннего урегулирования, основанного на полном уходе Израиля со всех оккупированных арабских территорий и восстановлении и осуществлении неотъемлемых национальных прав арабского палестинского народа. Такое всестороннее урегулирование может быть достигнуто, подчеркивается в декларации, только с участием Организации освобождения Палестины как представителя этого народа.

Как и на предыдущих конференциях, на форуме в Коломбо широко обсуждался вопрос о превращении Индийского океана в зону мира, что оградило бы «независимость, суверенитет и территориальную целостность этого района». Конференция осудила «создание, содержание и расширение иностранных и империалистических военных баз и сооружений, таких, как объекты на Диего-Гарсия», но заявила, что эта позиция не ограничивает права на свободное плавание в Индийском океане судов всех стран, пока они не создают военной угрозы. По предложению делегации Шри Ланка намечено созвать международную конференцию по Индийскому океану.

Значительное место в работе конференции занимало обсуждение экономических проблем, пути и средства решения которых нашли свое отражение в специальной декларации. Обращение к этим проблемам обусловливается заинтересованностью развивающихся стран в достижении экономической независимости и равенства в системе международных экономических отношений. Это — объективный и закономерный процесс, и все прогрессивные силы мира поддерживают справедливую борьбу развивающихся стран за решение указанных проблем.

В экономической декларации, принятой в Коломбо, нашло документальное закрепление новое направление в развитии движения неприсоединения — кооперация стран-участниц на принципах «коллективного самообеспечения». Важное значение имеет в этой связи содержащееся в ней требование об использовании «всех экономических потенциальных возможностей», в числе которых названы активизация экономического сотрудничества между развивающимися странами, укрепление их солидарности и координации деятельности «для совместного отражения всех попыток империалистов сеять раздор и применять нажим».

В современных условиях неприсоединившиеся страны рассматривают свое экономическое сотрудничество как действенный инструмент создания нового международного экономического порядка. Они все более связывают надежды на перестройку международных политических и экономических отношений с необходимостью широкого использования своего суверенитета, солидарности и природных ресурсов. Эта тенденция также нашла отражение в экономической декларации, где подчеркнута важность использования развивающимися странами политического суверенитета и независимости «как рычага для достижения суверенитета и независимости на экономическом уровне».

Анализируя итоги конференции, многие политические обозреватели

отмечают, что они отражают определенный сдвиг движения неприсоединения влево, укрепление в нем прогрессивного ядра, провал замыслов империалистических кругов и их пособников.

Ход работы конференции в Коломбо и ее решения вновь подтвердили, что движение неприсоединившихся стран превратилось в одну из влиятельных сил на международной арене. Конференция еще раз показала обоснованность оценки, данной освободившимся странам и всему движению неприсоединения на XXV съезде КПСС, как серьезного фактора мира, фактора борьбы с колониализмом и империализмом, а также верность тезиса о том, что без учета их интересов уже нельзя решать вопросы мировой политики.

Итоги конференции свидетельствуют о том, что вопреки всем проискам империалистов и их пособников, несмотря на разногласия внутри движения неприсоединения, оно сохраняет единство рядов на решающем антиимпериалистическом направлении своей борьбы.

Решения конференции в Коломбо наметили новые рубежи для дальнейшего развития движения неприсоединения. Теперь дело за практической реализацией этих решений. Несомненно, что борьба за претворение их в жизнь, как подчеркивала вьетнамская газета «Нян зан», «будет разносторонней, трудной и сложной, потому что по сути дела это борьба против империализма». Следует учитывать и то, что различные тенденции и негативные моменты, проявившиеся в ходе работы конференции, видимо, будут иметь место и в дальнейшем, учитывая неоднородность состава движения неприсоединения, а также субъективные и объективные факторы.

В условиях активизации попыток империалистических кругов и реакции воздействовать на движение неприсоединения можно полагать, что выявившиеся на конференции в Коломбо противоречия и разногласия по ряду проблем будут не только сохраняться, но и обостряться. Подтверждением тому может служить разноречивость откликов на итоги конференции и их оценок в самих неприсоединившихся странах. Нельзя не заметить, что при общей позитивной оценке результатов конференции в странах с консервативными, прозападными режимами уже высказываются критические замечания и даже несогласие с отдельными положениями итоговых документов. В частности, не везде нашел поддержку призыв участников конференции к введению эмбарго в отношении некоторых западных стран, сотрудничающих с расистскими режимами Южной Африки. Раздаются голоса о том, что решения конференции не могут быть эффективными, поскольку некоторые из них якобы не получили полного и единодушного одобрения всех ее участников (резолуция по Корею и др.).

Весьма примечательно, что западная пропаганда всячески стремится сыграть на недовольстве отдельных участников движения неприсоединения, делая упор на негативные моменты и слабые стороны движения, выпячивая противоречия и разногласия между его участниками. В этих условиях прогрессивному крылу движения неприсоединения, очевидно, предстоит проделать большую работу, чтобы последовательно осуществить решения конференции, закрепить движение на антиимпериалистических позициях. Это может быть достигнуто на основе единства и антиимпериалистической сплоченности между самими неприсоединившимися странами, их солидарности с социалистическими государствами, со всеми силами, борющимися за мир, независимость и социальный прогресс.

• • •

Советский Союз и другие страны социалистического содружества положительно оценивают движение неприсоединения, неизменно и активно поддерживают все акции неприсоединившихся стран, направленные на содействие устранению из международных отношений всего того, что может таить в себе угрозу всеобщему миру, свободе и независимости народов. Позиция Советского Союза в отношении движения неприсоединения находит отражение в решениях съездов КПСС, во внешнеполитических документах Советского правительства, в двусторонних и многосторонних дипломатических документах, в выступлениях и заявлениях советских руководителей. «Советский Союз, как это не раз было подчеркнуто в важнейших документах КПСС, — говорится в приветственном послании Л. И. Брежнева конференции в Колумбо, — высоко оценивает антиимпериалистическую, антиколониальную и антирасистскую направленность движения неприсоединения, его вклад в упрочение всеобщего мира и международной безопасности, в борьбу за укрепление независимости и прогресс освободившихся стран»¹³.

Отношение Советского Союза к движению неприсоединения всегда строилось и строится на принципиальной, стабильной основе, не подверженной воздействию тех или иных конъюнктурных, привходящих факторов. Советский Союз, все страны социалистического содружества неизменно выступают на стороне сил, борющихся за национальное и социальное освобождение. «КПСС, — говорится в Программе нашей партии, — считает своим интернациональным долгом помогать народам, идущим по пути завоевания и укрепления национальной независимости, всем народам, борющимся за полное уничтожение колониальной системы»¹⁴.

Как подчеркивалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии, Советский Союз не ищет никаких выгод для себя, не охотится за концессиями, не добивается политического господства, не домогается военных баз. Оказывая поддержку национально-освободительному движению, СССР и другие социалистические страны руководствуются принципами пролетарского интернационализма, революционной солидарностью, коммунистическими убеждениями. Социализм был, есть и будет надежным гарантом свободы и независимости всех народов.

Позиция солидарности с антиимпериалистической линией движения неприсоединения, его форумов, со справедливой борьбой развивающихся стран за равноправие вытекает из самой сущности внешней политики Советского государства, подготовлена всей ее историей. С первых дней Великой Октябрьской социалистической революции Коммунистическая партия и Советское правительство, вдохновляемые В. И. Лениным и его идеями, начали великую битву за перестройку международных отношений на началах полного равноправия, мирного сосуществования и сотрудничества стран и народов. Именно Советское государство 60 лет тому назад первым подняло знамя демократизации международных отношений, превращения народов, веками остававшихся объектами чужой политики, в полноправных участников и творцов международной жизни.

И эту ленинскую политику Советский Союз твердо и последовательно проводил в жизнь, несмотря ни на какие трудности и испытания. Современное ее выражение — программа дальнейшей борьбы за мир

¹³ «Правда», 16.VIII.1976.

¹⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., 1971, стр. 50—51.

и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов, принятая XXV съездом КПСС.

История сравнительно небольшого, но чрезвычайно насыщенного событиями периода существования молодых суверенных государств Азии, Африки и Латинской Америки ярко свидетельствует о том огромном значении, которое имели и продолжают для них иметь силы мирового социализма. Потенциальная мощь мировой социалистической системы явилась надежным гарантом национальной независимости и самостоятельности этих государств, фактором, способствующим развитию и дальнейшему углублению национально-освободительного движения.

Без поддержки стран социалистического содружества, их решающего влияния на характер международных отношений движение неприсоединения не смогло бы успешно развиваться.

Каждому непредвзятому наблюдателю ясно, что глубокие перемены в политической жизни угнетенных народов не могли бы произойти, если бы им пришлось бороться один на один с превосходящими силами империализма. Именно потому, что его всемогущество было подорвано социалистическими революциями в Европе, Азии и Латинской Америке, что народы колоний смогли опереться на моральную, материальную и военную поддержку социалистического мира, их справедливая борьба увенчалась успехом.

Не будь такой опоры, империализм либо задушил бы движение неприсоединения в зародыше, либо подорвал бы его позже. «Не будь Советского Союза, — говорил Ф. Кастро, — нельзя было бы даже вообразить ни той меры независимости, какой пользуются сегодня малые государства, ни успешной борьбы народов за возвращение под свой контроль природных богатств, ни того, что их голос внушительно звучит ныне в концерте наций»¹⁵.

Советский Союз и другие страны социалистического содружества оказывают неприсоединившимся государствам разностороннее содействие в решении таких жизненно важных проблем, как создание основ национальной промышленности, развитие государственного сектора, предоставление рынков сбыта для новых видов промышленной продукции, подготовка национальных кадров, ограждение интересов развивающихся стран перед лицом нарастающей экспансии многонациональных корпораций.

Сотрудничество с социалистическими государствами помогает развивающимся странам преодолевать последствия многовековой колониальной эксплуатации, способствует ослаблению их экономической зависимости от империализма. В соответствии с имеющимися межправительственными соглашениями СССР оказывает экономическое и техническое содействие в сооружении около 900 предприятий и других объектов в различных отраслях хозяйства развивающихся стран, причем 472 из них уже введены в строй действующих¹⁶.

Торгово-экономические связи стран социалистического содружества с молодыми независимыми государствами Азии, Африки и Латинской Америки неуклонно развиваются и углубляются на принципах равенства и взаимной выгоды, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела. В плане развития народного хозяйства СССР на

¹⁵ Движение неприсоединения в документах и материалах, стр. 233.

¹⁶ См. И. Кулев. Советский Союз и развивающиеся страны. — «Международная жизнь», 1976, № 10.

1976—1980 гг. особо подчеркивается задача расширения и укрепления экономических и научно-технических связей с развивающимися странами на долговременной, устойчивой и взаимовыгодной основе, при содействии развитию национальной экономики и укреплению экономической независимости этих стран, росту их научно-технического потенциала.

Советский Союз всегда поддерживал справедливые требования неприсоединившихся стран, связанные с перестройкой отношений с империалистическими державами. В Программе дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов задача ликвидации всех остатков системы колониального угнетения, всякой дискриминации, диктата, ущемления равноправия провозглашена как одна из важнейших задач в развитии международных отношений. И эти заявления не расходятся с делом. Порукой тому служит целый комплекс предложений, внесенных Советским Союзом на XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в том числе о перестройке международных экономических отношений, а также предложения стран Варшавского Договора, выдвинутые на совещании Политического консультативного комитета в ноябре 1976 г. в Бухаресте.

Проявляя понимание законных интересов развивающихся стран, Советский Союз активно поддерживает их право самим распоряжаться национальными природными ресурсами, проводить национализацию иностранной собственности, контролировать и пресекать деятельность иностранных монополий на своей территории.

Во всех успехах, достигнутых движением неприсоединения за истекший период, огромную роль играла и играет совместная борьба стран социалистического содружества и неприсоединившихся государств. В свою очередь успехи национально-освободительных движений, упрочение молодых суверенных государств, укрепление их веса и влияния в международных отношениях являются важным положительным фактором, полностью соответствующим интересам всех миролюбивых народов. Не подлежит сомнению, что мир социализма и развивающиеся в первую очередь неприсоединившиеся страны объединяют общие интересы и цели, что их солидарность построена на прочной объективной основе.

Выступая на встрече с общественностью Москвы во время своего визита в Советский Союз в июне 1976 г., премьер-министр Индии И. Ганди подчеркнула: «Народы Азии и Африки в лице Советского Союза нашли надежного друга, который последовательно поддерживает их борьбу за национальное освобождение, расовое равенство, научно-технический прогресс»¹⁷. «Сегодня нет такого уголка в мире, где бы не ощущалось благотворное влияние миролюбивой внешней политики СССР. Точно так же трудно найти народ, стремящийся обрести свободу и разорвать цепи империалистической зависимости, который не встречал бы поддержки со стороны Советского Союза и других социалистических стран», — отметил в своем интервью член ЦК правящей партии Всенародный конгресс, министр энергетики Сьерра Леоне С. Ганди-Капие¹⁸. Подобные оценки можно было бы продолжить.

Коммунистическая партия и Советское правительство рассматривают укрепление дружбы и всестороннего сотрудничества с народами бывших колоний и полуколоний в качестве одного из важнейших принципов международной политики и деятельности СССР. «С подавля-

¹⁷ «Правда», 11.VI.1976.

¹⁸ «Правда», 15.XI.1976.

ющим большинством государств, возникших в результате слома колониальной системы, — говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии, — нас объединяет глубокая приверженность к миру и свободе, отвращение к любым формам агрессии и господства, к эксплуатации одной страны другой. Эта общность коренных устремлений — богатая и плодотворная почва, на которой и впредь будет крепнуть и расцветать наша дружба».

Единство коренных интересов — залог дальнейшего углубления связей и упрочения проверенного жизнью союза мирового социализма и национально-освободительного движения.

Союз с содружеством социалистических стран — один из неиссякаемых источников силы движения неприсоединения, залог дальнейшего укрепления и повышения его роли. Эту точку зрения разделяет большинство неприсоединившихся стран. «Мы считаем, что движение неприсоединения сможет крепнуть, развиваться и одерживать все новые победы в справедливой борьбе, лишь укрепляя солидарность, повышая свою роль в национально-освободительной борьбе, утверждая подлинно антиимпериалистический и прогрессивный характер этого движения и день ото дня все больше опираясь на силы социализма». — отмечал президент Лаосской Народно-Демократической Республики Суфанувонг¹⁹.

Единство коренных интересов, совпадение или близость позиций неприсоединившихся и социалистических государств по широкому кругу международных проблем создают прочную основу для плодотворного сотрудничества этих двух мощных сил современности. Разумеется, это отнюдь не означает полного тождества внешнеполитических принципов социалистических и неприсоединившихся стран. Имеются, конечно, и различия, определяемые как характером, так и объективным положением той и другой группы государств в международных отношениях. Но между ними нет и не может быть ни коренных противоречий, ни вражды. «Мы убеждены, — подчеркнул Л. И. Брежнев в своем выступлении в Белграде, — что расширение сотрудничества между социалистическими странами и движением неприсоединения могло бы эффективным образом способствовать тому, чтобы завтрашний день человечества был свободен от угрозы термоядерной войны, от попыток империализма вершить по своей прихоти судьбами народов и навязывать им свою волю»²⁰.

* * *

После завершения конференции в Коломбо прошло всего несколько месяцев. Но этот период был отмечен многими событиями, имевшими важное значение как для неприсоединившихся стран, так и для международных отношений в целом. Достаточно упомянуть работу XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в центре внимания которой, как известно, были советские предложения о мерах по дальнейшему обеспечению мира и безопасности, а также решения конференции в Коломбо, распространенные среди участников сессии в качестве официальных документов ООН, Всемирную конференцию общественных сил по разоружению в Хельсинки, конференцию стран-членов «группы-77» по вопросам экономического сотрудничества между развивающимися странами в Мехико, Генеральную конференцию ЮНЕСКО в Найроби, международную конференцию, обсудившую положение на юге Африке.

¹⁹ «Правда», 12.VIII.1976.

²⁰ «Правда», 16.XI.1976.

И всюду мощно звучал голос неприсоединившихся стран, предпринимающих активные усилия по практическому осуществлению решений конференции в Коломбо.

За это же время состоялся ряд рабочих заседаний Координационного бюро неприсоединившихся стран. В марте 1977 г. в Дели предполагается провести совещание министров иностранных дел — членов Координационного бюро, в повестку дня которого будет включен анализ международного положения после конференции в Коломбо и деятельность неприсоединившихся стран по реализации ее решений. Большую работу провели общественные организации неприсоединившихся стран в связи с Всемирным форумом миролюбивых сил, состоявшимся 14—16 января 1977 г. в Москве.

Можно надеяться, что силам движения неприсоединения удастся еще более укрепить мощный союз с силами мира, демократии и социального прогресса других стран, еще более целеустремленно бороться против империализма, колониализма и неоколониализма, против войны и агрессии. Ведь именно на этом пути оно обретает силу и действенность, вес и влияние в мировой политике.

Лаосская проблема в международных отношениях (1945—1975)

*М. С. Капица,
доктор исторических наук, профессор*

Лаос, провозглашенный в декабре 1975 г. народно-демократической республикой, — небольшая страна в Юго-Восточной Азии с населением три миллиона человек, экономически очень слабо развитая. Тем не менее в послевоенный период лаосская проблема не раз становилась предметом серьезных международных осложнений. Тридцать лет с небольшими перерывами в Лаосе шла война, она сопровождалась сложной дипломатической борьбой с участием многих стран, в том числе — крупнейших. В конечном итоге трудящимся Лаоса удалось отстоять независимость, установить народно-демократический строй. «...Мы имеем все основания сказать, — говорил товарищ Л. И. Брежнев на октябрьском (1976) Пленуме ЦК КПСС, — что в лице Лаоса семья социалистических государств пополняется еще одним новым членом»¹.

* * *

Разгром Квантунской армии и капитуляция империалистической Японии, оккупировавшей Лаос в 1940 г., сказались и в Лаосе. Когда японские оккупанты покинули страну, а французские колонизаторы еще не успели вернуться, патриотическое движение Лао Иссара (Освобожденный Лаос)² провозгласило независимость страны и разорвало все прежние соглашения с Францией, определявшие зависимое положение Лаоса. 12 октября 1945 года была утверждена временная конституция и создано временное правительство.

Французские войска уже в конце 1945 г. вторглись в южные провинции Лаоса. Слабо вооруженная молодая армия не смогла оказать серьезного сопротивления и потерпела поражение. Часть войск Лао Иссара ушла на территорию Таиланда, другая укрылась в джунглях. Временное правительство эмигрировало в Таиланд.

Борьба Демократической Республики Вьетнам против французского колониального господства вдохновляла патриотов Лаоса. В Лаосе развернулось партизанское движение. Маневрируя, французские власти предоставили Лаосу некоторую автономию, но страна была включена во Французский союз. Национально-освободительное движение нарастало, особенно в восточной части страны. К 1950 г. очаги осво-

¹ «Правда», 26.X.1976.

² В этом движении участвовали представители буржуазии, интеллигенции, патриотически настроенные лица из феодальной знати. Активное участие в движении приняли принц Суфанувонг, Кейсон Фомвихан, Нухак Фумсаван, Фуми Вонгвичит и др.

бодительной борьбы были по всей стране; в освобожденных районах создавались народные комитеты, ликвидировались феодальные порядки. В августе 1950 г. в джунглях Самнеа состоялся Конгресс народных представителей, определивший ближайшие задачи борьбы и образовавший Фронт освобождения Лаоса (Нео Лао Итсала). Один из пунктов программы Фронта предусматривал необходимость союза народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Председателем Фронта и главой правительства национального сопротивления был избран Суфанувонг. В дальнейшем освободительные силы Лаоса стали называться Патет Лао.

Франция ответила усилением карательных мер. Расширилась интервенция США. 23 декабря 1950 г. США подписали с Францией и марионеточными властями стран Индокитая соглашение о взаимной помощи для обороны. Поток из США военного снаряжения и боеприпасов для колонизаторов увеличивался.

Патриоты Вьетнама, Лаоса, Камбоджи 11 марта 1951 г. условились о создании Единого фронта сопротивления. Французские колонизаторы подвергались все более мощным ударам. Париж пошел на очередной маневр: 23 октября 1953 г. был подписан договор о дружбе и ассоциации, в соответствии с которым королевство Лаос признавалось полностью независимым и суверенным государством. Однако в договоре были положения, которые привязывали Лаос к Франции.

Война продолжалась. В конце 1953 — начале 1954 г. народно-освободительная армия Патет Лао при поддержке вьетнамских добровольцев освободила в центральной части страны и на севере территорию с населением около 1 млн. человек. Во время сражения за Дьенбьенфу во Вьетнаме лаосские части в свою очередь сковали французские резервы и перерезали коммуникации и тем самым помогли вьетнамским братьям. Сокрушительный разгром французских войск под Дьенбьенфу вынудил Францию отказаться от колониального господства в Индокитае.

26 апреля 1954 г. в Женеве открылась конференция министров иностранных дел Англии, КНР, СССР, США и Франции. Для решения вопроса об Индокитае были приглашены представители ДРВ, Южного Вьетнама, правительства Лаоса и Камбоджи. Западные страны не допустили на конференцию делегацию правительства сопротивления Лаоса.

Женевские соглашения по Индокитаю вопреки саботажу США были подписаны 20—21 июля 1954 г. Соглашение о прекращении военных действий в Лаосе, Заявление королевского правительства Лаоса и Заключительная декларация участников Женевского совещания предусматривали не только прекращение войны и восстановление мира в Лаосе, но и внутривнутриполитическое урегулирование³.

Участники Женевского совещания в Заключительной декларации обязались уважать суверенитет, независимость, территориальное единство и целостность Лаоса; Франция сделала специальное заявление по этим вопросам, и Лаос, таким образом, получил международное признание своей независимости.

Соглашения предусматривали прекращение военных действий 6 августа 1954 г. одновременно на всей территории Лаоса, а также вывод оттуда подразделений французской армии и вьетнамских добровольцев. Боевые части Патет Лао должны были отойти в две север-

³ Документы Женевского совещания 1954 г. — «Международная жизнь», 1954, № 1, стр. 140—152. См. также В. А. Кожевников, Р. А. Поповкина. Современный Лаос. Справочник. М., 1966, стр. 91—92.

ные провинции — Фонгсали и Самнеа — и находиться там в ожидании политического урегулирования. Королевское правительство обещало не прибегать ни к репрессиям, ни к дискриминации лиц и организаций, участвовавших в военных действиях в Лаосе, и гарантировало им демократические свободы. С целью политического урегулирования предусматривалось проведение всеобщих выборов в Национальное собрание в течение 1955 г. Одновременно королевское правительство обязалось не позволять использовать территорию Лаоса для проведения агрессивной политики, не вступать в военные союзы, противоречащие принципам Устава ООН и подписанным в Женеве соглашениям, не допускать создания на своей территории иностранных военных баз и обращаться за иностранной помощью военными материалами, персоналом или инструкторами лишь в целях действительной обороны страны и в пределах, которые были указаны в Женевских соглашениях. Франции разрешалось сохранить в Лаосе две военные базы и около 1500 человек персонала, необходимого для этих баз и для обучения лаосской армии.

Контроль и наблюдение за выполнением соглашений возлагался на двух председателей Женевского совещания — Англию и СССР, которые осуществляли это с помощью созданной Международной комиссии по наблюдению и контролю в Лаосе (МКК) в составе представителей Индии (председатель), Канады и Польши. Комиссия в Лаосе должна была работать в тесном контакте с лаосским правительством и соответствующими комиссиями во Вьетнаме и Камбодже.

Осуществление Женевских соглашений 1954 г. натолкнулось на сопротивление США. В Вашингтоне рассматривают Лаос как важную базу в Юго-Восточной Азии. Президент Д. Эйзенхауэр заявил 21 июля 1954 г., что «США не являются участником и не считают себя связанными решениями, принятыми конференцией»⁴. Ф. Даллес форсировал создание военного блока СЕАТО. 8 сентября был подписан Манильский договор, в соответствии с которым США, Англия, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Таиланд, Филиппины и Пакистан образовали военный блок, направленный прежде всего против освободительного движения в Юго-Восточной Азии. Специальным протоколом, приложенным к договору, блок СЕАТО взял под «защиту» Лаос, Камбоджу и Южный Вьетнам.

СССР, КНР и ДРВ протестовали против заключения Манильского договора, который противоречил Женевским соглашениям и явился инструментом агрессии.

США пытались помешать достижению договоренности между премьер-министром Лаоса Суванна Фумой и представителями Патриотического фронта о политическом урегулировании. 18 сентября 1954 г. был убит министр обороны Ку Воравонг, один из активных сторонников урегулирования на основе Женевских соглашений. Возник правительственный кризис, в результате которого Суванна Фума ушел в отставку. Правительство Катая Сасорита, вокруг которого объединились реакционные силы, пошло на поводу у США. Оно широко открыло двери для американской «помощи», которая использовалась как средство давления на Лаос.

Катая Сасорит, его шурин Бун Ум и другие, обогащаясь за счет американской «помощи», не хотели подлинной независимости. Они не допускали в правительство представителей Патриотического фронта. Вьентьянское правительство уже в начале 1955 г. начало военные провокации в провинциях Самнеа и Фонгсали против сосредоточившихся

⁴ Documents on American Foreign Relations. Washington, 1954, p. 317—318.

там в соответствии с Женевскими соглашениями 1954 г. патриотических сил.

Делегация Патриотического фронта на переговорах, начавшихся в январе 1955 г., требовала прежде всего прекратить военные действия и приступить к рассмотрению в специальных комиссиях вопросов, связанных с объединением страны и включением представителей фронта в правительство. Делегация правительства заявила, что может рассматриваться лишь вопрос о капитуляции Патриотического фронта. Когда представители Патет Лао отклонили это требование, делегация правительства Катая Сасорита покинула конференцию.

В феврале в Лаос приехал государственный секретарь США Ф. Даллес. Он заявил, что США будут защищать Лаос в соответствии с Манильским договором, призвал бороться против «подрывной деятельности», предложил направлять лаосских солдат и офицеров в Таиланд для обучения американскими офицерами и объявил о предоставлении «помощи» Лаосу на 1955 г.⁵

Поощряемое США правительство Катая Сасорита предприняло широкое наступление на провинции Самнёа и Фонгсали. Наступление было отбито, в стране поднялась волна протеста против гражданской войны. Это вынудило Вьентьян пойти на новые переговоры с Патриотическим фронтом. 9 марта 1955 г. делегация правительства и Патет Лао подписали совместную декларацию о прекращении военных действий. Однако вскоре столкновения возобновились. Угроза углубления раскола страны и начало гражданской войны вызвали протесты в Лаосе. Катая Сасориту снова пришлось согласиться на переговоры. В октябре 1955 г. в Рангуне состоялась встреча премьер-министра Лаоса Катая Сасорита и председателя ЦК Патриотического фронта принца Суфанувонга. Она завершилась подписанием нового соглашения о прекращении военных действий. Но вскоре началось наступление правительственных войск на районы, контролируемые силами освобождения.

6 января 1956 г. состоялся II съезд Нео Лао Итсала. Съезд утвердил программу строительства мирного, независимого, демократического и единого Лаоса. В ней были сформулированы основные принципы внешней политики Лаоса: неприсоединение к военным блокам, установление отношений со всеми государствами на основе пяти принципов мирного сосуществования.

В апреле 1956 г. правительство вновь возглавил Суванна Фума. 10 апреля 1956 г. Суванна Фума и Суфанувонг подписали совместное коммюнике и заключительную декларацию. В них был определен круг вопросов, которые необходимо было решить в интересах политического урегулирования. В октябре было достигнуто соглашение о перемирии, в ноябре и в декабре — соглашения о проведении Лаосом политики нейтралитета, о гарантиях гражданских и политических прав бывшим участникам движения сопротивления и их сторонникам, о предоставлении Патриотическому фронту прав конституционной партии. В апреле 1957 г. Суванна Фума заявил о сформировании правительства с участием представителей Патриотического фронта.

Процесс политического урегулирования был сорван противодействием реакционных сил. Лидер правой группировки Бун Ум угрожал отделением Южного Лаоса и превращением его в самостоятельное государство. США, Англия и Франция направили правительству Лаоса ноты, в которых возражали против включения в правительство пред-

⁵ См. Martin E. Goldstein. American Policy toward Laos. Granbury, New Jersey, 1973, p. 97.

ставителей Патриотического фронта. США пригрозили прекратить помощь Лаосу или значительно сократить ее размеры⁶. Была задержана выплата очередного взноса, были блокированы поставки риса и других товаров из Таиланда.

В результате давления извне и активизации правых сил правительство Суванна Фумы в мае 1957 г. ушло в отставку. Кризис продолжался до августа, когда Национальное собрание утвердило новое правительство, сформированное Суванна Фумой.

Новое правительство возобновило переговоры с Патриотическим фронтом. 22 октября во Вьентьяне было подписано соглашение о создании с участием представителей фронта коалиционного правительства и о передаче под его контроль провинций Самнэа и Фонгсали. В ноябре стороны договорились о включении двух батальонов войск Патриотического фронта в королевскую армию. Эти соглашения известны как Вьентьянские соглашения 1956—1957 гг.

В мае 1958 г. в Лаосе состоялись всеобщие дополнительные выборы в Национальное собрание, число депутатов которого увеличивалось с 39 до 59, с участием Патриотического фронта Лаоса как легальной политической организации. Из 21 дополнительного места Патриотический фронт Лаоса получил 9, а выступавшая в союзе с ним прогрессивная организация Сантифан (Комитет борьбы за мир и нейтралитет) — 4. В результате этой победы патриотов, выступавших под лозунгами обеспечения мирного, независимого и нейтрального развития страны, соотношение сил в Национальном собрании изменилось: из 59 мест Патриотический фронт и поддерживавшие его организации располагали 20.

В Вашингтоне расценили все это как «успех коммунистов». «Американская политика энергично противодействовала образованию коалиционного правительства»⁷. Посол США в Лаосе Дж. Парсон заявил впоследствии комитету Конгресса США, что он «боролся 16 месяцев, чтобы не допустить коалиции». Зам. госсекретаря США У. Робертсон добавил: «Мы делали все, что могли, чтобы это (создание коалиционного правительства. — М. К.) не случилось»⁸. 30 июня 1958 г. США прекратили помощь Лаосу. Под давлением США 22 июля 1958 г. Суванна Фума подал в отставку; он заявил, что готов будет взяться за формирование нового правительства, но без представителей Патриотического фронта. Правительство, которое возглавил представитель крайних правых кругов Фун Сананикон, добилось «чрезвычайных полномочий» будто бы для борьбы с «коммунистической угрозой», объявило в феврале 1959 г. об отказе от Женевских соглашений на том основании, что они якобы уже выполнены. Это было сделано, чтобы открыть более широкие возможности для получения американской военной «помощи». Государственный департамент США заявил о солидарности с правительством Фун Сананикона. «Нью-Йорк таймс» отмечала, что, «отказавшись от Женевских соглашений, правительство Лаоса позволило министерству обороны США контролировать лаосскую армию и строить военные базы в Лаосе»⁹.

Военные поставки США в Лаос расширились. «Помощь» США Лаосу в 1955—1959 гг. составила 205,4 млн. долл. Прибыли новые

⁶ США начиная с 1955 г. предоставляли средства на содержание 25-тысячной армии.

⁷ Martin E. Goldstein. Op. cit., p. 126.

⁸ U.S. Congress, House, Committee on Government Operation in Laos. Hearing before the Subcommittee on Foreign Operations and Military Affairs, 86th Cong., 1st Sess., 1959, p. 195—196.

⁹ «New York Times», 13.II.1959.

группы американских офицеров. Началось переоборудование аэродромов и строительство стратегических дорог. 11 мая 1959 г. войска правой группировки окружили два батальона Патет Лао и попытались разоружить их. Произошло сражение. Одному батальону удалось прорваться. Вскоре к нему присоединились и бойцы второго батальона. 28 июля правительство Фуи Сананикона арестовало группу представителей Патриотического фронта во главе с Суфанувонгом. 26 августа госдепартамент объявил о решении США увеличить помощь Вьетъяну в целях «укрепления обороны». «США энергично помогали усилиям Фуи ликвидировать коммунистическое движение в Лаосе»¹⁰.

СССР, ДРВ, КНР протестовали против этих действий США и правых сил Лаоса, противоречащих Женевским соглашениям; они оказывали помощь Патет Лао.

Чтобы облегчить США вмешательство во внутренние дела Лаоса, правительство Фуи Сананикона обратилось в сентябре 1959 г. в Совет Безопасности с жалобой на «агрессию» со стороны Демократической Республики Вьетнам. Патриотический фронт в письме, направленном 10 сентября 1959 г. в ООН, указывал, что ответственность за гражданскую войну в Лаосе несут США и правительство Сананикона, что выдвинутые последним обвинения против ДРВ в агрессии — это попытка замаскировать заговор против мира. В Лаос вопреки возражению СССР и ряда других стран была послана Комиссия ООН в составе представителей Аргентины, Италии, Турции и Японии. Она не обнаружила фактов, которые подкрепляли бы обвинения против ДРВ. Тогда американская дипломатия попыталась создать в Лаосе постоянный орган ООН. С этой целью в Лаос ездил в ноябре 1959 г. Д. Хаммаршельд. Но создать такой орган так и не удалось.

В кабинете Фуи Сананикона шла острая борьба между сторонниками умеренной линии и правыми. 30 декабря Фуи Сананикон ушел в отставку, и король передал контроль в стране армии. Был назначен временный кабинет до проведения выборов. В результате различных манипуляций, сопровождавшихся репрессиями против левых сил, правительственная партия получила на выборах большинство в Национальном собрании. Новое правительство, которое возглавил Тяо Сомсанит, продолжало политику нажима на демократические права населения и дальнейшего подчинения Лаоса интересам США.

В ночь на 9 августа 1960 г. батальон под командованием капитана Конг Ле совершил военный переворот во Вьетъяне. В выступлении по радио 11 августа Конг Ле заявил, что с каждым днем усиливается вмешательство США, при каждой лаосской организации имеется группа американцев-«консультантов», было десять американских советников даже в его батальоне. Он заявил о необходимости проведения политики нейтралитета. Суванна Фума был приглашен возглавить правительство, в него вошел Фуми Носаван, являвшийся ранее военным министром. Посол США У. Браун оказывал сильный нажим на Фуми Носавана, чтобы он добивался объединения с нейтралистами для борьбы против Патет Лао¹¹. Конг Ле выступил против состава правительства. Тогда Фуми Носаван отправился в Саваннакет, вместе с Бун Умом организовал «революционный» комитет и стал угрожать наступлением на Вьетъян. Фуми Носаван получил поддержку Сарит Танарата, премьер-министра Таиланда, объявившего экономическую блокаду Вьетъяна. Советское правительство 21 сентября осудило поддержку Соединенными Штатами Фуми Носавана.

¹⁰ Martin E. Goldstein. Op. cit., p. 158.

¹¹ Martin E. Goldstein. Op. cit., p. 212.

Суванна Фума сообщил, что его правительство установит дипломатические отношения с СССР и вступит в переговоры с Патет Лао с целью формирования коалиционного правительства. Отношения были установлены 7 октября 1960 г. Правительство США в ответ на это предупредило Суванна Фуму, что перестанет оказывать «помощь», если он не прекратит переговоры с Патет Лао и не возобновит контакты с Фуми Носаваном и Бун Умом. США отказали в просьбе Суванна Фумы предоставить рис и горючее. Суванна Фума заявил, что в таком случае он получит помощь от других стран. Американцы вновь стали оказывать «помощь», посылая в то же время оружие группировке Бун Ума — Носавана. 16 ноября 1960 г. Суванна Фума констатировал, что США поддерживают правую группировку. Он направил делегации в ДРВ и КНР и обратился за помощью к СССР.

17 декабря войска правой группировки, поддерживаемые империалистическими силами США, выбили части нейтралитов из Вьентьяна. Конг Ле отступил на север и объединился с войсками Патриотического фронта. Незадолго до этого Суванна Фума с большей частью своего кабинета отправился в Камбоджу. Представитель посольства СССР информировал его, что Советское правительство окажет необходимую помощь.

Во Вьентьяне функции правительства взял на себя «революционный комитет» во главе с Бун Умом и Ф. Носаваном. США незамедлительно признали его. Вашингтон подталкивал правую группировку на усиление войны против Патриотического фронта, вооружал и оснащал армию правой группировки. К берегам Индокитая была направлена крупная военно-морская флотилия США. Вмешательство американского империализма в дела Лаоса привело к гражданской войне и создало опасный очаг международной напряженности.

Советское правительство 13 декабря 1960 г. обратило внимание правительства США на то, что оно предприняло открытые действия против законного правительства Суванна Фумы и таким образом нарушило Женевское соглашение. Оно предупредило, что не может игнорировать угрозу миру и безопасности в Юго-Восточной Азии, являющуюся результатом грубого вмешательства во внутренние дела Лаоса. Через четыре дня правительство США попыталось обвинить СССР в оказании помощи «мятежным силам».

Возникли разногласия между западными державами. Англия и Франция отказались поддержать линию США на усиление войны против левых сил. Они считали, что нельзя обеспечить стабильность правительства в Лаосе без участия в нем нейтралитов и представителей Патриотического фронта и что нейтралитет Лаоса будет гарантией против разрастания конфликта с вовлечением великих держав. Англия вслед за Индией предлагала возобновить деятельность Международной комиссии по наблюдению и контролю в Лаосе (МКК).

Советское правительство предложило 16 января 1961 г. созвать совещание по типу Женевского совещания 1954 г.

Советский Союз не признал правительство Бун Ума и продолжал оказывать поддержку прогрессивным силам, выступавшим против американского вмешательства, за нейтралитет страны. Нейтралиты и Патет Лао, которым оказывали поддержку СССР, ДРВ и КНР, установили свой контроль на большей части Лаоса. Правые терпели поражения, несмотря на значительную помощь США. В Вашингтоне решили, что в этой обстановке лучше согласиться на нейтралитет Лаоса, чем допустить переход страны под контроль левых сил. Президент Дж. Кеннеди склонялся к поискам урегулирования; он заявил на

пресс-конференции 23 марта 1961 г., что США, дескать, хотят мира, не войны, решения, достигнутого за столом переговоров, а не на поле битвы. Президент все же не удержался от призыва прекратить «вооруженные атаки, поддержанные извне коммунистами». Он угрожал предпринять военные меры по линии СЕАТО. 24 марта Совет СЕАТО принял резолюцию, в которой указывалось, что члены блока готовы принять меры в рамках Манильского договора, какие будут сочтены подходящими в сложившейся обстановке. В Пакистан были даже посланы американские военно-транспортные самолеты для переброски пехотной бригады в Лаос. Но после соответствующего демарша, предпринятого послом СССР, президент Айюб Хан отказался от намерения послать пакистанскую бригаду для участия в войне в Лаосе.

После нескольких месяцев молчания правительство Англии 23 марта 1961 г. прислало ответ на неоднократные предложения Советского правительства о созыве международного совещания для урегулирования лаосского вопроса. 1 апреля Советское правительство предложило договориться о дате и месте совещания. Положительно было встречено предложение Англии о том, чтобы два сопредседателя — СССР и Англия — обратились с призывом о прекращении огня в Лаосе. Было принято также предложение о незамедлительном созыве МКК, которая должна была представить доклад о прекращении огня. Советское правительство подчеркнуло, что урегулирование проблемы Лаоса на основе обеспечения мира, независимости и нейтралитета этой страны требует поддержания международной обстановки, благоприятной для решения такой проблемы. Оно указало, что угрозы вмешательства в дела Лаоса со стороны СЕАТО и тактика бряцания оружием, применявшиеся некоторыми державами, не могли способствовать урегулированию лаосского вопроса, а лишь серьезно затрудняли его.

Президент Дж. Кеннеди назвал советскую ноту «полезным шагом в направлении мирного урегулирования потенциально опасной ситуацией»¹².

В марте — апреле 1961 г. Суванна Фума посетил ряд стран Азии и Европы (ДРВ, Индию, КНР, ОАР, СССР, Францию). Во время переговоров в Москве выявилась общность взглядов с Советским правительством по основным аспектам политического урегулирования лаосского вопроса. Стороны высказались за созыв международного совещания по Лаосу и возобновление деятельности МКК.

24 апреля СССР и Англия как сопредседатели Женевского совещания обратились ко всем военным властям, партиям и организациям в Лаосе с призывом прекратить огонь. Они предложили Индии как председателю МКК созвать комиссию. Сопредседатели пригласили также государства — участников Женевского совещания 1954 г. направить в мае на конференцию в Женеву делегации для рассмотрения лаосского вопроса.

Женевское совещание открылось 16 мая 1961 г. Наряду с государствами — участниками совещания 1954 г. (Лаос, ДРВ, Южный Вьетнам, Камбоджа, СССР, США, КНР, Англия и Франция) были приглашены государства — члены МКК (Индия, Польша, Канада), а также соседние с Лаосом Бирма и Таиланд. От Лаоса были приглашены представители трех основных политических сил. Совещание занималось только внешним, международным аспектом лаосской проблемы. Параллельно шли переговоры руководителей трех группировок: нейтралистской — Суванна Фумы, Патриотического фронта — Суфанувон-

¹² «Department of State Bulletin», 17.IV.1961, p. 544.

га и правой — Бун Ума. Они должны были договориться о внутренних аспектах урегулирования.

Лаосский вопрос был предметом переговоров Председателя Совета Министров СССР и президента США в июне 1961 г. в Вене. На этой встрече было достигнуто взаимопонимание относительно поддержки независимости и нейтралитета Лаоса во главе с правительством, избранным самими лаосцами.

Три политические силы в конечном счете достигли соглашения о создании правительства национального единства, которое должно было проводить политику нейтралитета, экономического развития страны и примирения. Более сложным оказался вопрос о составе правительства, и договоренность была достигнута лишь в июне 1962 г. Коалиционный кабинет должен был состоять из одиннадцати нейтралитов, четырех правых и четырех левых¹³. Представителями трех сторон были также разработаны меры, обеспечивающие прекращение огня, хотя не обошлось без драматической демонстрации силы Соединенными Штатами в мае 1962 г. с целью оказания давления на Патет Лао. Правительство Лаоса выступило с декларацией о нейтралитете.

Острая борьба на совещании шла вокруг вопроса об обеспечении нейтралитета Лаоса. США, поддерживаемые союзниками — Англией, Канадой и Таиландом, стремились сохранить в той или иной форме «право» вмешательства в дела Лаоса, не желая идти на ликвидацию сеатовского «зонтика» над этой страной.

Советская делегация поддерживала контакты с лаосскими представителями, способствовала достижению ими соглашения. Она сумела найти пути к достижению договоренности с западными державами, добиться безоговорочного признания нейтралитета Лаоса и отказа от «зонтика». Полезным оказались такт и дипломатическое мастерство советского дипломата Г. М. Пушкина. Большой вклад Советского Союза в успешное завершение совещания отмечали другие делегации. Энергично содействовали прогрессу совещания вьетнамская и польская делегации.

23 июля 1962 г. страны — участницы совещания приняли декларацию и протокол о нейтралитете Лаоса, торжественно заявив, что будут «уважать и всячески соблюдать суверенитет, независимость, нейтралитет, единство и территориальную целостность Королевства Лаос». Они обязались не совершать каких-либо действий, которые могли бы прямо или косвенно нанести ущерб суверенитету, независимости, единству или территориальной целостности Лаоса, не прибегать к силе, не пытаться втянуть королевство в какие-либо военные союзы, а также не вводить в страну иностранные войска и не создавать на ее территории военные базы. Участники совещания призвали все другие страны уважать это соглашение.

В соответствии с протоколом наблюдать за прекращением огня должна была Международная комиссия по наблюдению и контролю из представителей Индии, Польши, Канады, осуществляющая свои функции в тесном сотрудничестве с правительством Лаоса и с его согласия. Двум сопредседателям Женевского совещания — советскому и английскому — поручалось наблюдение за выполнением Женевского протокола и декларации о нейтралитете Лаоса.

Женевские соглашения были документами, знаменовавшими круп-

¹³ Суванна Фума стал премьер-министром и министром обороны, Суфанувонг — заместителем премьер-министра и министром национальной экономики и планирования, Ф. Носаван — заместителем премьер-министра и министром финансов. Бун Ум в связи с преклонным возрастом добровольно отошел от политической жизни.

ный успех в деле мирного решения сложных международных проблем. Как отмечал министр иностранных дел СССР А. А. Громыко на совещании 21 июля 1962 г., история переговоров на Женевском совещании убеждает, что сотрудничество государств, принадлежащих к различным социально-экономическим системам и географически расположенных в разных районах мира, в уменьшении международной напряженности, ликвидации опасности войны и упрочении мира — не только желанная цель, но и вполне реальное дело, которое стоит того, чтобы для его реализации не жалеть ни времени, ни усилий.

После Женевского совещания 1961—1962 гг. мир установился в Лаосе ненадолго. К концу 1962 г. обострилась борьба между группировками, начались военные столкновения. Суванна Фума обратился к США за помощью. Вашингтон быстро откликнулся, направив сначала продовольствие, а затем — оружие. Во Вьентьяне 1 апреля 1963 г. был убит министр иностранных дел коалиционного правительства левый нейтраллист Квиним Фолсена. В связи с провокациями против представителей патриотических сил они покинули Вьентьян. Части освобождения отбили предпринятые против них атаки войск Конг Ле и освободили Долину Кувшинов. В Центральном и Южном Лаосе они нанесли поражение атаковавшим их войскам правых.

В целях нормализации обстановки в Лаосе министры иностранных дел СССР и Великобритании как сопредседатели Женевских совещаний по Лаосу обратились 1 апреля 1964 г. к премьер-министру коалиционного правительства принцу Суванна Фуме с посланием, в котором выразили серьезную озабоченность в связи с ухудшением военной и политической обстановки в Лаосе и призвали руководителей политических сил организовать как можно скорее трехстороннюю встречу. Результатом этих рекомендаций явилась встреча 17 апреля 1964 г. Суванна Фума, Суфанувонга и Фуми Носавана. Суфанувонг в соответствии с Женевскими соглашениями 1962 г. и договоренностью между тремя сторонами предложил создать смешанную полицию и нейтрализовать королевскую резиденцию Луанг-Прабанг для нормальной деятельности коалиционного правительства. Фуми Носаван наотрез отказался обсуждать предложение о нейтрализации находившегося под контролем его войск Луанг-Прабанга и вообще не проявил готовности вести переговоры. Переговоры ни к чему не привели. Чтобы оказать давление на другие стороны, Суванна Фума заявил о своей отставке. Эффекта это не дало, все разъехались по своим штаб-квартирам, а 19 апреля 1964 г. Суванна Фума был арестован во Вьентьяне; 76 армейских офицеров образовали «революционный комитет» во главе с генералом Купраситом Абхаем.

Ни одно государство, за исключением Таиланда, правящие круги которого, как утверждал ряд буржуазных газет, принимали непосредственное участие в подготовке заговора, не признало и не поддержало заговорщиков. Американские дипломаты и военные в этом случае стремились не к перевороту, который был излишен в силу того, что контроль над Вьентьяном и долиной Меконга находился в руках правых, а к привлечению нейтраллистов на свою сторону с выдвиганием Суванна Фумы в качестве национального лидера объединенного блока правых и нейтраллистов против Патриотического фронта. Неуклюжие действия лаосской военщины поставили под удар задуманную комбинацию. Поэтому из западных столиц последовали настоятельные «советы» восстановить Суванна Фуму в его прежних полномочиях. 20 апреля 1964 г. генерал Абхай «извинился» за свои действия и снял осаду дома Суванна Фумы.

Советское правительство в послании Суванна Фуме в ответ на его обращение отметило, что оно всегда выступало и продолжает выступать за строгое осуществление Женевских соглашений. Советский Союз решительно осудил попытку военного переворота во Вьентьяне и обещал поддержать возобновление переговоров между различными политическими силами Лаоса. Советское правительство в конце мая 1964 года добилось от правительства Великобритании согласия на совместное обращение двух сопредседателей к лидерам политических сил Лаоса с пожеланием возобновить переговоры.

В августе 1964 г. в Париже вновь возобновились переговоры представителей трех политических сил Лаоса. Обсуждались вопросы восстановления в прежнем виде коалиционного правительства национального единства, нейтрализации того района, где оно будет находиться, в целях создания нормальных условий для его деятельности, формирования смешанных политических и вооруженных сил. Переговоры сопровождалось военным давлением правых и «разведывательными» полетами американских военных самолетов над территорией, контролируемой Патриотическим фронтом. На совещаниях в Вашингтоне летом 1964 г. было решено перейти к «активным действиям» в Лаосе. Газета «Уолл-стрит джорнэл» писала в июле 1964 г., что основной предпосылкой при разработке американской политики в Лаосе было широкое вмешательство во внутренние дела страны при одновременном увеличении «помощи» Сайгону, с тем чтобы повернуть ход событий в Южном Вьетнаме и других странах Юго-Восточной Азии в выгодном для США направлении.

Американская эскалация войны во Вьетнаме повлекла за собой расширение военных действий на всем Индокитайском полуострове, в том числе и в Лаосе. Бомбардировки территории ДРВ весной и летом 1965 г. сопровождалась налетами американской авиации на территорию, контролируемую вооруженными силами Патриотического фронта. Правая лаосская группировка во все больших масштабах стала получать американское военное снаряжение и боеприпасы из Таиланда и Южного Вьетнама.

В феврале 1965 г. во Вьетнаме произошел новый военный путч, приведший к изгнанию из страны Фуми Носавана и замене его более «послушными» генералами. Суванна Фума провел реорганизацию правительства, включив в него представителей правых сил, а 18 июля 1965 г. в зонах контроля правых были проведены «выборы» в Национальное собрание Лаоса, юридически положившие конец существованию коалиционного правительства национального единства. Интенсивность бомбардировок Лаоса американской авиацией все более возрастала. К концу 1968 г. на Лаос ежедневно совершалось до 500 вылетов бомбардировщиков Б-52¹⁴.

В Лаосе была создана радарная станция, которая выводила американские бомбардировщики на цели во Вьетнаме. С лаосской территории поднимались вертолеты ВВС США для спасения летчиков сбитых американских самолетов на территории ДРВ.

Вашингтонская дипломатия в течение длительного времени молчала насчет того, что авиация США в нарушение нейтралитетского статуса Лаоса бомбила территорию этой страны. Однако американские газеты писали о налетах на так называемую «тропу Хо Ши Мина». С 1968 г. дипломатия США стала признавать факт бомбардировок. При этом Вашингтон пытался представить дело таким образом, будто эти действия вызваны «вмешательством» ДРВ в дела Лаоса.

¹⁴ «New York Times», 18.IX.1969.

Суванна Фума утверждал, что он разрешил самолетам США «разведывательные полеты». Поскольку по американским самолетам стреляли, то, дескать, возникла необходимость принятия мер для самозащиты. С конца 1968 г. Суванна Фума стал открыто признавать, что он одобрил американские налеты на районы Патриотического фронта. Он утверждал, что в Лаосе, дескать, «оперируют» войска ДРВ и что бомбардировки могли бы быть прекращены после вывода этих войск с лаосской территории. Суванна Фума неоднократно обращался в Международную комиссию с требованием провести расследование атак против «правительственных войск». Однако комиссия была неправомерно проводить какое-либо расследование без согласия коалиционного правительства. Но такого правительства не существовало.

Патриотический фронт выступил с осуждением американской интервенции в Лаосе и блокирования вьетъянских властей с США. Он выражал готовность к национальному примирению, если будут прекращены американские бомбардировки и если вьетъянские власти станут проводить политику, соответствующую Женевским соглашениям.

ДРВ заявляла о поддержке движения в Лаосе, направленного против американского вмешательства. Она протестовала против нарушения авиацией США воздушного пространства Лаоса для налетов на территорию Вьетнама. Подвергались критике действия вьетъянских властей, поощрявших американскую интервенцию и нередко выступавших с обвинениями по адресу ДРВ.

Выступало с протестами и правительство КНР. В северных провинциях Лаоса находилось около десяти тысяч китайских солдат, которые строили там стратегические дороги.

Советский Союз, как сопредседатель Женевского совещания по Лаосу, внимательно следил за обстановкой в этой стране. Дипломатия СССР предпринимала соответствующие шаги, чтобы обеспечить строгое соблюдение Женевских соглашений, пресечь американскую интервенцию, помешать сползанию вьетъянских властей с позиций нейтралитета. В ходе бесед с королем Лаоса Саванг Ваттханой и принцем Суванна Фумой в Москве в 1966 г. советские руководители рекомендовали проявить выдержку, не допускать отхода от нейтралитета, с пониманием относиться к освободительной борьбе вьетнамского народа и не предпринимать действий, которые затрудняли бы эту борьбу. В дальнейшем через посла СССР во Вьетъяне Советское правительство неоднократно возвращалось к этим рекомендациям, советуя вести дело к прекращению американской интервенции и восстановлению контактов с Патет Лао. Предпринимались дипломатические демарши в Вашингтоне; Советский Союз предостерегал правительство США от ввода войск в Лаос, перенесения войны на территорию этой страны, требовал прекратить интервенцию и уважать нейтралитет Лаоса.

Стремясь спасти страну от разрушительной войны и добиться восстановления национального единства, Патриотический фронт Лаоса 6 марта 1970 г. выдвинул программу политического решения лаосской проблемы из 5 пунктов. Он добивался немедленного прекращения огня по всей территории Лаоса, в том числе и всех американских бомбардировок, и проведения сразу же после прекращения огня встречи лаосских заинтересованных сторон для урегулирования вопросов, представляющих общий интерес, с целью установления мира и национального согласия в Лаосе.

В одном из посланий президенту США, предложившему сопредсе-

дателям провести консультации стран — участниц Женевского совещания 1962 г. по Лаосу, глава Советского правительства обратил внимание на предложения Патриотического фронта, подчеркнув, что если и говорить о каких-либо консультациях, то естественно было бы, если бы начались переговоры между политическими силами Лаоса.

Представитель Патриотического фронта приезжал во Вьентьян, где обсуждались возможности переговоров между вьентьянской администрацией и Патет Лао. Однако переговоры так и не начались, поскольку Суванна Фума предложил сначала договориться об условиях прекращения бомбардировок, а затем прекратить огонь. Представители ПФЛ заявили, что не будут вести переговоры под аккомпанемент американских бомбардировок. В феврале 1971 г. американско-сайгонские войска предприняли большую военную операцию вдоль дороги № 9 в Лаосе; Пентагон рассчитывал перерезать коммуникации освободительных сил и коренным образом изменить военное положение на Индокитайском полуострове. Советское правительство в послании президенту США, обращениях к государствам — участникам Женевского совещания 1962 г. решительно протестовало против вторжения американско-сайгонских войск в Лаос. Операция закончилась полным разгромом американско-сайгонских войск в результате совместных усилий войск ДРВ и Патет Лао.

Успехи Вьетнама на военном и дипломатическом фронтах, подписание 27 января 1973 г. в Париже соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме обеспечили крутой поворот в развитии обстановки в Лаосе.

В октябре 1972 г. в столице Лаоса Вьентьяне начались переговоры правительства Суванна Фумы и представителей Патриотического фронта Лаоса с целью прекращения войны и достижения национального согласия. Конструктивная и последовательная политика Советского Союза, содействовавшего налаживанию контактов между лаосскими сторонами, помогла завершению переговоров. 21 февраля 1973 г. было подписано соглашение о восстановлении мира и достижении национального согласия в Лаосе.

Пронски реакционных сил задержали реализацию соглашения. Лишь в апреле 1974 г. был утвержден состав Временного правительства национального единства Лаоса и Национального политического консультативного совета. Главой правительства был назначен Суванна Фума, председателем совета — Суфанувонг.

Победа вьетнамского народа, общий крах политики империализма в Индокитае сделали возможным дальнейшее демократическое развитие в Лаосе. Правые силы были парализованы. 2 декабря 1975 г. Национальный конгресс народных представителей провозгласил Лаос народно-демократической республикой. Борьба, которая шла под руководством Народно-революционной партии, увенчалась созданием органов народно-демократической власти, установлением подлинного мира и достижением единства Лаоса. Президентом Лаосской Народно-Демократической Республики и председателем Верховного Национального собрания ЛНДР был избран Суфанувонг, а премьер-министром — Кейсон Фомвихан. В приветствии Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного, направленном Суфанувонгу по этому случаю, говорилось, что советские люди с глубоким удовлетворением приветствуют важное историческое событие в жизни дружественного лаосского народа в его борьбе против империалистической агрессии и местной реакции, за независимость, мир, демократию и социальный прогресс. «Советский Союз, — говорилось в телеграм-

ме, — верный принципам пролетарского интернационализма и солидарности с народами, борющимися за национальное и социальное освобождение, всегда стоял на стороне справедливого дела лаосского народа, оказывая ему всестороннюю помощь и поддержку»¹⁵.

Празднуя провозглашение республики, лаосский народ, как подчеркивали руководители Народно-революционной партии, отдавал должное поддержке и помощи, которые он получал и получает от Советского Союза, других стран социализма, от всех миролюбивых, демократических сил. «КПСС и советский народ, — заявил на XXV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК НРП Лаоса и премьер ЛНДР Кейсон Фомвихан, — оказывали и оказывают огромную и важную помощь и поддержку делу революционной борьбы лаосского народа, помогают ему преодолеть все трудности и выдержать все испытания перед тем, как начать стремительное продвижение вперед»¹⁶.

Лаосский народ вступил в новую фазу своей истории — в фазу народной демократии. Реакционные силы оказывали всяческое сопротивление. Таиланд пытался блокировать Лаос. Перед страной встали сложные экономические и социальные проблемы.

В этой обстановке в апреле — мае 1976 г. состоялся визит в СССР партийно-правительственной делегации ЛНДР во главе с Кейсоном Фомвиханом. В ходе переговоров было констатировано полное единство взглядов СССР и ЛНДР как по вопросам двусторонних отношений, так и по актуальным проблемам современной международной жизни. Во время пребывания лаосской делегации в Советском Союзе были подписаны договор о торговле, соглашение о товарообороте и платежах, соглашение о культурном и научном сотрудничестве, протокол об оказании Советским Союзом содействия Лаосу в создании государственной геологической службы¹⁷.

Из Советского Союза в Лаос поступают металлорежущие станки и двигатели, автомашины и топливо. Потребительские товары, полученные в качестве помощи из Советского Союза, распределяются среди населения через систему новых для Лаоса государственных и кооперативных магазинов. Многие лаосские юноши и девушки обучаются в вузах Советского Союза. В Лаосе проявляется большой интерес к жизни Советской страны, ее опыту строительства социалистического общества. Во Вьетьяне создано общество дружбы с Советским Союзом. «У советско-лаосской дружбы хорошие перспективы», — сказал Л. И. Брежнев на октябрьском (1976) Пленуме ЦК КПСС¹⁸.

Ширятся международные связи республики. Партийно-правительственная делегация, возглавляемая Кейсоном Фомвиханом, посетила почти все социалистические страны. Отношения всестороннего сотрудничества Лаос установил с Социалистической Республикой Вьетнам. С твердых антиимпериалистических позиций выступал Лаос на конференции руководителей неприсоединившихся стран в Коломбо в августе 1976 г.

Успех революции в Лаосе — это результат правильной линии лаосских коммунистов, это и торжество принципа пролетарского интернационализма. Древняя страна, опираясь на поддержку социалистического содружества, обновляется. Она все увереннее идет по пути к социализму.

¹⁵ «Правда», 6.XII.1975.

¹⁶ «Правда», 27.II.1976.

¹⁷ «Правда», 5.V.1976.

¹⁸ «Правда», 26.X.1976.

Основные организации предпринимателей Японии

---

*Л. А. Галин,
М. В. Алёнов*

Одним из решающих факторов при определении и осуществлении курса экономической политики Японии, выгодного монополистическому капиталу страны, служат влиятельные организации предпринимателей. Эти организации осуществляют координацию действий предпринимателей в промышленности, финансах и торговле, добиваются проведения через правительственные органы выгодной им политики. К наиболее влиятельным из этих организаций относятся: Федерация экономических организаций (Кэйданрэн), Комитет по экономическому развитию (Кэйдзай доюкай), Ассоциация предпринимательских организаций (Никкэйрэн), Торгово-промышленная палата Японии (Нихон сёко кайгисё), Общество по изучению проблем промышленности (Санкэн).

Каждая из экономических организаций Японии имеет свои характерные функции, комплекс которых позволяет верхушке промышленников и банкиров определять и направлять экономическую жизнь страны через аппарат государственно-монополистического регулирования. В распоряжении японских деловых кругов имеется разнообразный арсенал средств воздействия на правительственные решения, особенно в форме неофициальных «консультаций».

Соперничество в борьбе за сферы влияния как между крупнейшими экономическими организациями страны, так и внутри них, скрытое до поры до времени от глаз посторонних наблюдателей, в последнее время выплеснулось наружу, обнажив темные стороны противоборства между различными монополистическими группировками, многочисленные факты спекуляций и коррупции. В японской печати публикуются разоблачения скандалов, связанных с организацией подпольных картелей, подкупом и взяточничеством.

В обстановке, которая сложилась в стране с начала 1970 г., перед монополиями возникли задачи модернизации системы делового руководства, изыскания более эффективных форм принятия и исполнения решений, укрепления авторитета «столпов делового мира» перед японской общественностью. Эти непростые задачи, возникшие перед новым руководством экономических организаций, приходится решать в условиях затянувшегося кризиса японской экономики, наличия разногласий в правительственных кругах.

Особенности деятельности каждой организации, различия в их экономических установках и концепциях начинают свою историю с момента их возникновения, когда разгромленная милитаристская Япония лежала в развалинах и экономика страны жестко контролировалась американскими оккупационными властями. Заслуживает внимания сам факт возникновения в 1946 г., менее чем через год после подписания акта о капиту-

ляции, таких организаций крупного капитала, как Кэйданрэн и Кэйдзай доюкай, объединяющих различные группы японских торгово-промышленных и банковских кругов. Он свидетельствует о том, что это не могло произойти без ведома и содействия американских властей.

Приверженцы тех или иных концепций развития экономики Японии, меняющиеся у руля экономических организаций, придают большое значение отношениям с правительственными организациями, стремясь оказывать давление на принятие административных решений для проведения поддерживаемого ими курса.

Каждая экономическая организация представляет предложения правительству о мерах по развитию национальной экономики, которые определяются теоретическими воззрениями и практическими интересами ее руководства. Предложения эти могут быть различными, но тем не менее следует учитывать, что они разрабатываются однородными организациями. Многие члены которых состоят одновременно в нескольких из них. Однако эти различия представляют интерес с точки зрения выяснения особенностей деятельности организаций, характера их взаимоотношений, тенденций в противоборстве, конкуренции между разными группами делового мира.

ФЕДЕРАЦИЯ экономических организаций (Кэйдзай дантай рэнгокай, сокращенно Кэйданрэн) была создана в августе 1946 г. Она объединила остатки различных экономических организаций, существовавших с довоенного периода. Претерпев ряд организационных изменений, направленных на расширение сферы ее влияния, она ныне превратилась в наиболее могущественную организацию частных предпринимателей Японии, объединяющую практически все крупнейшие компании страны, отраслевые ассоциации и ведущих деятелей делового мира.

Активно претворяя в жизнь интересы монополистического капитала, осуществляя широкую практическую деятельность, Кэйданрэн является «штабом» японского частного предпринимательства, выражая его интересы перед правительством. Будучи тесно связана с ЛДП, Кэйданрэн финансирует через своих членов ее деятельность, а также деятельность различных полуправительственных организаций (например, Ассоциации содействия внешней торговли Японии и т. д.).

Федерация изучает разнообразные внутри- и внешнеэкономические проблемы, возникающие в ходе развития экономики Японии, представляет рекомендации правительству и различным административным, юридическим и другим его органам, разрабатывает планы претворения своих рекомендаций в жизнь, принимает участие в их практическом осуществлении, поддерживает контакты с организациями частных предпринимателей других стран при рассмотрении сложных международных экономических проблем, обменивается с ними информацией.

Федерация довольно подробно публикует информацию о своей деятельности, большей частью на японском языке. 16 августа каждого года отмечается День основания.

Концепции и рекомендации Федерации как обобщенное мнение японского частного предпринимательства, безусловно, не могут не учитываться правительством и ЛДП. Федерация представляет подчас свои требования не только как интересы «большого бизнеса», но и как требования, поддерживаемые всеми слоями японской экономической структуры, то есть мелкими и средними предприятиями.

Осуществляя взаимодействие с правительством и его органами, Кэйданрэн изучает, анализирует и обобщает мнения деловых людей страны по текущим актуальным вопросам, подготовленные рекоменда-

ции доводятся до сведения правительственных органов, так же как и до заинтересованных политических партий. Комитеты Кэйданрэн исполняют официальные или неофициальные просьбы различных правительственных учреждений, которым необходимо содействие или рекомендации, готовят документы, отражающие мнение Федерации по данным проблемам. Представители Кэйданрэн назначаются в различные совещательные или консультативные организации, которые являются официальными рекомендательными органами правительства. Через этих представителей Кэйданрэн участвует в разработке курса национальной экономической политики; Федерация поддерживает тесные каждодневные официальные и личные контакты с высшими чиновниками правительственных учреждений, курирующими экономические вопросы.

На заседания комитетов Кэйданрэн приглашаются правительственные чиновники или представители ЛДП, которые могут принять участие в обсуждении вопроса. Часто, минуя официальное принятие решения, представители правительственных или партийных органов просто сообщают мнение Федерации по данному вопросу своему руководству.

Решения по вопросам долгосрочной политики и решения особой важности принимаются на заседаниях Исполнительного комитета Федерации, состоящего из президента и восьми вице-президентов, которые проводятся ежемесячно. Существует также Совет исполнительных директоров, заседания которого проводятся также ежемесячно и обсуждают вопросы текущей деятельности Федерации.

Ежегодные общие собрания проводятся регулярно в мае, и на них присутствуют все члены Федерации. Периодически в различных районах Японии Федерация проводит региональные собрания, чтобы учитывать в своей деятельности мнения местных деловых кругов при выработке окончательного решения.

В Федерации имеется два вида членства: персональное и коллективное. Персональными членами являются 75 ведущих представителей финансово-промышленных кругов (так называемые почетные члены); коллективными членами — 740 компаний страны, представленных их президентами, 110 различных финансово-промышленных ассоциаций (представленных их руководством), а также 12 региональных организаций (представленных их председателями). Из состава коллективных членов избирается директорат, состоящий из 434 человек. Количество членов директората может колебаться, так как один и тот же человек может представлять и компанию, и промышленно-финансовую ассоциацию. Из состава директората избирается 185 исполнительных директоров. У Федерации есть административный аппарат-секретариат, состоящий более чем из 100 чиновников, во главе его стоит генеральный секретарь. На общем собрании избираются президент и 8 вице-президентов. В Федерации действуют 37 комитетов, каждый из которых занимается изучением отдельных проблем.

На 35-м общем собрании в мае 1974 г. четвертым в истории Федерации президентом был избран Тосио Доко, в то время президент фирмы «Тосиба». Председателем совета консультантов и вице-президентом был избран Фумихико Коно. Почетным президентом стал Когоро Уэмура, один из председателей Японо-советского комитета по экономическому сотрудничеству.

Т. Доко, 1896 г. рождения, выпускник Токийского технического института, ныне председатель Совета директоров фирмы «Токио сибатура дэнки», советник фирмы «Исикавадзима харима хеви индастриз» — видный представитель деловых кругов Японии. В качестве лидера японского делового мира Доко пытается энергичными выступлениями за при-

нятне скорейших мер по оживлению экономики страны вывести Японию из состояния депрессии.

В настоящее время руководство Федерации и в первую очередь Т. Доко выступают с критикой пересмотра антимонопольного законодательства, на который правительство было вынуждено пойти, активно поддерживают Ассоциацию предпринимательских организаций и промышленные круги в их противоборстве с рабочим классом, требуют от правительства отказа от жестких антиинфляционных мер, снижения ставки учетного процента, решительных мер по оживлению общехозяйственной конъюнктуры.

В области внешнеэкономической политики руководство Федерации выступает за диверсификацию источников снабжения сырьем, расширение внешнеэкономического и научно-технического сотрудничества с нефтедобывающими странами Ближнего и Среднего Востока и углубление торгово-экономических связей с КНР. Большое внимание продолжает уделяться расширению японского экспорта и экспансии капитала.

При Федерации действуют постоянные комитеты по экономическому сотрудничеству с целым рядом стран, в том числе и с СССР. Комитет по японо-советскому экономическому сотрудничеству был создан в 1966 г. Вопросами деятельности этого Комитета занимается секретариат Кэйданрэн.

С 8 по 15 августа 1976 г. в Советском Союзе находилась делегация Кэйданрэн во главе с ее президентом Т. Доко. В состав делегации входили видные представители деловых кругов Японии К. Ясуи, И. Саэки, Б. Оцуки, Н. Хасэгава, Н. Ханамура, Ц. Ибаяси.

13 августа 1976 г. Т. Доко и члены делегации были приняты Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. В ходе беседы имел место обмен мнениями о состоянии и перспективах развития отношений между Советским Союзом и Японией. Особое внимание было уделено вопросам торгово-экономического сотрудничества.

В опубликованном в газете «Правда» 14 августа 1976 г. сообщении указывалось, что «Л. И. Брежнев и Т. Доко выразили удовлетворение тем, что в последние годы торгово-экономические связи между двумя странами неуклонно расширяются. В последние годы заключен ряд соглашений о крупномасштабных проектах экономического сотрудничества... Т. Доко отметил, что экономические круги Японии придают важное значение деловому сотрудничеству с Советским Союзом на долгосрочной основе, они выступают за дальнейшее развитие дружественных отношений с СССР».

Японская печать широко освещала встречи и беседы делегации Кэйданрэн в Советском Союзе. Большинство японских газет поместило в те дни сообщения своих корреспондентов, редакционные статьи и комментарии, в которых отмечалось единство мнений сторон о целесообразности дальнейшего сотрудничества между Японией и СССР.

Оценивая итоги поездки делегации в Советский Союз, газета «Асахи» писала, что ее члены считают этот визит исключительно важным для развития японо-советских экономических связей. Поездка делегации Кэйданрэн в Советский Союз, указывала «Асахи», свидетельствует о том, что финансово-промышленные круги Японии заинтересованы в сотрудничестве с Советским Союзом. Газета подчеркивала, что установление делового экономического сотрудничества с СССР особенно важно для Японии, которая не располагает значительными природными ресурсами.

После возвращения из Советского Союза в Японию на пресс-конференции Т. Доко подчеркнул необходимость скорейшего определения япон-

ской стороной своей позиции по обсуждавшимся вопросам, чтобы к очередному совместному экономическому совещанию японская сторона имела бы готовые ответы на советские предложения. Он отметил также, что следует создавать условия для развития долгосрочного сотрудничества между двумя странами.

Удастся ли руководству Кэйданрэн несмотря на наблюдающееся сдерживающее влияние со стороны некоторых японских официальных учреждений выработать по затронутым в ходе визита делегации Кэйданрэн вопросам позицию, которая будет соответствовать объективной заинтересованности японских деловых кругов в развитии взаимовыгодного экономического сотрудничества с СССР, покажет будущее.

За последнее время в японских деловых кругах приобретает все большее распространение точка зрения о необходимости усиления координации деятельности монополистического капитала страны и представляющих его интересы экономических организаций с правительственными органами.

В условиях продолжающихся кризисных явлений в экономике Японии и других стран мира вопрос о более тесном взаимодействии правительства и частного капитала в конкурентной борьбе на мировом капиталистическом рынке встал как никогда остро. Наибольшее значение это имеет в области снабжения Японии сырьевыми ресурсами.

В начале декабря 1975 г. при Федерации был учрежден первый правительственно-частный орган — «Совет по содействию в осуществлении крупномасштабных проектов»¹. Тем самым Япония последовала примеру своих конкурентов — США и стран Западной Европы, в которых подобная форма государственно-монополистического регулирования экономики уже нашла себе место. Председателем совета был назначен Р. Тагути — председатель комитета по экономическому сотрудничеству Федерации.

КОМИТЕТ по экономическому развитию (Кэйдзай доюкай) создан в апреле 1946 г. Первоначально объединял бизнесменов молодого поколения, поставивших перед собой цель восстановления и перестройки японской промышленности. В его состав входят видные деятели промышленных, финансовых и торговых кругов. Это влиятельная экономическая организация, выступающая за регулирование японской экономики самими деловыми кругами, без участия правительства.

Руководители Кэйдзай доюкай, объединяющего влиятельных дельцов, не входящих в монополистические группы, на протяжении послевоенного периода выступали в поддержку системы «контролируемой экономики» и «социальной гармонии», рекомендовали правительству не допускать нерациональной конкуренции и придерживаться экономического курса, направленного на осуществление научно-технического прогресса в стране на основе разработки научно-экономических прогнозов. Многие члены Комитета (а их всего около тысячи) являются членами Федерации экономических организаций. Комитет имеет тесные связи с научными фирмами Японии.

В отличие от Кэйданрэн Кэйдзай доюкай лишь представляет рекомендации правительству по широкому кругу вопросов, включая и политические, но не участвует в их практической реализации.

Как Кэйданрэн, так и Кэйдзай доюкай претендуют на руководящую роль при выработке официального экономического курса страны. Однако в кризисные для капиталистического хозяйства Японии периоды они действуют совместно, одобряя, одобряя, в критические моменты и контроль над частным предпринимательством.

¹ См. «Майнити симбун», 10.XII.1975.

Кэйдзай доюкай обладает большим влиянием на правительство и ЛДП, чему способствуют тесные личные отношения его лидеров с руководителями правительства и правящей партии. Имея более узкую опору в частном секторе экономики Японии, чем Кэйданрэн, Кэйдзай доюкай, выражая мнения ведущих деловых людей Японии, более склонен к действиям, опережающим официальные правительственные шаги, чем Кэйданрэн. В качестве примера можно привести поездку деловой миссии в КНР до установления дипломатических отношений Японии с этой страной. Она была организована по линии Кэйдзай доюкай, и в состав делегации входил тогдашний его председатель К. Кикавада.

Совет директоров Кэйдзай доюкай (около 140 человек) ежемесячно проводит свои заседания, на которых обсуждаются наиболее актуальные вопросы внутренней и внешней экономической политики и рассматриваются подготовленные специализированными комитетами рекомендации правительству. На заседаниях члены Кэйдзай доюкай формально выступают не как представители соответствующих компаний и организаций, а как индивидуальные лица. Комитет имеет почти 30 префектуральных отделений. Поддерживает тесные связи с комитетами по экономическому развитию США и Западной Германии, а также с другими зарубежными организациями частных предпринимателей.

В последние годы Кэйдзай доюкай, не доказавший своей способности избавить капиталистическое хозяйство Японии от кризисных явлений путем проповедуемых им «регулирования» и «модернизации», не достигнув своей цели — установления гармонии между трудом и капиталом, стал утрачивать былое влияние в качестве «мозгового» центра руководства японской экономикой.

В то же время среди японских частных предпринимателей, у которых стали падать прибыли в условиях затянувшегося кризиса, возрос престиж Кэйданрэн, объединяющей широкие круги частных предпринимателей.

В результате смены руководства Кэйдзай доюкай в апреле 1975 г. его новым, 17-м председателем стал Сасаки Тадаси, бывший председатель правления Банка Японии. Второй раз за историю Комитета по экономическому развитию нарушена традиция назначения на главный пост этой организации человека с практическим опытом частного предпринимателя. То, что лидером Комитета стал человек, который до этого регулировал экономику страны в общенациональном масштабе и который, по мнению японской прессы, практически подавлял «эгонзм» японских промышленных, финансовых и торговых кругов, весьма показательно.

Руководители Кэйдзай доюкай высказываются за дальнейшее развитие взаимовыгодных советско-японских торгово-экономических связей.

Для уяснения основного «движущего» стимула деятельности Кэйдзай доюкай следует проанализировать проповедуемую им теорию «контролируемой экономики». Выискивая причины экономической нестабильности капиталистической системы хозяйства, авторы данной теории исходили из ошибочного положения, что эти причины коренятся в соотношении между спросом и предложением. В качестве средства, которое смогло бы установить стабильное отношение между спросом и предложением, Кэйдзай доюкай предлагал удлинить цикл производства, что легло в основу документа «Точка зрения на вопрос о контролируемой экономике», который был принят в сентябре 1958 г.

По мнению Кэйдзай доюкай, экономическая неустойчивость является прямым следствием непомерных капитальных вложений и слишком острой конкуренции между предприятиями. Когда экономическая депрес-

ния достигает определенного пункта, некоторые отрасли хозяйства, несущие самые тяжелые потери, обращаются за помощью к правительству. Однако, поскольку на практике это может привести к той или иной форме контроля со стороны государства над частным сектором, Кэйдзай доюкай высказывал свое отрицательное отношение к этому. Вместе с тем Кэйдзай доюкай выражал критическое отношение и к «свободному предпринимательству», никем не контролируемому, следующему бесконтрольным курсом.

Суть концепции Кэйдзай доюкай заключалась в том, чтобы деловые люди сами контролировали бы капитальные вложения путем взаимных консультаций, переговоров и обмена информацией друг с другом.

По мнению Кэйдзай доюкай, это должно было решить и проблему создания картелей, которые в поисках выхода из депрессии многие фирмы образуют с одобрения правительства или иногда подпольно, поскольку предложенная система контроля избавила бы экономику Японии от потрясений и сделала бы их ненужными.

С точкой зрения Кэйдзай доюкай выражал несогласие Исидзака Тайдзо, бывший в то время президентом Кэйданрэн. Он отрицал эффективность «контролируемой экономики», а на предложение об учреждении частного исследовательского органа саркастически замечал, что «никто не захочет позволить чужому человеку исследовать содержимое своего кошелька».

Кэйдзай доюкай же утверждал, что информация о финансовом положении различных предприятий, об общем состоянии развития отдельных отраслей сможет содействовать улучшению функционирования японской экономики. В результате компромисса после дискуссии по этому вопросу был образован Японский совет по экономическим исследованиям (Ниппон кэйдзай тэса кёгикай).

Приблизительно в то же время, в апреле 1963 г., к руководству в Комитете пришел Кикавада — президент «Токио электрик пауэр компании», взгляды которого оказали большое влияние на развитие этой организации и экономики в целом. В наши дни этот видный представитель японских деловых кругов продолжает играть одну из решающих ролей в экономической жизни страны. Эту характеристику с полным основанием можно отнести еще к одному влиятельнейшему лидеру Комитета и экономического мира — С. Накаяма — советнику Индустриального банка Японии, председателю Комитета с 1957 г.

В 1970 г. комментатор Т. Кусаянаги назвал Накаяма «Кураматэнгу» (по имени популярного героя самурайских фильмов), имея в виду, что этот легендарный герой в тяжелую, кризисную ситуацию, как и Накаяма, приходил на помощь. Одним из примеров разносторонней деятельности можно назвать его роль в объединении сталелитейных компаний «Явата стил» и «Фудзи стил», которое привело к созданию крупнейшей в мире сталелитейной компании «Ниппон стил корпорейшн». После этого объединения роль Накаяма как одного из основных закулисных деятелей в перестройке японской экономики стала очевидной.

АССОЦИАЦИЯ предпринимательских организаций (Нихон кэйэйся дантай рэнгокай, сокращенно Никкэйрэн) основана в апреле 1948 г. Основная цель деятельности Никкэйрэн была определена как содействие достижению «здоровых» отношений между рабочими и предпринимателями, главным образом путем координации действий предпринимательских организаций страны, то есть координации совместных действий монополистического капитала против организованного рабочего класса Японии. Никкэйрэн проводит исследования в области проблем труда и

заработной платы, технического обучения, страхования от безработицы, совершенствования трудового законодательства, договоров и т. д.

Ассоциация издает большое количество информационных материалов, освещающих вопросы взаимоотношений между предпринимателями и рабочим классом, вопросы цен и заработной платы и т. д.

С 1951 г. Ассоциация является членом Международной организации труда (МОТ) и Международной организации предпринимателей. Последняя является частной организацией и официально признается МОТ.

В организационном отношении Никкэйрэн состоит из территориальных и отраслевых организаций предпринимателей. Возглавляет Ассоциацию президент Сакурада Такэси, который прилагает много усилий для увеличения веса Ассоциации среди деловых и финансовых кругов.

В Ассоциации имеется 13 специальных комитетов (общих дел, связи с местными организациями, управления производством, зарплаты, найма рабочей силы, обучения, трудового законодательства и другие), а также комитет по разработке курса политики. Административную работу выполняет секретариат во главе с генеральным секретарем.

В настоящее время Ассоциация в сотрудничестве с Федерацией экономических организаций призывает предпринимателей не идти на уступки в ходе борьбы японского рабочего класса за повышение заработной платы, пытается расколоть единство профсоюзного движения, добиться заключения соглашательских трудовых договоров с отдельными профсоюзами.

ЯПОНСКАЯ торгово-промышленная палата (Нихон сёко кайгисё, сокращенно Ниссё) основана в 1892 г. Она объединяет 445 местных торговых палат и организаций, общенациональных союзов в промышленности или торговле, общественных организаций, юридических лиц и т. д. Являясь общенациональной организацией, основанной в результате принятия специального закона, Ниссё занимается как внутриэкономическими, так и внешнеэкономическими аспектами развития японской торговли и промышленности.

Характерной чертой деятельности Палаты является ее направленность главным образом на решение местных экономических проблем, включая деятельность мелких и средних предприятий, значение которых в структуре японской экономики весьма велико.

Палата производит анализ и обобщение предложений местных торгово-промышленных палат, публикует результаты этих исследований, представляет и защищает различные интересы местных организаций в парламенте и правительственных учреждениях, отвечает на запросы правительственных учреждений, изучает и публикует информацию о развитии национальной и международной экономики, помогает в организации в Японии и за рубежом ярмарок и выставок, осуществляет арбитраж по спорам, возникшим из-за нарушения международных коммерческих сделок, проводит экспертизы качества товаров, консультирует по вопросам промышленной и коммерческой деятельности, содействует развитию туризма, сотрудничает с торгово-промышленными палатами других стран.

Начиная с 1963 г. Палата организует ежегодные конференции представителей торгово-промышленных палат стран Азии, участвует в работе Афро-азиатской ассоциации экономического сотрудничества. Палата содействует организации поездок делегаций японских деловых кругов в зарубежные страны, в частности и в СССР.

Руководство Палатой осуществляется президентом Нагано Сигэо и несколькими вице-президентами — видными деятелями промышленных,

торговых и финансовых кругов. С. Нагано является одним из председателей Японо-советского комитета по экономическому сотрудничеству.

Палата имеет свои представительства за рубежом (в Австралии, Аргентине, Бразилии, Великобритании, Италии, Франции, ФРГ, США и т. д.), которые в основном занимаются вопросами научно-технического и экономического сотрудничества. Представительства за рубежом функционируют при содействии Министерства внешней торговли и промышленности Японии.

ОБЩЕСТВО по изучению проблем промышленности (Сангё мондай кэнкюкай, сокращенно Санкэй) было создано в марте 1966 г. Инициаторами его создания были лидеры Кэйдзай доюкай К. Кикавада и С. Накаяма, мечтавшие создать организацию, которая была бы «политическим бюро» японского делового мира и имела бы прямой контакт с вершущей государственной и партийных кругов (имеется в виду ЛДП). Идея создания общества была поддержана С. Нагано и Т. Доко.

К. Кикавада, как приверженец современной немецкой экономической школы, брал за образец при создании Общества Промышленную лигу ФРГ. Теоретическая концепция этой западногерманской организации — «достижение стабильного и сбалансированного роста экономики путем добровольных ограничений в деловой деятельности» — соответствовала взглядам К. Кикавада.

При организации Общества было решено, что ведущее место новой организации в японской экономической структуре можно будет обеспечить лишь в случае объединения наиболее влиятельных фигур, прежде всего финансового, а также промышленного и торгового мира.

Организаторы Общества учитывали тот факт, что в условиях широкого использования японскими предпринимателями банковского кредита финансовая политика Банка Японии и других крупных банков имеет гораздо большее влияние на процесс развития экономики страны и деловую активность, нежели в других странах.

В 1970 г. в Общество вступили тогдашний президент Кэйданрэн Уэмура и президент Никкэйрэн Сакурада. Таким образом, впервые была создана организация, объединяющая лидеров основных четырех экономических организаций Японии.

Не следует, однако, рассматривать членство ведущих лидеров делового мира в одной организации как попытку создания «единого штаба» японского монополистического капитала. Общество, созданное лидерами Кэйдзай доюкай и руководимое К. Кикавада, в целом стремится отражать в своей деятельности взгляды этой организации. Противоборствующей стороной в рамках Общества являются лидеры Кэйданрэн, считающие, что организация, не объединяющая широкие слои частного предпринимательства, не способна эффективно влиять на общественное мнение. К тому же, как Нагано, так и Сакурада претендуют на роль лидеров делового мира. Поэтому главенствующая роль Кикавада и Кэйдзай доюкай в Обществе ими не признается даже в тех случаях, когда все четыре организации имеют единое мнение по проблемам, стоящим перед японской экономикой, как это случилось, например, в январе 1974 г., когда все четыре экономические организации выступили с общей программой борьбы с энергетическим кризисом.

Показательно, что даже эта единая экономическая политика ведущих организаций частных предпринимателей, поддержанная решительными правительственными мерами, не смогла снять остроту кризисной ситуации и еще раз доказала ограниченные возможности государственно-монополистического регулирования при капитализме.

Работа Общества носит координационный характер. Общество соби-

рается для обсуждения главным образом стратегических и деликатных вопросов. Принимаемые на заседаниях Общества решения помогают в практической деятельности основным экономическим организациям Японии.

Общество сыграло заметную роль в создании крупнейшей сталелитейной компании «Нихон сэйтэцу», в японо-американских «текстильных» переговорах, в принятии мер против загрязнения окружающей среды. В последнее время Общество стало собираться не в полном составе и действует неактивно.

ОБОСТРЕНИЕ экономического и энергетического кризиса убедило деловые круги Японии в необходимости принятия срочных мер для их преодоления. Движимые одной целью — усилить мощь японского монополистического капитала, особенно в конкурентной борьбе за стабильные источники получения энергии, — лидеры промышленно-финансовых кругов выступили единым фронтом, сформировав в ноябре 1973 г. Комитет по содействию проведению энергетической политики. Комитет был создан при участии Кэйдзай доюкай, Кэйданрэн, Японской торгово-промышленной палаты и Кансайской Федерации экономических организаций. Этот Комитет ставил перед собой задачу изучения различных направлений энергетической политики и поисков путей к интенсификации разработки нефтяных и других природных ресурсов. Накаяма, выдвинувший идею создания Комитета, стал его председателем.

В начале семидесятых годов американский политолог Герман Кан предсказывал, что Япония в последней трети XX в. будет переживать период «просперити». Его заявление было встречено деловыми людьми и прессой с большим воодушевлением и шумом. Экономические показатели, казалось, подтверждали это «предсказание». Исключение в хоре оптимистических голосов представил голос Кикавада, который утверждал, что экономические достижения 60-х годов привели к подрыву «социальной гармонии и дисбалансу между материальной цивилизацией и духовной культурой». Кикавада развернул кампанию за переход к «качественному» росту японской экономики, повышение роли страны в мировых хозяйственных связях, интернационализации экономики. Кикавада выступил также за либерализацию торговли и капитала.

В результате совместных действий лидеров японского делового мира в июле 1970 г. был образован Комитет по содействию интернационализации, председателем которого стал Кикавада. Кроме Кикавада, членами этого Комитета стали еще 10 лидеров делового мира.

Комитет потребовал от правительства провести либерализацию иностранных капиталовложений и постепенно снизить таможенные тарифы.

ГЛУБОЧАЙШИЙ кризис японской экономики, спад промышленного производства, из которого Японии не удается полностью выйти и до настоящего времени, инфляция, безудержная конкуренция, все другие отрицательные черты и противоречия нынешней экономической системы Японии показывают тщетность усилий руководителей японского делового мира создать отлаженную систему капиталистического хозяйства в стране.

Особенности современного положения в Таиланде

---

*А. А. Владимиров,
К. И. Юрьев*

Качественные изменения в международной обстановке, имевшие место в последние годы вследствие активной внешнеполитической деятельности ЦК КПСС и Советского правительства, оказали существенное воздействие на развитие политической ситуации и в Юго-Восточной Азии. Важное значение в этом плане имела историческая победа народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, которые, отстаив свою свободу и независимость в борьбе против империалистической агрессии, встали на путь коренных революционных преобразований.

Под влиянием этих позитивных факторов, обеспечивших подъем борьбы местных прогрессивных сил, в Юго-Восточной Азии возникли новые тенденции, новые направления развития. Прежде всего это выразилось в начавшемся процессе ослабления позиций и политического влияния американского империализма, в крепнущем стремлении народов региона добиться оздоровления обстановки, создать условия для подлинно демократического развития своих стран.

Указанные процессы наглядно проявились в политической жизни Таиланда, страны, долгие годы являвшейся одним из важных опорных пунктов США в этом районе.

* * *

Королевство Таиланд — одно из наиболее древних азиатских государств, занимающее западную часть Индокитайского полуострова. Площадь страны — 514 тыс. кв. км, население — 43 млн. человек. На рубеже XIX—XX вв., когда страны Юго-Восточной Азии одна за другой превращались в колонии империалистических держав, Таиланд остался единственной страной, которая сумела сохранить свою внешнюю независимость. Многие исторические факты свидетельствуют, что важное значение в тот период для Таиланда имела поддержка со стороны России, с которой тайская монархия поддерживала дружеские отношения. Тем не менее стране постепенно были навязаны неравноправные договоры и соглашения, превратившие ее в объект эксплуатации империалистических держав¹.

После второй мировой войны Таиланд стал «ускоренными темпами приобретать важность для США в качестве союзника в Юго-Восточной Азии»². Это было вызвано серьезными изменениями на Азиатском континенте, которые произошли в результате победы народных революций

¹ Southeast Asia: Problems of United States Policy. Ed. by W. Henderson. Cambridge, Massachusetts, 1963, p. 7.

² Frank Darling. Thailand and the United States. Washington, 1965, p. 5.

во Вьетнаме, Северной Корее и в Китае и образования новых государств, вставших на путь социалистического строительства. Напуганные ростом национально-освободительного движения, правящие круги США приступили к разработке планов превращения отдельных стран района в опорные базы американской стратегии «отбрасывания» и «сдерживания» коммунизма.

Особое значение в этих планах отводилось Таиланду, занимающему важные позиции на Индокитайском полуострове в непосредственной близости от КНР. Немаловажным для американских монополий было и наличие в стране ценных сырьевых ресурсов «стратегического характера» — олова, вольфрама, марганца, каучука и др. Принималась во внимание также возможность использования Таиланда в качестве рынка сбыта американских товаров и объекта прибыльных капиталовложений.

В январе 1950 г. в Вашингтоне было оглашено заявление о том, что Соединенные Штаты берут на себя политическую, военную и экономическую ответственность за развитие всей Азии. В соответствии с этим предусматривалось создание на Азиатском континенте системы агрессивных блоков и пактов³. Начиная с этого времени Таиланд стал постепенно превращаться, используя американский термин, в «бастион свободы», а точнее — в опорный пункт политической и экономической экспансии американского империализма, в его военный плацдарм и базу для борьбы против национально-освободительных движений, для осуществления разведывательных и военно-политических операций в Юго-Восточной Азии.

Осуществлению американской политики в отношении Таиланда во многом содействовала местная военно-бюрократическая верхушка, державшая страну под своим контролем почти непрерывно с 1932 г. Сменявшие друг друга после второй мировой войны военные правители видели в американском присутствии в стране гарантию сохранения установленных ими антидемократических порядков. При активном содействии американцев в 50-е годы шел процесс сращивания военной бюрократии с крупной буржуазией, что укрепляло базу военного режима.

В 1950 г. США навязали Таиланду ряд соглашений, предусматривавших поставки вооружения, направление американских советников для обучения таиландской армии, размещение на территории страны американских войск и т. д., которые практически легли в основу проамериканского внешнеполитического курса страны и ее подчинения военно-стратегическим планам Пентагона. Началось развертывание сети американских военных баз на территории Таиланда. Таиландские войска приняли участие в агрессивной войне, развязанной американским империализмом в Корее. Таиланд стал активным членом милитаристского блока СЕАТО, подписав в сентябре 1954 г. так называемый Манильский пакт.

В 60-е годы американо-таиландское военно-политическое «сотрудничество» получило дальнейшее развитие. Наряду с созданием на таиландской территории военно-воздушных и военно-морских баз в 1964—1965 гг. между США и Таиландом были заключены два секретных соглашения о строительстве Пентагоном нескольких новых военных объектов, включая комплексы радиоэлектронной стратегической разведки и связи⁴. По оценке американского журналиста Стэнли Карноу, к середине 60-х годов «США с необыкновенной быстротой и с минимальной шу-

³ D. Acheson. Crisis in Asia — an Examination of the U. S. Policy. — «Department of State Bulletin», January 23, 1950.

⁴ «Far Eastern Economic Review», 23.IV.1976, p. 26.

михой уже превратили это королевство в Юго-Восточной Азии в ошестившийся бастион, меняющий масштабы военной мощи на Дальнем Востоке»⁵.

Таиланд активно поддержал вооруженную авантюру США против народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. В Таиланде базировались американские войска, численность которых в 1969 г. достигла 58 тыс. человек. Таиландские солдаты участвовали в боевых операциях против патриотических сил Вьетнама и Лаоса. Территория страны на долгие годы превратилась в стартовую площадку для американских бомбардировщиков, совершавших массированные налеты на мирные вьетнамские, лаосские, камбоджийские города и деревни. Как сообщала американская печать, в разгар индокитайской войны 80% боевых вылетов авиации США производилось с таиландских баз⁶.

Однобокая внешнеполитическая ориентация и, как следствие этого, участие в дорогостоящих военных авантюрах империализма не только противоречили национальным интересам страны, но и деформировали развитие самого таиландского общества. Принятый еще в 1952 г. так называемый «антикоммунистический закон» лишил население страны элементарных демократических свобод. В стране были запрещены политические партии, профсоюзы, любые формы организации трудящихся, отсутствовали какие-либо выборные органы власти. Выросший рабочий класс Таиланда не имел права на защиту не только политических, но даже экономических интересов. Трудовые отношения регулировались отдельными декретами военного режима, которые фактически предоставляли предпринимателям полную свободу для усиления эксплуатации рабочих.

В тяжелом положении находился самый многочисленный класс таиландского общества — крестьянство, составляющее 75% населения страны. Сохранение в деревне полуфеодалных отношений, которые причудливо переплетались с начинавшими внедряться в ряде районов капиталистическими формами хозяйства, при отсутствии государственного регулирования проблем землевладения способствовало развитию процесса полного и частичного обезземеливания крестьянства. Согласно официальной статистике, сейчас в стране 27% крестьянских семей не имеют собственной земли, а 56% владеют лишь частью обрабатываемых ими участков⁷. С другой стороны, продолжалась концентрация земли в руках помещиков, ростовщической буржуазии, представителей военно-бюрократической верхушки.

Такое положение, вполне естественно, порождало постепенно накапливавшееся недовольство и возмущение всех здоровых национальных сил страны. Несмотря на принятые властями репрессивные меры, в начале 70-х годов усилилось брожение среди различных слоев населения, приводившее ко все более ясно выражавшемуся размежеванию политических сил. Все это вело к обострению всей внутренней обстановки в Таиланде.

Своей кульминационной точки вспыхнувшая политическая борьба достигла в октябре 1973 г. Правящая верхушка попыталась вооруженным путем разделаться с прогрессивными силами. Против них были брошены не только полиция, но и армейские части с танками и артиллерией. Однако это не помогло. В результате начавшихся в Бангкоке массовых выступлений студенчества, поддержанных рабочим классом, представителями интеллигенции, другими слоями населения (всего в выступле-

⁵ «Washington Post», 19.VIII.1966.

⁶ «New York Times», 5.I.1969.

⁷ «Прачатипатай», 10.IV.1975.

ниях приняло участие около 400 тыс. человек), режим военной диктатуры Танома Киттикачона и Прапата Чарусатиена был свергнут. Перед страной открылись новые пути развития.

* * *

В октябре 1973 г. к власти в Таиланде пришло временное гражданское правительство, представлявшее интересы буржуазно-либеральных кругов. Его возглавил бывший ректор Бангкокского университета Санья Таммасак.

Рост политической активности самых различных общественных сил обусловил качественно новый этап развития таиландского общества. Перед правительством С. Таммасака, которое должно было считаться с требованиями прогрессивных сил о коренной перестройке прежней внутренней и внешней политики, встали две сложнейшие проблемы. Во-первых, необходимо было добиться демократизации внутренней жизни страны, решить накопившиеся экономические, социальные и другие вопросы, улучшить положение трудящихся масс. Во-вторых, нужно было положить конец односторонней политической, военной, экономической ориентации на США, выработать отвечающий национальным интересам Таиланда новый внешнеполитический курс.

На волне поднявшегося национально-демократического движения временное правительство сумело осуществить ряд важных для страны мероприятий. Среди них наибольшее значение имело принятие в октябре 1974 г. новой конституции Таиланда. Несмотря на некоторые слабые стороны, конституция закрепляла основные буржуазно-демократические свободы и в целом явилась завоеванием тех сил, которые стремились не допустить возврата к прежним порядкам. Был принят закон о политических партиях, деятельность которых разрешалась в рамках конституции. Правительство установило дипломатические отношения с Венгрией, Монголией, ГДР, Чехословакией, Болгарией. Предпринимались также некоторые меры для решения наиболее неотложных экономических проблем, в том числе для улучшения жизни народа.

В январе 1975 г. в Таиланде состоялись всеобщие выборы, в которых приняли участие 42 новые партии. Созданное в результате выборов Национальное собрание сформировало первое за последние 27 лет гражданское правительство. Однако все это происходило в условиях сложной политической борьбы.

Надо сказать, что после свержения режима военной диктатуры влияние в стране правых сил и реакционных военных кругов, связанных с империализмом, хотя и несколько ослабло, но в целом оставалось еще значительным. В первый период, отступив в глубь политической сцены, правые, реакционные силы занимали выжидательную позицию. Но уже в связи с подготовкой всеобщих выборов они решили устроить первую «пробу сил». Образованные военными группировками в союзе с крупным капиталом более десятка партий, среди которых ведущими стали тайская национальная партия во главе с генералом Праманом Адирексаном и партия социальной справедливости, которую возглавил главный маршал авиации Тави Чуласап, активно выступили в защиту интересов крупного капитала в рамках партийной предвыборной борьбы. Используя тот факт, что ни одна из 42 партий не получила на выборах большинства, необходимого для формирования однопартийного правительства, руководители правых группировок развернули борьбу за создание коалиционного правительства, в котором их представители могли бы занять прочные позиции. Первое правительство во главе с лидером де-

мократической партии Сени Прамотом, образованное в феврале 1975 г. на базе коалиции либерально-демократических партий, не устраивало правые круги, и они добились его ухода уже через 8 дней после формирования.

В ходе сложной борьбы между основными политическими группировками — буржуазно-демократического направления и правого характера — в марте 1975 г. был достигнут компромисс, на основе которого пост премьер-министра передавался известному политическому деятелю Таиланда лидеру партии социального действия Кыкриту Прамоту (брату Сени Прамота). Однако военно-бюрократическая группировка получила ряд важных постов — заместителя премьер-министра, министров обороны, иностранных дел, по делам государственных университетов и др.

Тем не менее правительство Кыкрита Прамота провозгласило широкую программу проведения коренных преобразований во внешней и внутренней политике⁸. Программа предусматривала проведение «сбалансированной» внешней политики, что предполагало отказ от односторонней ориентации на США. Одним из главных пунктов программы было положение о полном выводе из страны американских войск в течение одного года.

В области внутриполитической программа намечала отмену «антикоммунистического закона» 1952 г., дальнейшее углубление процесса демократизации, осуществление целого ряда экономических мероприятий, направленных на борьбу с нищетой, безработицей, инфляцией, на сокращение разрыва между «богатыми и бедными», на улучшение жизни народа.

В то время как национально-демократические и прогрессивные силы Таиланда с большим удовлетворением встретили программу первого гражданского правительства, созданного конституционным путем, правые реакционные партии постарались сразу же очернить этот документ, назвав его «утопическим»⁹. Характерной чертой для деятельности правительства Кыкрита Прамота на протяжении всего годового периода его пребывания у власти являлось постоянное сильное давление на него со стороны правых, реакционных группировок. Уступая их нажиму, Кыкрит Прамот и его сторонники откладывали одно за другим решения основных национальных проблем.

И все же в новых условиях, сложившихся к тому времени в Таиланде, притормозить неуклонный процесс роста политической активности широких слоев населения правые не смогли. Большую роль среди молодежи стал играть возникший в Бангкоке Национальный студенческий центр, который, несмотря на проявлявшиеся в его деятельности различные тенденции, вел работу по мобилизации студенчества и молодежи на решительную борьбу за искоренение сохранившихся элементов и черт прежнего военного режима. Во многих провинциях возникали рабочие и крестьянские ассоциации, которые содействовали приданию более организованного характера усиливавшемуся рабочему и крестьянскому движению. Несомненным завоеванием трудящихся явилось закрепленное в законодательном порядке право на создание профсоюзов, деятельность которых была запрещена с 1949 по 1974 г.

Ухудшение экономического положения страны, вызванное обострением общего кризиса капитализма, тяжелые условия труда, низкая заработная плата, резкий рост стоимости жизни в результате повышения цен, значительное увеличение безработицы (в августе 1976 г. в Таилан-

⁸ См. «Правда», 15.III.1975.

⁹ «Таи Рат», 19.III.1975.

де насчитывалось 1,2 млн. безработных¹⁰⁾ — все это привело к расширению забастовочного движения трудящихся. Официальная статистика свидетельствует, что если в 1973 г. было зарегистрировано 519 «трудовых конфликтов», то в 1974 г. их число превысило 800¹¹⁾.

Общее кризисное состояние экономики страны оказало отрицательное воздействие на положение тайландского крестьянства. К нерешенности земельного вопроса, к эксплуатации крестьян помещиками, ростовщиками, перекупщиками¹²⁾ прибавилось новое бремя, связанное с ростом цен на промышленные товары и искусственным занижением цен на сельскохозяйственную продукцию. За период с 1972 по 1974 г. реальные доходы крестьян снизились на 18%. По официальным данным, среднегодовой доход крестьянина примерно в 5 раз меньше, чем городского жителя (1840 бат против 10 000 бат)¹³⁾.

Практическое проведение в жизнь закона о земельной реформе, принятого с большим трудом в январе 1975 г., с первого же дня натолкнулось на яростное сопротивление реакционных военных кругов, крупных землевладельцев, торговой буржуазии. Их представители в парламенте, используя тактику проволочек, провалили внесенный правительством проект закона о многоцелевых сельскохозяйственных кооперативах. Принятый же парламентом закон о контроле над арендной платой повсеместно бойкотировался. В этих условиях правительство Кыкрита Прамота вынуждено было отступить и стало рассматривать проведение аграрных преобразований как дело далекого будущего. Показательно, что в сентябре 1975 г. правительство наметило осуществление земельных преобразований в течение 6—7 лет лишь в 5 из 71 провинций Таиланда¹⁴⁾. Показательно также, что в государственный бюджет ни в 1975 г., ни в 1976 г. не была включена статья расходов, связанных с проведением земельной реформы. Все это вызывало массовые протесты крестьянства, получавшие поддержку со стороны рабочего класса, студенчества, прогрессивной интеллигенции.

Большой победой трудящихся масс закончилась первая в истории Таиланда всеобщая забастовка в первых числах января 1976 г. Небывалый для страны размах забастовочного движения, в котором приняло участие около 300 тыс. рабочих и служащих во главе с Национальной федерацией профсоюзов, поддержанного крестьянскими выступлениями, заставил правительство отказаться от намечавшегося повышения цен на основные продукты питания и заявить о намерении ускорить проведение общенациональной земельной реформы.

Однако правые круги использовали всеобщую забастовку в собственных целях, стремясь еще больше обострить внутривнутриполитическую ситуацию. Они открыто стали чинить препятствия деятельности правительства, предприняли попытки изолировать его от страны. Опасаясь потерять контроль над обстановкой, премьер-министр Кыкрит Прамот и его сторонники пошли на необычный шаг: был распущен парламент и назначены новые выборы.

И правые круги, и прогрессивные силы готовились к серьезной борьбе в ходе избирательной кампании. Реакционные группировки развернули в стране широкую кампанию против каких-либо демократических преобразований и изменений во внешней политике, доказывая, будто США являются «естественным» союзником и другом Таиланда. Эта про-

¹⁰⁾ «Bangkok Post», 25.VIII.1976.

¹¹⁾ «News Synopsis», 17.I.1975.

¹²⁾ По данным газеты «Bangkok Post» (12.I.1975), арендная плата в деревне достигает 50% урожая, а процент на ссуду — от 40% до 150%.

¹³⁾ «Прачатипатай», 11.VII.1975. (100 бат составляют прибл. 4 руб.).

¹⁴⁾ «Тай Рат», 4.IX.1975.

паганда подкреплялась деятельностью появившихся в стране ультраправых организаций — «Навапон», «Красные быки», «Народ в защиту тайской нации», «Черный слон» и др., — занимавшихся устройством всевозможных беспорядков, провокаций, использовавших шантаж и насилие в отношении представителей левых организаций, а иногда и убийства отдельных руководителей в политических целях.

Иностранная печать отмечала, что общее руководство правыми силами осуществляла реакционная военная верхушка Таиланда¹⁵. Известны некоторые ее представители: это В. Ротчанависут, бывший глава тайской военной разведки; В. Ясават, бывший командующий таиландскими наемниками, направлявшимся по указанию ЦРУ в Лаос; П. Сутарангкун, бывший генеральный директор полиции, и др. Как подчеркивали иностранные обозреватели, осведомленные о их прежних связях с американской разведкой, некоторые из этих «бывших» деятелей «могут оставаться на содержании ЦРУ, которое могло инспирировать их политическую деятельность в целях ослабления и раскола движения левых и блокирования любых изменений существующего положения»¹⁶. Коротко говоря, цель правых реакционных кругов на выборах заключалась в том, чтобы «построить таиландскую стену против коммунистов», создать правительство «сильной руки», подавить всех «инакомыслящих»¹⁷.

Состоявшиеся 4 апреля 1976 г. всеобщие выборы принесли успех демократической партии. Ее лидер 70-летний Сени Прамот возглавил новое правительство, которое после двухнедельного конфиденциального торга, как и прежде, было сформировано на коалиционной основе: в него вошли представители еще трех правых партий — тайской национальной, социальной справедливости и социал-националистической. Из 31 члена правительства 14 были бизнесменами, а 6 представляли высшие армейские чины¹⁸.

В апреле 1976 г. правительство Сени Прамота представило Национальному собранию свою политическую программу.

В программе в общих выражениях говорилось о продолжении курса, наметившегося в стране после октябрьских событий 1973 г., о необходимости аграрных преобразований, борьбы с дороговизной, с массовой безработицей и коррупцией, о стабилизации экономического положения. Вместе с тем в программу не были включены требования демократических сил об отмене «антикоммунистического закона», о проведении в стране радикальных социально-экономических реформ. Зато правительство предложило принять меры для широкого привлечения в страну иностранного капитала в качестве средства для повышения уровня экономического развития. Гонконгский еженедельник «Фар Истерн экономик ревю» подчеркивал: «Ожидается, что администрация Сени, которая по своему характеру является более консервативной и связанной с крупным капиталом, будет проводить прозападный курс...»¹⁹.

За период своего существования с апреля до октября 1976 г. правительство Сени Прамота, оказавшись под большим влиянием реакционных военных кругов и представителей крупного капитала, практически не смогло решить ни одной крупной проблемы внутривнутриполитического, экономического или социального плана.

* * *

¹⁵ «Far Eastern Economic Review», 25.VII.1975, p. 13.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ «Правда», 31.VII.1976.

¹⁹ «Far Eastern Economic Review», 30.IV.1976, p. 10.

Представляет интерес характер развития тайландо-американских отношений в этот период. Вопрос о пересмотре всех заключенных между Тайландом и США договоров и соглашений, ущемлявших суверенитет страны и ставивших ее в политическую и экономическую зависимость от американского партнера, стал для Тайланда проблемой номер один. Национально-демократические силы страны настойчиво требовали положить конец военному присутствию США в Тайланде, покончить с односторонней ориентацией на США, найти другие внешнеполитические альтернативы, которые отвечали бы национальным интересам.

Выдвинутое тайландским правительством в марте 1975 г. официальное требование о полном выводе американских войск и ликвидации американских военных баз, размещенных на территории страны, в течение одного года (позже была определена и конкретная дата — к 20 марта 1976 г.) вызвало нескрываемое раздражение в Вашингтоне.

Главное значение для Пентагона имело не столько дальнейшее присутствие в Тайланде американских войск, численность которых, кстати говоря, начала сокращаться после подписания в январе 1973 г. Парижского соглашения о прекращении войны во Вьетнаме, сколько наличие в стране семи крупных военных баз. Среди них особо выделялась военно-воздушная база в Утапао, к югу от Бангкока, закрытие которой прерывало бы установленные линии связи между американскими базами на Филиппинах и на Диего-Гарсия, а также создавало бы трудности в проведении авиаразведки в Индийском океане.

Серьезное беспокойство среди американских военных вызывала и возможность прекращения деятельности комплексов радиоэлектронной разведки и связи, расположенных в Рамасуне, Кох-Кха и Чиенгмае, поскольку это наносило бы ощутимый удар по военно-политическим и стратегическим планам США в Юго-Восточной Азии и вело бы к образованию бреши в наземной сети радиоэлектронного перехвата и сбора информации в Индокитае и других районах.

С тем чтобы помешать осуществлению принятого правительством Тайланда решения, в Вашингтоне использовали всевозможный арсенал средств давления, начиная с активизации деятельности проамерикански настроенных тайландских высших военных кругов, выступающих в пользу сохранения американских войск и баз в ЮВА, и кончая угрозами сокращения военной и экономической помощи США Тайланду.

В качестве аргументов, которые использовали американцы и их сторонники в целях сохранения военных баз и определенного контингента войск США в Тайланде, выдвигались тезисы о якобы грозящем нарушении «баланса сил» в Юго-Восточной Азии и опасности заполнения образующегося «вакуума» Советским Союзом и Вьетнамом. Американцы утверждали также, будто в случае их ухода из Тайланда резко возрастет опасность действия «закона падающего домино», так как «сильный в военном отношении и агрессивный» Вьетнам якобы постарается использовать благоприятную ситуацию для создания в Тайланде беспорядков с целью «коммунистического захвата».

Несмотря на это давление, тайландское правительство, отдавая отчет, какое огромное значение имеет для страны решение вопроса об окончании военного присутствия США, предприняло ряд практических мер в этом направлении. Определенному ускорению решения вопроса содействовал новый взрыв возмущения общественности Тайланда, когда американские военные круги в середине мая 1975 г. без уведомления тайландских властей использовали базы на территории страны для вооруженной провокации против Камбоджи. К началу июля 1975 г. в Тайланде оставалось 19,5 тыс. военнослужащих и около 300 самолетов

ВВС США. Три военные базы, относительно второстепенные, были закрыты. Судьба остальных четырех баз оставалась неясной²⁰.

Продолжая оказывать нажим на правительство Таиланда, американские военные круги инспирировали появление в прессе сообщений о необходимости в целях обеспечения «безопасности Таиланда» сохранения на его территории четырех баз и «остаточных» американских вооруженных сил. Называлась даже численность этого «остаточного» контингента — 10 тыс. солдат и офицеров²¹.

Борьба вокруг военного присутствия США в Таиланде приобретала все более сложный характер. Вывод к концу 1975 г. всех боевых самолетов США не решал вопроса, поскольку четыре военные базы вместе с американскими военнослужащими продолжали оставаться владениями США.

Одним из результатов давления США явилось предложение тайландского правительства от 4 февраля 1976 г. заключить новое двустороннее соглашение об условиях дальнейшего пребывания в стране после 20 марта военных объектов и военно-технического персонала США. Тайландская сторона предложила, чтобы остающиеся в стране американский военный персонал, оборудование военных баз и других объектов находились под полной юрисдикцией местных властей. Кроме того, США не имели бы права использовать тайландскую территорию для угрозы или вмешательства во внутренние дела других государств, прежде всего соседей Таиланда²².

На начавшихся в Бангкоке переговорах представители США категорически отказались принять условие о «юрисдикции». Совершенно очевидно, что в Вашингтоне опасались, как бы в случае согласия на это условие не был бы создан прецедент, которым в будущем могут воспользоваться правительства других стран, предоставивших свою территорию под американские военные базы.

Ввиду отказа США принять выдвинутые Таиландом условия, 20 марта 1976 г. правительство Таиланда официально уведомило Соединенные Штаты о денонсации Таиландом американских соглашений 1964 и 1965 гг. и потребовало прекращения деятельности военных объектов и вывода всех американских военнослужащих в 4-х месячный срок, то есть до 20 июля 1976 г. Однако это решение не затрагивало бессрочного тайландо-американского соглашения о военном сотрудничестве 1950 г., в соответствии с которым в стране функционирует объединенная группа военных советников США.

В США внимательно следили за ходом избирательной кампании в Таиланде в связи с выборами 4 апреля 1976 г., и в первую очередь за отношением различных политических партий и их лидеров к вопросу будущих американо-тайских отношений. В Вашингтоне надеялись, что сформированное после выборов правительство во главе с Сени Прамотом начнет проводить более прозападную внешнюю политику и изменит позицию в вопросе о сохранении, хотя бы частичном, военного присутствия США в этой стране. Эти надежды не исчезли и после опубликования правительственного заявления о внешней политике, утвержденного парламентом 30 апреля 1976 г., в котором содержалось четкое положение о том, что правительство Таиланда не допустит размещения иностранных войск и военных баз на территории этой страны.

В Вашингтоне предприняли еще одну попытку спасти положение. 14 мая 1976 г. посол США в Бангкоке Уайтхауз по поручению своего

²⁰ «За рубежом», 1975, № 33, стр. 12.

²¹ Там же.

²² «Nation», 21.III.1975.

правительства обратился к правительству Таиланда с просьбой предоставить США возможность использования в будущем радиоэлектронного разведывательного центра в Рамасуне с размещением там 270 американских технических специалистов. При этом США давали согласие на допуск тайландских военных к работе этого центра, а также на предоставление тайской стороне части получаемой в Рамасуне информации.

В начале июня тайское правительство отклонило указанное предложение США и вновь подтвердило свою решимость добиться вывода всех американских войск с территории страны к 20 июля 1976 г., сделав исключение для 270 военных советников, деятельность которых определяется тайландско-американским соглашением 1950 г. США вынуждены были согласиться, и в конце июня в Бангкоке начался очередной раунд американско-тайских переговоров, в ходе которых уточнялись конкретные детали, связанные с деятельностью 270 американских специалистов, а также передачей США Таиланду части оборудования на базе ВВС в Утапао и радиоэлектронных комплексах в Рамасуне и Кох-Кха.

Вместе с тем вывод американских войск из Таиланда не привел к существенным изменениям в американо-тайских отношениях. США по-прежнему продолжают рассматривать Таиланд в качестве важного опорного пункта в американской политике в Юго-Восточной Азии и бассейне Тихого океана. США подчеркивают свою готовность выполнить в случае необходимости свои обязательства в части обеспечения безопасности Таиланда в соответствии с положениями американо-тайского договора 1950 г. и Манильского пакта 1954 г. Как заявил в начале 1976 г. помощник госсекретаря по делам Азии и Тихого океана Ф. Хабиб, «если Таиланд подвергнется открытому нападению, США будут считать себя вправе действовать по собственной инициативе, даже без согласования со всеми остальными членами Манильского договора»²³.

Прекращение с 20 июля 1976 г. деятельности военных объектов и вывод военного персонала США из Таиланда не означали, что Соединенные Штаты согласились поступиться своими интересами и отказаться от своего военно-политического присутствия в Юго-Восточной Азии. Как вытекает из «тихоокеанской доктрины» США, провозглашенной 7 декабря 1975 г., Вашингтон по-прежнему заинтересован в сохранении своих позиций в Юго-Восточной Азии.

Таким образом, хотя решение правительства Таиланда о закрытии военных баз и выводе американских войск еще не означало окончательного отхода Бангкока от проамериканской ориентации, оно тем не менее создало реальные возможности для диверсификации внешнеполитических связей страны. Правительство Сени Прамота использовало новые условия и предприняло ряд шагов, направленных на расширение взаимовыгодных и равноправных отношений с социалистическими странами, на сближение с неприсоединившимися государствами, нормализацию отношений со своими соседями. В результате состоявшихся в начале августа 1976 г. визитов бывшего министра иностранных дел Таиланда П. Раттакуна в ЛНДР и СРВ были достигнуты соглашения об открытии дополнительных транзитных пунктов на лаосско-тайландской границе, о превращении пограничной р. Меконг в «реку дружбы» между двумя странами, а также об установлении дипломатических отношений между Таиландом и Вьетнамом.

* * *

²³ «Bangkok Post», 19.II.1976.

Правые силы, опирающиеся на поддержку извне, не хотели мириться с происходящими в Таиланде демократическими преобразованиями и особенно с ликвидацией американского военного присутствия в стране. Программа правительства Сени Прамота в области внутренней политики, предусматривавшая ускорение аграрных преобразований, стабилизацию экономики, борьбу с ростом цен, с массовой безработицей, была встречена правыми в штыки. Под давлением этих кругов неоправданно затягивалась передача американских военных объектов таиландской стороне, было принято компромиссное решение о сохранении американских военных советников в стране, а также предоставлена возможность авиации США использовать и в дальнейшем военные базы в Таиланде (в частности, Такли) для транзитных перелетов.

Реакционная военно-бюрократическая верхушка стала открыто поднимать голову. В этих кругах недвусмысленно заявляли, что «игра в демократию» зашла слишком далеко и что пора наводить в стране «порядок». В августе 1976 г. при явном содействии таиландской реакции в Бангкок попытался потихоньку вернуться бывший диктатор фельдмаршал П. Чарусатиен. Это был как бы «пробный камень»; однако из подобной затеи ничего не вышло. В связи с массовыми выступлениями различных слоев населения П. Чарусатиен был вынужден покинуть Таиланд. В сентябре 1976 г. в Бангкоке вновь возникла напряженная обстановка. Возвращение в Таиланд другого бывшего главы режима военной диктатуры, фельдмаршала Т. Киттикачона, вызвало широкие протесты. По призыву Национального студенческого центра в таиландской столице состоялись массовые демонстрации, участники которых требовали немедленной высылки из страны бывшего диктатора. Иностранцы обзвевали прямо отмечали, что целью его возвращения в Бангкок было стремление подчеркнуть слабость коалиционного правительства. «Одев оранжевую тогу бонзы, — писала иностранная пресса, — этот деятель создал себе лучшие условия, чтобы без большого риска приняться за политические манипуляции»²⁴.

Возвращение Т. Киттикачона в Бангкок, которое, по общему мнению, можно было рассматривать как провокацию, привело к новому политическому кризису. Премьер-министр Сени Прамот подал в отставку. Через день после формирования им нового правительства, рано утром 6 октября, вооруженные банды правых атаковали Таммасатский университет, занятый студентами, которые собрались там в знак протеста против возвращения в страну бывшего диктатора. Кровавая расправа со студентами и начавшиеся в столице беспорядки были использованы группой высших офицеров для низложения правительства Сени Прамота и взятия власти в свои руки. Таким образом, в Таиланде был совершен военный переворот.

Для управления страной в тот же день, 6 октября 1976 г., был создан Национальный совет административных реформ (НСАР) в составе 24 высших офицеров вооруженных сил Таиланда, который возглавил адмирал Сангад Чалорью. В стране было введено военное положение, приостановлено действие конституции 1974 г., запрещены политические партии, временно закрыты все учебные заведения. Руководители переворота заявили, что внутри страны основным врагом являются «коммунизм» и все те, кто поддерживает или подозревается в поддержке этого «подрывного учения»²⁵. В антикоммунистический закон 1952 г. были внесены дополнения, предоставившие местным властям большие права в осуществлении «антикоммунистических мер». Во всех учебных заведе-

²⁴ «Le Monde», 7—8.X.1976.

²⁵ «Le Monde», 15.X.1976.

ниях Таиланда запрещалось преподавание каких бы то ни было политических дисциплин, содержащих «демократические концепции»²⁶. По всей стране были проведены массовые аресты среди студентов, а также деятелей запрещенных демократических партий и организаций. Общее число арестованных, по сообщениям прессы, превысило 4 тыс. человек²⁷.

Вместе с тем уже в первые дни после государственного переворота военные руководители, видимо, уяснили, что возврата к прошлым временам существования военной диктатуры быть не может. С октября 1973 г., несмотря на препятствия, чинившиеся правыми кругами, национально-демократические силы Таиланда окрепли и выросли настолько, что, кто бы ни находился у власти, он неизбежно должен считаться с появившимся новым фактором во внутривнутриполитической жизни страны. К этому надо добавить, что база совершившей переворот военной группы не только в стране, но даже в таиландской армии оказалась крайне узкой и новым руководителям, если они хотели сохранить власть, нужно было найти прочную опору²⁸. Вот почему НСАР, пытаясь размахивать флагом антикоммунизма, вынужден был вскоре провозгласить курс на борьбу с коррупцией, бедностью, «угнетением народа некоторыми госслужащими» и заявить о необходимости изменений в системе управления страной²⁹. Одновременно было заявлено о «поэтапном возвращении к демократии», причем, как можно понять, этот процесс должен занять 12 лет³⁰.

Через две недели после переворота, 22 октября 1976 г., военные руководители объявили о формировании гражданского правительства и о введении в стране «временной конституции». Предпринимая подобное маневрирование, военная группа, разумеется, учитывала настроения широких слоев народных масс, но при этом она вовсе не намерена была сложить с себя полномочия, а стремилась лишь уйти в тень, выдвинув на авансцену контролируемое ею правительство.

Новое правительство Таиланда возглавил известный юрист Танин Краивичиен. Из 17 членов кабинета большинство составили гражданские деятели, но посты заместителя премьер-министра и министра обороны остались за военными.

При премьер-министре создан консультативный совет из военных представителей, который в соответствии с «временной конституцией», определяет основные направления внешней и внутренней политики страны.

Еще через месяц, в 20-х числах ноября 1976 г., была создана так называемая национальная палата административных реформ (НПАР), иными словами, нечто вроде парламента с сильно урезанными правами. Члены НПАР назначались совместно правительством и консультативным советом³¹. Бангкокская печать утверждала, что этим актом завершилась передача военными своих полномочий гражданским властям.

Сразу после военного переворота 6 октября 1976 г. в мировой прессе запестрели сообщения или, точнее, размышления о том, насколько причастны США к таиландским событиям. И хотя на этот счет высказывались самые противоречивые точки зрения, главное заключается в том, что со стороны определенных кругов стали предприниматься в последнее

²⁶ «New York Times», 21.IX.1976.

²⁷ Ibid.

²⁸ См. «Le Monde», 15.X.1976.

²⁹ «Bangkok Post», 14.X.1976.

³⁰ Ibid.

³¹ См. «Правда», 22.XI.1976.

время энергичные попытки снова втянуть Таиланд на прежний обанкротившийся курс.

Имеются сообщения, что Пентагон проявляет большой интерес к восстановлению своего контроля над некоторыми бывшими американскими военными базами на таиландской территории, в первую очередь над центром радиоэлектронной разведки Рамасун³². В самом Бангкоке все чаще раздаются голоса, ратующие за развитие и укрепление связей с США, за восстановление пошатнувшегося в последние годы американо-таиландского военно-политического союза, за усиление антикоммунистического курса внутри и вне страны.

Дело не ограничивается только пропагандой. С октября 1976 года возобновились кампании по преследованию лиц вьетнамского происхождения, проживающих в Таиланде. По сообщениям печати, их арестовывают и отправляют в специальные лагеря. Такие действия, — указывается в заявлении МИД Социалистической Республики Вьетнам, — являются составной частью замыслов, направленных против нормализации отношений между Вьетнамом и Таиландом³³. Участились инциденты на лаосско-таиландской границе³⁴. Правящими кругами Таиланда была проявлена инициатива с целью придания АСЕАН, организации, выступающей за развитие регионального сотрудничества, характера военного блока. Такое намерение, которое противоречит интересам народов Юго-Восточной Азии, но явно отвечает стремлениям империалистических кругов создать новые препятствия на пути к подлинному миру и безопасности, было критически воспринято и отвергнуто правительствами стран района³⁵.

Конечно, империализм никогда не откажется от попыток сохранить контроль над странами Юго-Восточной Азии, особенно теми, которые богаты сырьем и занимают стратегически важное положение, как, например, Таиланд. Однако при этом нельзя не учитывать, что за период, истекший с октября 1973 г., Таиланд прошел большой путь демократического развития. Национально-демократические силы страны, несмотря на сложные условия, продолжают вести упорную борьбу за возвращение на путь мира, демократии, прогресса. Иностранные агентства сообщают, что таиландские общественные организации все активнее добиваются от правительства ослабления ограничений, введенных военными властями. Профсоюзы выступают за сохранение и совершенствование рабочего законодательства, защищающего права трудящихся. Показательно, что на первой сессии национальной палаты административных реформ (НПАР) группа ее членов, среди которых были деятели бывшей демократической партии, высказалась за рассмотрение законопроектов, представленных в прежний парламент, но по которым не было принято решение. Это — стремление добиться решения основных социально-экономических проблем, по-прежнему стоящих перед страной. Прогрессивные силы Таиланда объединяют свои усилия и с целью выработки подлинно демократической внешней политики, отвечающей национальным интересам страны.

Борьба за определение путей дальнейшего развития страны продолжается. Сочувствие и солидарность трудящихся всего мира на стороне национально-демократических сил Таиланда. И нет сомнений, что будущее Таиланда находится в их руках.

³² См. «Правда», 16.XI.1976.

³³ См. «Правда», 6.XI.1976

³⁴ См. «Правда», 17.XI.1976.

³⁵ Там же.

IV съезд Коммунистической партии Вьетнама

С 14 по 20 декабря 1976 г. в Ханое проходил IV съезд Партии трудящихся Вьетнама.

Вьетнамские коммунисты встретили свой съезд, пройдя славный и героический путь борьбы и побед. Делегаты I съезда партии, проходившего в марте 1935 г. на территории португальской колонии Макао, представляли лишь несколько десятков вьетнамских коммунистов. В момент свершения Августовской революции 1945 г. партия насчитывала 5 тыс. членов. Ко II своему съезду в феврале 1951 г. она пришла, имея в своих рядах уже 760 тыс. марксистов-ленинцев. На нынешнем съезде более 1000 делегатов представляли полуторамиллионную армию членов партии.

IV съезд ПТВ проходил в особой атмосфере: вьетнамский народ, выполняя задачи, поставленные на III съезде в сентябре 1960 г., нанес поражение империалистическим агрессорам и их ставленникам, защитил и упрочил завоевания социализма на Севере, осуществил национально-демократическую революцию на Юге и создал единую Социалистическую Республику Вьетнам.

Подготовка к съезду, ставшая подлинно всенародным делом, ознаменовалась небывалым патриотическим подъемом во всей стране. В преддверии съезда в адрес ЦК ПТВ и правительства СРВ поступили многочисленные сообщения о досрочном выполнении годовых планов, об освоении новых видов продукции, повышении качества и эффективности труда. Все эти успехи трудящихся страны — еще одно свидетельство огромной целенаправленной работы ПТВ — признанного авангарда вьетнамского народа.

Неизмеримо вырос за последние годы и международный авторитет ПТВ. На съезд вьетнамских коммунистов прислали своих представителей 29 братских партий и революционных организаций стран Азии, Европы, Америки и Африки. Горячо и сердечно была встречена делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС М. А. Сусловым.

14 декабря с Отчетным докладом Центрального Комитета ПТВ выступил Первый секретарь ЦК ПТВ тов. Ле Зуан.

В своем докладе он отметил, что за шестнадцать лет, прошедших после III съезда ПТВ, вьетнамский народ прошел через исключительно серьезные испытания. Однако под правильным руководством партии и с помощью друзей во всем мире народ Вьетнама одержал славную победу. «Пройдут годы, — сказал тов. Ле Зуан, — но победа нашего народа в войне сопротивления против США, за национальное спасение навсегда останется одной из самых блестящих страниц истории нашего народа, беспримерным олицетворением полного торжества революционного героизма и человеческого разума, войдет во всемирную историю как великий подвиг XX века, как событие огромной международной важности и глубокого эпохального характера»¹.

¹ «Правда», 15.XII.1976.

В докладе тов. Ле Зуана особо отмечалось выдающееся значение Великой Октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества, растущее воздействие мировой социалистической системы как решающего фактора современного развития.

На протяжении 21 года, с июля 1954 по май 1975 г., перед вьетнамскими коммунистами стояла двуединая задача одновременного осуществления национальной народно-демократической революции на Юге и социалистической революции на Севере. Объединение страны и создание Социалистической Республики Вьетнам выдвинули в настоящее время на первый план грандиозную задачу построения социализма во всей стране. «Вся наша страна, — подчеркнул тов. Ле Зуан, — идет к социализму в обстановке мира, независимости и единства, революционного энтузиазма всей нации, одержавшей великую победу»².

В Отчетном докладе ЦК ПТВ были выдвинуты основные направления пятилетнего (1976—1980) плана развития и преобразования экономики и культуры, начертаны светлые перспективы превращения Вьетнама в процветающую социалистическую страну, определены грандиозные задачи партии на новом этапе вьетнамской революции.

С большим воодушевлением делегаты съезда встретили доклад об основных направлениях, задачах и целях пятилетнего плана, с которым выступил член Политбюро ЦК ПТВ, премьер-министр СРВ тов. Фам Ван Донг.

Новая пятилетка вьетнамского народа — важнейший шаг к построению социалистического общества на всей вьетнамской земле, к созданию прочных условий для постоянного повышения жизненного уровня трудящихся.

На предстоящие годы партия планирует ежегодное увеличение общественного продукта на 14,5—15,5%, а национального дохода на 13—14%. Исходя из неотложных нужд, ставится задача добиться к 1980 г. производства не менее 21 млн. т продовольствия и 1 млн. т мяса. Намечается освоение 1 млн. га земли в дельте Меконга, строительство ирригационных сооружений, специализированных животноводческих комплексов, определены меры по повышению урожайности. Значительный шаг вперед сделан в промышленности страны. Начнется сооружение крупнейшего энергоузла на реке Черной, который ежегодно будет давать 7,5 млрд. кВт·ч дешевой энергии. К концу пятилетки страна будет добывать 10 млн. т угля и производить 250—300 тыс. т стали. Намечено приступить к возведению завода минеральных удобрений и других крупных предприятий.

Как указал тов. Фам Ван Донг, для осуществления этих грандиозных задач необходимо всесторонне укреплять и расширять «разностороннее экономическое и техническое сотрудничество с братскими социалистическими странами на основе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма»³.

Эта же мысль пронизывала и выступление главы делегации КПСС, члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС тов. М. А. Суслова, с исключительной теплотой встреченное участниками съезда. Тов. М. А. Суслов в своей речи привел слова Леонида Ильича Брежнева на приеме в честь вьетнамской партийно-правительственной делегации в Москве, который сказал: «Со всей определенностью хочу подчеркнуть: в вашей мирной социалистической работе вы и впредь можете твердо рассчитывать на поддержку партии Ленина, Страны Советов. Для совет-

² «Правда», 15.XII.1976.

³ «Правда», 17.XII.1976

ских коммунистов, для всех советских людей солидарность с Вьетнамом была и остается велением сердца и разума, выражением неизменной верности нашей партии и народа принципам интернационализма»⁴.

Духом интернационализма, неподдельной заинтересованности в поступательном движении Вьетнама по пути социализма были проникнуты выступления делегатов и гостей съезда. В обстановке единодушия прошло заключительное заседание съезда. Делегаты единогласно приняли решение о переименовании партии в Коммунистическую партию Вьетнама. Съезд единодушно, целиком и полностью одобрил отчет ЦК, принял решение о направлениях, задачах и основных целях экономического и культурного развития страны во второй пятилетке (1976—1980) и утвердил новый Устав Коммунистической партии Вьетнама.

В состав Центрального Комитета вошли 101 член и 32 кандидата в члены ЦК. Генеральным секретарем ЦК КПВ был избран тов. Ле Зуан.

После окончания съезда газета «Нян зан» писала: «IV съезд партии явился большой вехой в истории вьетнамской революции»⁵. Проходивший в обстановке единодушия и сплоченности, он с новой силой продемонстрировал непоколебимую верность партии знамени марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, ее решимость и способность вести трудящиеся массы страны дорогой новых свершений, к успешному осуществлению задачи построения социалистического общества в едином и независимом Вьетнаме.

---

⁴ «Правда», 16.XII.1976.

⁵ «Нян зан», 21.XII.1976.

ИДЕОЛОГИЯ

К вопросу о становлении официальной политической доктрины феодального Китая

*В. Ф. Феоктистов,
кандидат философских наук*

Одной из важнейших особенностей становления и последующей эволюции китайской государственности явилась относительная устойчивость традиционных институтов политической власти, уходящих своими корнями в глубокую древность. Среди этих институтов важная роль принадлежит традиционным нормам политического мышления, восходящим к первым политическим доктринам Китая, которые легли затем в основу официальной идеологии императорского Китая.

Зарождение и формирование политических теорий в Китае относится к VI—III вв. до н. э. Политический характер носили уже самые ранние проявления философской мысли, зафиксированные в таких памятниках, как «Шу цзин», «Го юй», «Цзо чжуань». Политическую окраску получили и первые трактаты, излагавшие взгляды крупнейших мыслителей и политических деятелей древнего Китая — Конфуция, Лао-цзы, Мо-цзы, Мэн-цзы, Шан Яна, Сюнь-цзы, Хань Фэй-цзы. Не умаляя самостоятельного значения философского (онтологического и гносеологического) содержания древнекитайских трактатов, необходимо тем не менее подчеркнуть их политическую направленность, стремление предложить то или иное решение политических проблем, которые выдвигали перед общественной мыслью реальные процессы развития позднечжоуского Китая. Главной из этих проблем был вопрос о принципах управления страной, об идеальной «модели» китайского государства. Разработка этой проблемы в древнекитайской общественно-политической мысли проходила в условиях ожесточенной борьбы двух главных течений политической идеологии — конфуцианства и легизма. В этой борьбе столкнулись две тенденции — так называемая «этическая» и легистскобюрократическая «модели» китайского государства. Основоположник первой «модели» Конфуций, взгляды которого отражали интересы старой, родовой аристократии, выступал за строгое соблюдение сословной иерархии в обществе, венчать которую был призван «добродетельный» правитель, за возрождение патриархальных отношений периода Западного Чжоу (XII—VIII вв. до н. э.) и превращение этических норм поведения, сложившихся в общинах, в общегосударственные принципы управления. Теоретики второй «модели» китайского государства — Шан Ян, Шэнь Бу-хай, Хань Фэй-цзы — видели путь обновления китайского общества в создании сильной, по существу абсолютнистской власти правителя, опирающейся на авторитет Закона и подчиненный правителю бюрократический аппарат. Это была идеология новых имущих слоев китайского общества, не связанных кровными узами со старой, наследственной аристократией.

Борьба между этими двумя политическими доктринами в древнем Китае окончилась, как известно, поражением конфуцианцев и торжеством легистской школы в середине — конце III в. до н. э. Новая централизованная империя Цинь (221—207 гг. до н. э.) провозгласила идеологической и теоретической основой своей государственности легизм. Но торжество это было временным, недолгим. После падения империи Цинь, одной из причин которого были и идеологические факторы, ханьские правители не только восстановили в правах конфуцианство, но и сделали его государственной политической доктриной. Однако легистская концепция абсолютистской власти, будучи официально отвергнутой, сыграла тем не менее существенную роль в последующем формировании императорской государственной системы в Китае. Произошло, по существу, соединение, своеобразный синтез двух вначале резко непримиримых политических идеологий — концепции правления на основе соблюдения определенных этических и социальных норм (так называемого «ритуала», или принципа «ли») и концепции закона, как главного регулятора общественных отношений. Это соединение стало возможным вследствие принципиальной однотипности классового содержания обеих доктрин, выражавших — хотя и в различных формах — идею государства социального неравенства и порабощения народа. Идеологический синтез конфуцианства и легизма дал на практике ту форму государственности, которая просуществовала в Китае более двух тысяч лет.

Теоретическая подготовка этого политического синтеза конфуцианства и легизма была осуществлена выдающимся мыслителем древнего Китая Сюнь-цзы (ок. 312 — ок. 238 гг. до н. э.). Именно он заложил тот философский, теоретический фундамент, на котором базировалась впоследствии официальная конфуцианско-легистская идеология императорского Китая и ее главная часть — концепция политической организации общества и принципов государственного управления. Вклад Сюнь-цзы в формирование этой концепции состоял, во-первых, в том, что он сумел трансформировать этико-политические взгляды своего знаменитого предшественника Конфуция, приспособив их к новым историческим условиям и соединив их с легистской концепцией закона и теорией «равных возможностей», и, во-вторых, в том, что он подвел теоретическую, философскую базу под новую политическую доктрину. Синтез конфуцианской этико-политической доктрины «добродетельного», «человеколюбивого» правления с легистской концепцией абсолютистской власти, базирующейся на законе и наказаниях, определил главное содержание политических взглядов Сюнь-цзы.

Важную роль политической доктрины Сюнь-цзы в процессе формирования идеологических и политических основ монархического правления в Китае впервые отметил видный идеолог реформаторского движения конца XIX в. Тань Сы-тун (1865—1898). Рассматривая в труде «Учение о гуманности» эволюцию китайского общества и связь этой эволюции с политическими учениями, Тань Сы-тун признавал, что в основе идеологии и политики правящих классов императорского феодального Китая в течение двух с лишним тысяч лет лежала официальная доктрина, «копировавшаяся» на учение Сюнь-цзы. «Вышестоящие, — писал Тань Сы-тун, — стремились овладеть учением Сюнь-цзы, чтобы возвеличить правителя, принизить подчиненных и одурачить народ, а также чтобы правители творили всякого рода произвол и налагали оковы на мысли людей»¹. «Я считаю, — заключает Тань Сы-тун, — что за период в две тысячи с лишним лет власть (в Китае. — В. Ф.) всегда была подобна власти Цинь

¹ Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени. М., 1961, стр. 283.

Ши-хуана, то есть была властью великих разбойников, а все учения за это время были подобны учению Сюнь-цзы, то есть выступали как учения лицемеров и угодников»². Несмотря на известное преувеличение роли учения Сюнь-цзы в политической эволюции китайского общества и очевидное упрощение процесса идеологической борьбы, сопутствовавшей этой эволюции, Тань Сы-тун, как нам кажется, правильно оценил классовую сущность социально-политических взглядов Сюнь-цзы и их влияние на формирование официальной конфуцианской доктрины и политической практики феодального Китая.

Представления Сюнь-цзы о принципах идеального управления страной основываются на общей идеалистической теории философа об общественной закономерности «дао» как продукте деятельности мудрых правителей прошлого. Сюнь-цзы считал, что успешное управление государством, его могущество и процветание целиком зависят от деятельности правителя и его моральных качеств. «Покой, [царящий в] государстве, — писал он в трактате «Правление вана», — или грозящая ему опасность зависят от правителя, а не от кого-либо другого. Будет ли это [правление] вана или гегемона, спокойно ли существует, находится в опасности или гибнет [государство] — [все это] зависит [только] от меня, [правителя], но не от других». В трактате «Обогащение государства» Сюнь-цзы пишет: «Когда правитель целеустремлен [в добродетели], этому следуют и низы, когда правитель раздваивается, так поступают и низы. Возьмем, к примеру, растения; листья дерева всегда соответствуют характеру его корней». Правителя, следовательно, Сюнь-цзы считает «корнем» социальных процессов, определяющим их направление. «Поэтому, — резюмировал свою мысль Сюнь-цзы, — бывают случаи, когда [методы] правления прекрасны, а в стране — смута; но с древности и до наших дней не было слышно, чтобы смута существовала при совершенном [правителе]» («Правление вана»).

Под «совершенством» правителя Сюнь-цзы понимал выбор им правильного, с его точки зрения, пути управления страной, иными словами — проведение им политики, отвечавшей принципам конфуцианского учения. «... Если путь, [определенный] конфуцианским учением, — писал он в трактате «Обогащение государства», — будет действительно осуществлен, Поднебесная станет великой и богатой, [жизнь в ней] станет спокойной, дела пойдут успешно, зазвучат гонги и барабаны и наступит гармония».

Говоря о конфуцианском учении, Сюнь-цзы, однако, подразумевал под этим не традиционное этико-политическое учение Конфуция и Мэн-цзы, а ту интерпретацию, которую оно получило в его собственных взглядах под влиянием новых исторических условий. Главной, существенной чертой этой интерпретации был фактический поворот мыслителя к современным проблемам, попытка разрешить их не путем возврата к порядкам глубокой древности, а путем умелого сочетания отдельных, идеальных с его точки зрения, черт правления «мудрецов прошлого» с новыми методами, отвечавшими современному положению в стране. Именно такой смысл вкладывал Сюнь-цзы в многочисленные призывы к следованию пути «ванов-предков». Не порывая прямо с традиционным конфуцианским лозунгом «назад, к Яо и Шуню», Сюнь-цзы попытался приспособить этот лозунг к новым социально-экономическим потребностям, наполнить его современным содержанием. Этой цели и послужил тезис Сюнь-цзы о «следовании пути последующих поколений ванов» («фа хоу ван»). «...Если хочешь увидеть следы [дел] мудрых ванов, — писал он в трактате «Против прорицательства», — то ищи их там, где они [видны]

² Там же, стр. 285—286.

отчетливо, — у последующих поколений ванов... Отвергать последующие поколения ванов и следовать пути глубокой древности — все равно что отвергать своего правителя и служить чужому. Поэтому говорю: если хочешь видеть, что было тысячу лет назад, вникай в современность; если хочешь познать огромное множество вещей, [начинай] их изучение с одной или двух; если хочешь узнать [о делах] поколений древности, вникай в «дао» [эпохи] Чжоу; если же хочешь вникнуть в «дао» [эпохи] Чжоу, изучай [дела] совершенных людей, которых почитают твои современники»³.

Такая постановка вопроса, по существу, отменяла безусловный возврат к порядкам легендарных правителей древности, который проповедовали Конфуций и Мэн-цзы. По мысли Сюнь-цзы, изучать древность — значит прежде всего познать современность и в ней искать идеальный путь управления страной — то постоянное «дао», которое составляет его сущность. Это «дао» выражается в понятиях «ритуал» и «чувство долга», созданных мудрыми правителями прошлого. Однако, приняв это «дао», совершенный правитель должен «привести его в соответствие» с новыми историческими условиями жизни общества. «[То, что] осталось неизменным на протяжении правления всех ванов, — писал Сюнь-цзы в трактате «О небе», — может считаться постоянным «дао»... если его привести в соответствие [с определенным периодом времени] и соблюдать постоянно, оно станет всеобщим [путем]... [Тот, кто] не познал это постоянное [«дао»], тот не знает, как соответствовать изменившимся [условиям] (разрядка везде наша. — В. Ф.)». «Соответствие изменившимся условиям» составляет главное методологическое требование учения Сюнь-цзы о совершенных методах правления. Это соответствие предполагает два момента: с одной стороны, восприятие сущности «лутя», «дао», древних идеальных правителей, воплощенной в четко выраженных классовых понятиях «ритуал» и «чувство долга», и, с другой — наполнение этого постоянного «дао» новым, конкретным содержанием, отвечающим современным социально-экономическим и политическим условиям жизни страны.

Соблюдение ритуала («ли») занимало важное место в конфуцианской доктрине и составляло один из существенных моментов учения Конфуция. Под ритуалом Конфуций подразумевал в основном этические нормы отношений между людьми как в семье, так и в государстве, выражавшиеся в строгом разграничении положения старших и младших по возрасту, отца и сына, мужчины и женщины, знатных и низких людей. Эти отношения регламентировались многочисленными правилами, собранными и упорядоченными Конфуцием в книге «И ли» («Церемонии и обряды») или «Ши ли» («Обряды для ученых»). Соблюдение этих норм Конфуций считал необходимым условием морального совершенства людей и в то же время основным условием обеспечения порядка в стране. «Руководить народом нужно с помощью добродетели, — говорил Конфуций, — а приводить к единству его действия — с помощью ритуала»⁴.

Учение Конфуция о ритуале, как правильно подметил Фань Вэнь-лань, имеет две стороны — внешнюю и внутреннюю. «Внешним выражением конфуцианского учения, — писал он, — являются обряды и музыка, а внутренним содержанием его — человеколюбие и долг»⁵. Именно человеколюбие, «гуманность» («жэнь») составляет основное внутреннее со-

³ Сборник сочинений Сюнь-цзы с комментариями, сост. Ван Сянь-цзянь. — «Чжуцзы цзичэн» («Собрание сочинений философов»), т. II, Шанхай, 1935, стр. 51.

⁴ Беседы [Конфуция] с комментариями, [Луньюй чжэнь]. — «Чжуцзы цзичэн», т. I, Шанхай, 1935, стр. 92.

⁵ Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая от первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. М., 1958, стр. 170—171.

держание понятия «соблюдение ритуала» у Конфуция. «Если человек не обладает человеколюбием, — писал Конфуций, — к чему тогда говорить о ритуале и музыке?»⁶.

Человеколюбие же, согласно взглядам Конфуция, означало выполнение людьми своего долга, который заключается в трех важнейших принципах — «сыновней почитательности» («сяо»), «послушании», или «любви младшего брата к старшему» («ти»), и «преданности» («чжун»), то есть любви к вышестоящему, в том числе и к правителю⁷.

Таким образом, можно сделать вывод, что соблюдение норм ритуала означают у Конфуция не только внешнее соблюдение обрядов, но и обладание определенными моральными качествами, прежде всего человеколюбием и чувством долга, которые лежат в основе ритуала и в конечном итоге определяют его содержание.

Восприняв эти основные идеи своего учителя, Сюнь-цзы, однако, не ограничился лишь этическим смыслом учения о ритуале, а превратил его, по существу, в теорию о всеобщих и необходимых принципах социальной жизни людей и политической организации общества, включавшую в себя несравненно более широкий, чем у Конфуция, круг вопросов — от норм семейных отношений и церемоний жертвоприношений предкам до принципов общественного разделения труда и социальных различий людей. Поэтому можно сказать, что учение о ритуале является главной составной частью, основой социально-политических взглядов Сюнь-цзы. Прав был Ду Го-сян, когда писал, что «если считать важнейшим положением взглядов Конфуция учение о «человеколюбии», важнейшим положением взглядов Мэн-цзы — учение о «человеколюбии и долге», то важнейшим положением взглядов Сюнь-цзы является его учение о ритуале»⁸. Не случайно поэтому Сюнь-цзы уделил такое большое внимание философскому, теоретическому обоснованию этой концепции.

Классовая сущность учения Сюнь-цзы о ритуале как «единой для всех основе» в концентрированном виде выражена в следующем отрывке из трактата философа «Правление вана»: «То, что [одни] является знатыным, [другой] — низким, [одного] убивают, [другой] рождается, [одному] дают, [от другого] отнимают, — все это составляет единую для всех [основу]. Правитель [должен быть] правителем, поданный — подданным, отец — отцом, сын — сыном, старший брат — старшим братом, младший — младшим — все это составляет единую для всех [основу]. Земледелец [должен быть] земледельцем, ученый — ученым, ремесленник — ремесленником, торговец — торговцем — все это составляет единую для всех [основу]».

Такова принципиальная постановка вопроса Сюнь-цзы. Она в основном совпадает с известным изречением Конфуция о том, что «государь [должен быть] государем, поданный — подданным, отец — отцом, сын — сыном»⁹. Однако высказывания Сюнь-цзы выглядят шире в социальном смысле: философ не ограничивается лишь отношениями внутри семьи и отношениями между правителем и его подданными, он четко фиксирует классовую дифференциацию и среди категории «подданных», указывая на необходимость существования определенных социальных групп внутри них. Причем Сюнь-цзы ясно указывает на социальное и имущественное неравенство людей как «единую основу» общественной жизни людей.

⁶ Беседы [Конфуция] с комментариями. — «Чжуцзы цзинчэн», т. I, Шанхай, 1935, стр. 44.

⁷ Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая от первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства, стр. 170.

⁸ Собрание сочинений Ду Го-сяна. Пекин, 1962, стр. 40.

⁹ Беседы [Конфуция] с комментариями. — «Чжуцзы цзинчэн», т. I, Шанхай, 1935, стр. 271.

Но учение Сюнь-цзы о ритуале не ограничивается лишь постановкой вопроса. Философ подробно развивает основную идею, наполняя ее конкретным содержанием. Выше уже говорилось, что ритуал понимается Сюнь-цзы как «высшая форма различий» между людьми. Раскрывая смысл этих различий, философ пишет в трактате «Ван ба» («Совершенный ван и гегемон»): «Конфуцианцы... считают непременно придерживаться различий, [которые заключаются в следующем]. Двор: должен возвышать ритуал и чувство долга и контролировать [действия] знатных и низких людей, и тогда ученые и сановники все без исключения будут почтительно и преданно исполнять свои обязанности. Чиновники: должны одинаково соблюдать установленный для них порядок, ценить свое жалованье, и тогда все они без исключения будут испытывать страх перед законом и не преступать его... Ремесленники: должны вовремя рубить лес, работать не спеша и полностью проявлять свое искусство, и тогда они все без исключения будут преданны и честны и не будут производить негодных [изделий]. Ученые («ши») и сановники: должны почтительно и преданно исполнять свои обязанности, и тогда армия будет сильна... Земледельцы: должны быть прямодушны в тяжелом труде и отдавать работе все свои способности, и тогда наверху они не будут упускать «небесное» время года, внизу — не будут упускать выгоды земли, посередине — добьются согласия среди людей и успешного ведения дел. Торговцы: должны быть честными и не заниматься обманом, и тогда они могут спокойно разъезжать по стране, товары будут обращаться и потребности страны будут удовлетворены. Вот что называется осуществлением приказов правителя и совершенством нравов. Когда следуют [этой порядку], государство прочное; когда [правильно] взимают налоги, страна] могущественна... Это конфуцианцы и называют «различиями»¹⁰.

Как видим, «различия», устанавливаемые ритуалом, включают в себя, по существу, принципы не только социальной, но и экономической политики, направленной на обеспечение могущества государства. Суть этих принципов состоит в четком разграничении обязанностей между всеми членами общества, предполагающем такую же четкую социальную дифференциацию. Классовый смысл этой дифференциации ясно виден из следующего отрывка из трактата «Обогащение государства», где Сюнь-цзы говорит об обязанностях крестьян, «полководцев» (подразумевая под ними владельцев пожалованных территорий, то есть крупных землевладельцев, обязанных поставлять правителю определенное число воинов), правителей и их первых министров («сянов»). «Содержать в порядке гряды на полях, чтобы отчетливо различать межи; уничтожать дикую траву, чтобы выращивать злаки; больше удобрять поля навозом, чтобы сделать их плодородными, — таковы обязанности крестьян и простого народа! В соответствии со временем года заставлять народ трудиться, двигать вперед дела, умножать успехи, умиротворять простых людей и наводить среди них порядок, с тем чтобы они не стремились любыми средствами обеспечить себе спокойствие, — таковы обязанности полководцев! ...Покровительствовать народу, охранять его, управлять им, не дать ему испытать несчастье умирать от холода или голода, если урожай погибнет от наводнения или засухи, ...это составляет обязанность совершенно мудрых правителей и талантливых «сянов».

Нормы ритуала, следовательно, согласно взглядам Сюнь-цзы, предполагают строгое деление людей на «управляемых», к которым относится «простой народ», и «управляющих», включающих в себя «полководцев» (здесь — владельцев крупных административных районов), «сянов»

¹⁰ Сборник сочинений Сюнь-цзы с комментариями, сост. Ван Сянь-цзянь. — «Чжунцзы цичэн», т. 11, стр. 149—150.

(то есть первых министров) и правителей царств. В понятие «простой народ» Сюнь-цзы включал все слои населения ниже ученого («ши»), то есть крестьян-земледельцев, ремесленников и торговцев. В соответствии с этим делением Сюнь-цзы выступал и за дифференцированный подход к различным социальным группам в управлении страной. «[Положение] людей от ученого и выше,— писал Сюнь-цзы в трактате «Обогащение государства», — нужно регулировать с помощью ритуала и музыки; [если же говорить о] простых людях, народе, то управлять ими нужно с помощью законов». Чтобы понять социальный смысл этого высказывания, необходимо вспомнить, что ритуал, как и чувство долга, Сюнь-цзы считал продуктом «совершенного человека», «мудреца». Простой люд, народ, не является носителем ритуала, он лишь должен следовать его нормам, то есть выполнять предписанные ему обязанности и подчиняться власти правителя. Поэтому-то Сюнь-цзы и различает методы управления людьми в стране: теми, кто находится над народом, нужно управлять с помощью ритуала, через него; притом же людьми следует управлять с помощью законов, которые, таким образом, выступают как необходимое средство соблюдения ритуала народом. Ритуал и музыка, о которых говорит в приведенной фразе Сюнь-цзы, употреблены философом в узком смысле слова и означают лишь внешние церемонии, обряды, соблюдение которых «управляющими» сословиями составляло основной смысл «регулирования» их положения.

Такая постановка вопроса о принципах управления страной не только на основе церемоний и обрядов, но и с помощью законов существенно отличает взгляды Сюнь-цзы от учения Конфуция. Последний в принципе отвергал закон как инструмент управления страной и придерживался той точки зрения, что «если наставлять народ с помощью законов и наводить среди него порядок посредством наказаний, то народ будет стремиться избежать наказаний и будет бесстыдным; если же наставлять народ с помощью ритуала, то народ будет стыдлив и будет соблюдать все нормы»¹¹. Сюнь-цзы отходит от этой позиции своего учителя и, учитывая новую историческую обстановку, допускает законы в арсенал методов управления страной. Более того, в его учении сам ритуал приобретает значение не только этических и социально-политических, но и правовых норм жизни общества. «...Отрицать ритуал, — пишет он в трактате «Самоусовершенствование», — значит не соблюдать законы». Слова «ритуал» и «закон» часто употребляются Сюнь-цзы одновременно, вместе, как равнозначные или по крайней мере дополняющие друг друга понятия. «...Учиться — значит [учиться] соблюдать ритуал и законы», — пишет Сюнь-цзы в том же трактате. «Если в своих действиях не исходить из правил ритуала и законов... — читаем мы в трактате «Наставления к учебе», — нельзя будет достигнуть цели». Подобное сближение понятий ритуала и закона говорит о серьезном влиянии на Сюнь-цзы взглядов легистов, видевших в законе главное средство поддержания порядка в стране. Понимая, что без применения законов в современных ему исторических условиях соблюдать нормы ритуала стало уже невозможно, Сюнь-цзы соединил конфуцианское учение о ритуале с легистской концепцией закона, наделив, по существу, ритуал функцией закона.

Таким образом, нормы ритуала рассматриваются Сюнь-цзы не только как необходимые и всеобщие принципы, закономерность общественной жизни, но и как правовая основа управления страной.

Классовая сущность учения Сюнь-цзы о ритуале проявляется и в его апологии имущественного неравенства и роскошной жизни господствующей

¹¹ Беседы [Конфуция] с комментариями, т. I, стр. 22.

ших классов. Причем Сюнь-цзы не просто декларирует необходимость «различий в бедности и богатстве», «почитании и презрении», но и пытается оправдать эти различия моральными качествами людей и степенью их «полезности». «...Сын Неба носит красное парадное платье и ритуальную шапку, — пишет он в трактате «Обогащение государства», — «чжухоу» носят темное платье и ритуальную шапку, «дафу» носят одежду [более] низких [людей] и чиновничью шапку, ученые носят шапку из оленьего меха и простую одежду. Моральные качества [человека] и его должность должны соответствовать друг другу, должность человека и его жалованье должны соответствовать друг другу, жалованье человека и его полезность должны соответствовать друг другу». Наиболее «полезным» и морально совершенным человеком Сюнь-цзы считал мудрого, гуманного правителя, роскошная жизнь которого являлась внешним, причем необходимым, выражением его добродетельности. «Когда [человека] одевают в одежды благородного, прекрасного цвета, когда его щедро кормят вкусной пищей, когда ему доверяют в управление большие богатства и народ всей Поднебесной признает его своим монархом — все это делается не для того, чтобы он стал распушенным и высокомерным; это значит, что нет никого лучше [этого] человека, нет никого более человеколюбивого, чем он, чтобы править Поднебесной, приводить в порядок все изменения, управлять вещами, поддерживать существование народа и объединять Поднебесную. Поскольку простые люди действительно опираются на его мудрость, они, сменяя друг друга, выполняют за него тяжелую физическую работу, чтобы он мог сберечь для себя время и множить свою мудрость... [Простые люди] искренне прославляют его оброчетельность, поэтому они изготавливают для него резные и полированные изделия из драгоценных камней, резные изделия из металла, вышивки и красивые узоры, чтобы украшать его и поддерживать его добродетельность (разрядка наша.— В. Ф.)» («Обогащение государства»).

Еще более обнаженно апологетический характер позиции Сюнь-цзы в вопросе о роскоши и богатстве в жизни господствующих классов виден в следующем отрывке из того же трактата: «...Ваны-предки... знали, что, если те, кто стоит над людьми, кто правит ими, не прекрасны и не украшены [красивой одеждой], они не смогут объединить народ; если те, кто стоит над людьми и правит ими, не богаты и не щедры, они не смогут управлять теми, кто находится внизу...»

Утверждая роскошь и богатство как необходимое выражение добродетельности правителя и знати, Сюнь-цзы в то же время призывал к тому, чтобы эта роскошь «не переходила границы». Ваны-предки, писал Сюнь-цзы, «хотели через разделение [обязанностей людей] выявить красоту человеколюбия и последовательно осуществить ее [принципы]. Поэтому изготовление резных и полированных [изделий] из драгоценных камней, резных изделий из металла, вышивок на платье и красивых узоров должно было лишь помочь различать знатных и низких людей, а не служить предметом показного любования... Строительство дворцов, комнат, башен и павильонов должно было лишь дать возможность укрываться от зноя и сырости, охранять добродетель и различать благородных и презираемых — и не следует стремиться перейти эти границы» («Обогащение государства»).

Таким образом, как философское, теоретическое обоснование, так и конкретное содержание понятия «ритуал» имеют у Сюнь-цзы вполне определенный классовый, политический смысл: нормы ритуала служат основными принципами четкой и необходимой, извечной, с точки зрения философа, сословно-классовой дифференциации общества, предполагаю-

щей господство одних его членов над другими и такое разделение «обязанностей», при котором простой народ должен заниматься тяжелым физическим трудом, а знать, правители — пользоваться его благами, чтобы выявлять свою добродетельность.

Такое понимание Сюнь-цзы норм социальной жизни людей свидетельствует о том, что он выступал защитником интересов крупных, титулованных земледельцев. Однако, как будет показано ниже, он расширял рамки сословия «знатных» и «благородных» людей, признавая право получения титулов, по существу, за каждым способным, талантливым человеком, обладающим высокими моральными качествами.

Эта часть учения Сюнь-цзы о принципах управления государством, носящая уже чисто социальный характер, свидетельствует о влиянии в этом вопросе на взгляды философа политического учения Мо-цзы и идей Шан Яна. Как и последние, Сюнь-цзы считал, что одним из условий успешного управления страной является назначение правителем на государственные должности способных, талантливых людей независимо от их социального положения. «Спрашивают, — писал Сюнь-цзы в трактате «Правление вана», — как осуществлять управление [государством]? Отвечаю: мудрых и способных людей нужно выдвигать [на должности] независимо от их положения; ленивых и неспособных людей нужно немедленно отстранять [от должности]... Когда различия [в должностях] еще не установлены, нужно придерживаться их [самим], различая людей [мудрых и неспособных], как различают четные и нечетные таблички предков. Если сын или внук вана, гуна, ученого «ши» или [сановника] «дафу» не соблюдает норм ритуала и не обладает чувством долга — его следует поставить в один ряд с простолюдными. Если же сын или внук простолюдника упорно накапливает знания в литературе, правильно ведет себя, соблюдает нормы ритуала и обладает чувством долга — его можно поставить в один ряд с «цином», «сяном»¹², ученым «ши» или «дафу».

Не выступая вообще против рангов знатности, Сюнь-цзы тем не менее выдвигает в качестве критерия обладания этими рангами, а следовательно, и должностями не наследственный, а моральный принцип, предполагающий также и соответствующую способность людей. Именно такой подход к назначению на государственные должности Сюнь-цзы называл «принципами вана». Эти принципы, писал философ в трактате «Правление вана», состоят в том, чтобы «не ценить тех, кто не обладает добродетельностью, не предоставлять чиновничьих должностей тем, кто не обладает способностями, не поощрять тех, кто не имеет заслуг, не подвергать наказаниям тех, кто не совершил преступления. При дворе [правителя] не должно быть места везению, среди народа не должно быть [ленивых] удачников. Следует почитать мудрых и использовать способных, предоставляя каждому соответствующие [его талантам] должность и ранг...»

Подобная позиция Сюнь-цзы в вопросе отбора и назначения людей на государственные должности основывается на его общей концепции организации управления страной, которое должно осуществляться через мудрых, способных министров и сановников, называемых Сюнь-цзы «орудиями государства», или «людьми вана». «Люди вана, — писал философ в трактате «Правление вана», — это те, кто направляет свои действия с помощью ритуала и чувства долга, кто в делах поступает в соответствии с их родом, кто способен ясно видеть даже самое незначительное [в делах], чьи мероприятия отвечают изменениям [в мире] и не приводят к

¹² Титулы высших сановников в Древнем Китае.

нищете, — таких людей можно назвать постигшими основы управления, они и являются людьми вана».

Главным советником правителя и практическим руководителем страны Сюнь-цзы считал первого министра — «сяна». «Каким образом [правителю] легче всего добиться могущества, спокойствия [в стране] и славы и избежать слабости, опасностей и позора? — писал Сюнь-цзы в трактате «Цзюнь дао» («Путь правителя»). — Отвечаю: нет пути легче, чем выбрать себе [достойного] «сяна!»¹³. «Сян», первый министр, надеялся философом, по существу, неограниченными правами в управлении государством; он назначал начальников всех чиновничьих служб, следил за исполнением ими своих обязанностей, регулировал отношения между двором, министрами и чиновниками, оценивал их деятельность, определял размеры поощрений и наград и составлял ежегодные доклады правителю о положении дел в стране¹⁴. При такой системе управления самому правителю отводилась лишь роль «олицетворения высшей добродетели», он должен был только «выдвигать [основные] требования, но не заниматься [непосредственно] делами»¹⁵.

Помимо «сяна», первого министра, к «орудиям государства», «людям вана», Сюнь-цзы относил также приближенных к правителю придворных и дипломатов, «своих людей при дворах соседних правителей «чжухоу». Правителей, которые не имели таких «преданных помощников», философ называл «затворниками», «одинокими», «изолированными» от соседних царств, а страну, которой управляет подобный монарх, — «гибнущей»¹⁶.

Основное требование, предъявляемое Сюнь-цзы к «помощникам» просвещенного правителя, — это обладание «талантом» к государственной службе, честностью и бескорыстием. «Если при обследовании двора [правителя], — писал философ в трактате «Обогащение государства», — обнаружишь, что знать талантлива, а при обследовании государственных чиновников выяснишь, что вершители дел способны [выполнять свои обязанности], если при обследовании приближенных к правителю [сановников] обнаружишь, что люди, которым он, [правитель], доверяет, честные, — это значит, что правитель такого государства — просвещенный [человек]. Государство, в котором правитель, сановники, министры и чиновники снисходительно и легко относятся к количеству товаров и имуществу, которое у них отбирают или которое им дают, и в то же время строго соблюдают ритуал, долг, правила достойного поведения и тщательно следят за соблюдением их [другими], — такое государство заслуживает славы!..»

Эта концепция управления государством, основанная на привлечении к руководству страной талантливых и честных людей независимо от их социального, а точнее, сословного в табеле о рангах положения, подрывала политические позиции наследственной аристократии и объективно расчищала путь к укреплению положения новой, не связанной кровными узами со старой знатью прослойки крупных землевладельцев.

Существенное место в политических взглядах Сюнь-цзы занимали представления о методах управления страной. В основе их философ видел приказы правителя и издаваемые им законы, которые распространялись главным образом на народ¹⁷. «Мудрый правитель, — писал философ, — воздействует на народ с помощью власти, ведет его за собой, ука-

¹³ Сборник сочинений Сюнь-цзы с комментариями, т. II, стр. 158.

¹⁴ Там же, стр. 146.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, стр. 161—162.

¹⁷ Отношения внутри господствующих классов, как было показано выше, должны регулироваться, по мысли Сюнь-цзы, ритуалом и чувством долга.

зывая ему правильный путь, извещает его [о своих решениях] с помощью приказов; давая нужную оценку, поощряет достойных и с помощью уголовных наказаний пресекает [недостойные действия]» («Исправление имен»). Гласность правления, «открытое объявление монархом предстоящих дел» Сюнь-цзы считал одним из основных условий успешного управления государством и обеспечения «спокойствия подданных». «Чтобы тайна приносила успех, — пишет Сюнь-цзы в трактате «Освободиться от заблуждений», — а ее разглашение — поражение, — такого не бывает у просвещенных правителей!» «Путь правителя должен быть ясным и открытым, — развивает философ ту же мысль в трактате «Чжэн лунь» («Исправление ошибок»). — Если путь правителя ясен, то низы спокойны, если же он скрыт [от народа], то низы чувствуют себя в опасности»¹⁸. Концепция открытого ведения государственных дел исходит из общего духа традиционного конфуцианского представления о мудром монархе как воплощении добродетели — образец, которому должны подражать его подданные. Но, чтобы подражать такому монарху, народ должен ясно видеть его путь, знать его намерения.

Однако гласность правления, по мысли Сюнь-цзы, отнюдь не предполагает права народа обсуждать приказы и законы правителя: он должен лишь слепо следовать и повиноваться им, не вдаваясь в их оценку. «Народ легко заставить быть единым [в своих стремлениях], — писал Сюнь-цзы в трактате «Исправление имен», — если использовать для этого правильный путь, то нельзя совместно с ним выяснить необходимость [этого] (разрядка наша. — В. Ф.)». Этот тезис Сюнь-цзы является дальнейшим развитием известного положения Конфуция о том, что «народ можно заставить следовать [должным путем], но нельзя заставить его понять, почему [это необходимо]»¹⁹. Однако, если в высказывании Конфуция прослеживается мысль о неспособности народа понять необходимость правильного пути, то положение Сюнь-цзы отрицает даже самую необходимость такого понимания. Поскольку исполнителями воли монарха, фактическими вершителями дел в государстве, по мысли Сюнь-цзы, являются «люди вана», то есть преданные и талантливые сановники, только они и наделяются философом правом обсуждения и толкования законов. «... Когда есть закон, но нет обсуждений, — писал Сюнь-цзы в трактате «Правление вана», — те [дела], которые [прямо] законом не затрагиваются, приходят в упадок; когда должность [получена], но [получивший ее] не обладает широкими [знаниями], дела, которые не входят в его [прямые] служебные обязанности, гибнут. Поэтому, когда есть закон и есть обсуждения, когда получивший должность обладает широкими [знаниями], [люди] не скрывают своих намерений, добрые дела не упускаются, во всех делах не допускают ошибок, — и все это под силу лишь совершенному человеку». «Обсуждение» законов понимается, таким образом, Сюнь-цзы, по существу, как право «получивших должность» «совершенных» сановников толковать их и вести дела в соответствии не только с буквой, но и духом законов. «Те дела, которые предусмотрены законом, — продолжает Сюнь-цзы свою мысль в том же трактате, — нужно вести согласно закону, те дела, которые законом [прямо] не предусмотрены, нужно совершать по аналогии — вот что значит полностью осуществлять управление [государством]». Право «совершенных» министров и сановников обсуждать и толковать законы правителя предоставляло им, по существу, неограниченные полномочия в управлении страной, наделяло их фактической властью в государстве. А поскольку под «совершенными» людьми Сюнь-

¹⁸ Сборник сочинений Сюнь-цзы с комментариями, т. 11, стр. 214.

¹⁹ Беседы [Конфуция] с комментариями, т. 1, стр. 161.

цзы понимал тех, кто постиг смысл конфуцианского учения, то есть просвещенных чиновников из сословия «ши», то становится очевидным истинный смысл его концепции «равных возможностей»: передача управления страной в руки ученых-конфуцианцев, которые одни только и способны привести Поднебесную к миру и порядку.

Другим моментом правильных, с точки зрения Сюнь-цзы, методов управления страной философ считал систему поощрений и наказаний, применяемую ко всем подданным правителя. «Могущество [правителя] обеспечивается строгим управлением [страной], строгими распоряжениями и строгими приказами, — писал Сюнь-цзы в трактате «И бин» («Обсуждение военных дел»), — доверие [подданных] достигается поощрением, наградами, наказаниями и штрафами»²⁰. Новые исторические условия, обстановка смуты и политической неустойчивости в стране, при которой осуществление старого конфуцианского лозунга управления государством на основе одних лишь моральных принципов, норм ритуала стало невозможным, заставили Сюнь-цзы пойти на существенную уступку легистской теории наказаний и поощрений и ввести ее в свою политическую концепцию.

В социально-политическом смысле система наказаний и поощрений Сюнь-цзы преследовала двоякую цель: с одной стороны, обеспечить движение и назначение на должности талантливых, способных людей, а с другой — она должна была навести необходимый порядок среди народа, держать его в повиновении и страхе перед законом и искоренять преступления. «...Необходимо больше привлекать к себе [способных] людей, учеников, — говорил философ в трактате «Обогащение государства», — готовить чиновников и государственных служащих и с помощью поощряющего действия наград и почестей, а также строгих наказаний и штрафов предостеречь сердце народа [от плохих дел]. Таким образом весь народ Поднебесной будет знать, что все, чего он желает, что любит, — все заключено в сказанном выше, и тогда награды и поощрения правителя сыграют свою роль; народ будет знать, что все, чего он боится и от чего приходит в трепет, — все заключено в сказанном выше, и тогда наказания и штрафы смогут сыграть свою устрашающую роль». «Когда награды будут играть свою роль, а наказания устрашать [людей], способные люди получают возможность выдвинуться, а неспособные получают отказ и будут отвергнуты, и тогда «способные» и «неспособные» получат службу по своим качествам».

Восприняв легистскую концепцию наказаний и поощрений, Сюнь-цзы, однако, существенно смягчил ее, пытаясь соединить эту систему с конфуцианским принципом ритуала и чувства долга как высшим инструментом воспитания моральных качеств людей. Во-первых, если Шан Ян проповедовал суровые наказания независимо от тяжести преступления, то Сюнь-цзы выступал с требованием строгого соответствия наказания характеру проступка. «Когда наказания соответствуют [тяжести] преступления, — писал он в трактате «Исправление ошибок», — [в стране царит] порядок; когда [наказания] не соответствуют [тяжести] преступления — [в стране наступает] смута»²¹. Та же мысль прослеживается и в высказываниях Сюнь-цзы о принципах «совершенного вана», когда он заявляет, что ван должен «пресекать коварство и жестокость, соблюдая, однако, меру при вынесении наказания» («Правление вана»).

Во-вторых, для «искоренения порочных поступков» людей одних лишь наказаний и поощрений, считал Сюнь-цзы, недостаточно: нужно еще

²⁰ Сборник сочинений Сюнь-цзы с комментариями, т. 11, стр. 183.

²¹ Там же, стр. 119.

воспитание народа с помощью ритуала и чувства долга, которые наряду с системой наказаний и поощрений поставят его в необходимые рамки поведения. «...Если не воспитывать народ, а [лишь] наказывать его, — писал Сюнь-цзы в трактате «Обогащение государства», — то, хотя наказаний будет и много, они не смогут искоренить порочные поступки; если же [только] воспитывать народ и не наказывать его, тогда порочные люди останутся безнаказанными. Если только наказывать людей и не поощрять их, то народ, способный к усердию, не будет стремиться проявить его. Если только наказывать и поощрять народ, но не поставить его [действия в рамки определенных] правил, то низы будут пребывать в сомнении, чувствовать себя беспокойно и народ не будет един. Поэтому ваны-предки создали [понятия] ритуала и долга, с тем чтобы объединить народ...»

Следовательно, ни наказания, ни поощрения, ни воспитание в духе ритуала и чувства долга — каждая из этих мер в отдельности еще недостаточна для правильного управления народом. Необходимо комплексное применение всех их вместе, только тогда будут искоренены «порочные поступки людей» и народ «будет един».

Общественно-политические взгляды Сюнь-цзы, сердцевину которых составляло его учение о ритуале, как всеобщих принципах социальной и политической организации жизни людей, вошло впоследствии в конфуцианскую ортодоксию, сыграв существенную роль в формировании ее представлений о таком важнейшем принципе конфуцианской доктрины, как понятие ритуала.

Начало распространения идей марксизма-ленинизма в Монголии (1917—1921)

Д. Дашжамц

Проблема некапиталистического пути развития привлекает пристальное внимание сотен миллионов людей на всем земном шаре. В этой связи вопросы распространения идей научного социализма в сложных условиях «третьего мира» приобретают особое значение. Перед марксистской мыслью встает целый ряд новых теоретических и практических задач. Научное обобщение уже накопленного опыта в решении подобных вопросов стало одной из ответственных и актуальнейших задач современных марксистов.

В Монгольской Народной Республике впервые был практически осуществлен и увенчался блестящим успехом опыт некапиталистического пути развития. Одной из самых важных сторон этого опыта является распространение и утверждение идей марксизма-ленинизма в условиях отсталой страны.

Общественной почвой распространения идей научного социализма в дореволюционной Монголии был не капитализм, а средневековый феодализм, классом, воспринимающим это учение, — не пролетариат, а крестьянство, точнее, кочевники-пастухи, араты. Передовыми деятелями, воспринявшими идеи научного социализма, были не классические революционные демократы, а аратские патриоты-революционеры, и впоследствии члены не коммунистической партии, а, как отмечал В. И. Ленин, революционной партии аратства. Марксизм-ленинизм проникал в Монголию не в пору подготовки и проведения социалистической революции, а в период проведения антифеодальной, антиколониальной национально-демократической революции. Главными историческими факторами, обуславливавшими распространение идей научного социализма в Монголии, являлись: с внешней стороны — величайшее революционизирующее влияние Октября, бескорыстная помощь Коминтерна, РКП(б) и рабочего класса Советского государства, положение в странах загнивающего капитализма, оказавшегося к тому времени пройденной эпохой развития человечества, и особенно — отталкивающее влияние его колониальной политики и др.; с внутренней стороны — подъем антиколониальной и антифеодальной борьбы монгольского народа, рост национального и классового сознания, наличие политического руководства МНРП, победа народной демократической революции, установление диктатуры трудового аратства и др.

Все эти вышеупомянутые факторы обусловили трудности и успехи распространения идей марксизма-ленинизма в Монголии. Внутренняя сложная эволюция перехода от феодализма к социализму сказывалась и в преобразовании духовного мира монгольского народа.

По нашему мнению, истоки распространения марксистско-ленинской идеологии в Монголии относятся к концу 1917 г. — началу проникновения влияния идей Великого Октября, а ее подлинное утверждение связано с победой в нашей стране социалистических производственных отношений, которые уничтожают и социально-экономическую почву для враждебных или чуждых социализму элементов и приводят к безраздельному господству марксизма-ленинизма. Это не значит, что распространение и утверждение идей марксизма-ленинизма происходило равномерно в течение всего этого периода. Начальным этапом этого процесса был период 1917—1921 гг., когда самым насущным вопросом стало завоевание национальной независимости страны и переход государственной власти в руки трудящихся, когда впервые была установлена связь с Коминтерном и Советской Россией и создана Монгольская народная партия. Иначе этот процесс развивался в период 1921—1924 гг., когда уже была восстановлена национальная независимость, установлена народная власть в форме конституционной монархии¹, когда еще не распались единые национальные силы и немало говорилось о расцвете нации, религии и в будущем, когда еще не было официально объявлено, что марксистско-ленинские идеи становятся ведущей идеологией нового государства, то есть когда начинались общедемократические преобразования на революционных началах. Иным был этот процесс в 1925—1940 гг., когда была провозглашена Республика (1924 г.) и МНРП официально объявила марксизм-ленинизм своим идейным оружием, а некапиталистический путь развития — генеральной линией партии. И конечно, иным этот процесс был в 1940—1960 гг. в период развертывания борьбы за построение основ социализма в МНР.

В конце XIX и в начале XX в. Монголия была одной из наиболее отсталых стран мира. В стране господствовал феодализм и колониальный режим цинского Китая (1691—1911). Можно сказать, что Монголия была колонией колонии. «Слабому слабый — господин» — гласит мудрая монгольская пословица. Дореволюционная Монголия — забитая, отсталая страна — находилась на низком уровне развития докапиталистических общественных отношений при полной «герметической изоляции» (К. Маркс) от внешнего мира в глубинах Азиатского материка.

Своеобразной чертой Монголии можно считать безраздельное господство феодально-религиозной идеологии в духовной жизни общества. В стране, которая насчитывала лишь около полумиллиона жителей, имелось более 750 монастырей, а число монахов достигало 115 тыс. Почти каждый второй мужчина был ламой, почти каждая семья имела родича-ламу.

Наряду с этим, на наш взгляд, монгольскому обществу были присущи и факторы, которые содействовали распространению в нашей стране идей марксизма-ленинизма.

Во-первых, особое значение для Монголии приобретали некоторые прогрессивные веяния из цивилизованных стран, шедшие через Россию и Китай, которые способствовали установлению и развитию дружбы между монголами, русскими и другими народами, обогащали монголов хозяйственным опытом, содействовали их культурному росту.

Русское влияние особенно усилилось после освобождения Монголии от маньчжурского ига. В период автономии это сказалось в области

¹ 50 лет Монгольской народной революции. Тезисы ЦК МНРП. Улан-Батор, 1971, стр. 79.

государственного устройства, системы управления, производилась перепись населения и скота, делались первые попытки создания светских школ, исследования естественных условий и природных богатств страны. Русские впервые принесли с собой в Монголию телеграф, телефон, автомобиль, построили первую маленькую электростанцию, улучшили тракт между Кяхтой и Ургой, строили мосты, устраивали паромы, законы для зимнего содержания скота, в пограничных районах кое-где применялись сенокосилки. Некоторые монголы впервые начали верить в силу современной ветеринарии, медицины. Уже эти взаимоотношения содержали в себе зародыш будущей большой дружбы между русским и монгольским народами и стали одним из благоприятствующих условий для восприятия освободительных идей Великого Октября.

Во-вторых, в конце XIX — начале XX в. наблюдается усиление антиколониального и антифеодального освободительного движения в Монголии. Длительная и кровопролитная борьба монгольского народа против внешних и внутренних угнетателей была предысторией народной революции и также явилась предпосылкой восприятия революционизирующего влияния Великого Октября.

В-третьих, — идейные факторы, содействовавшие распространению идей Великого Октября и учения марксизма-ленинизма в Монголии. Как показывают исследования, усиленное развитие прогрессивно-демократических идей в конце XIX в. и особенно в начале XX в. стало идейной предпосылкой для распространения учения марксизма-ленинизма в Монголии. Прогрессивно-демократические идеи нашли, прежде всего, свое отражение в устном народном творчестве. Глубокие социальные противоречия находили свое отражение также и в литературе конца XIX — начале XX в. Критические, обличительные, просветительские и реформистские устремления ярко отражены в трудах писателей В. Инхинаша (1837—1892), Н. Данзанванжила (1854—1907), Б. Гэлэгбалсана (1846—1923), Р. Хишигбата (1849—1916), ученых Ч. Демчигдоржа (1863—1933), Ж. Цэбэна (1881—1939) и др. Заслуга выразителей прогрессивно-демократических идей заключается прежде всего в том, что они подвергли острой критике колониализм и феодализм. Некоторые из них поднимались и до понимания необходимости обновить монгольское общество. Они правильно отражали идеалы и чаяния своего народа, верно уловив его стремление к справедливости и прогрессу.

Огромное влияние на развитие демократической общественной мысли Монголии оказали прогрессивные по тому времени «Монгольская газета», «Новое Зеркало», «Ургинская столичная газета»². Отрадно отметить, что некоторые представители революционеров — борцов за национальную независимость, за социальный прогресс, вышли именно из рядов работников дореволюционных газет.

Мы можем уверенно сказать, что прогрессивно-демократические идеи в дальнейшем способствовали распространению новой идеологии и проведению революционных преобразований в нашей стране, так как в них было нечто такое, что можно и нужно было использовать для распространения социалистических идей.

² «Монгольская газета» («Монголын сонин бичиг») издавалась русским управлением Китайско-Восточной железной дороги в Харбине с 6 мая 1909 г. до конца 1918 г.; «Новое зеркало» («Шинэ толь хэмээх бичиг») — первое периодическое издание, печатавшееся русско-монгольской типографией в Урге с 6 мая 1913 г. до августа 1914 г.; «Ургинская столичная газета» («Нийслэл хурээний сонин бичиг») выходила с 1 сентября 1915 г. до начала 1920 г.

Под благотворным воздействием Октябрьской революции с конца 1917 г. начали распространяться в Монголии идеи марксизма-ленинизма. Ю. Цеденбал писал по этому поводу: «Трудящиеся МНР обязаны Октябрьской социалистической революции тем, что она донесла до них идеи всепобеждающего учения марксизма-ленинизма, идеи пролетарского интернационализма»³.

Проникновение идей Великого Октября в Монголию было не простым, не легким процессом. Здесь уместно вспомнить замечание Ю. Цеденбала: «Было бы неправильным полагать, что освободительные идеи Великого Октября распространялись в Монголии стихийно, самотеком, не встречая на своем пути никаких преград и рогаток»⁴.

Раньше всех об Октябрьской революции, о Ленине и его партии информировали монголов «Монгольская газета» и «Ургинская столичная газета». Однако их первое сообщение содержало несусветную ложь. Такая позиция была связана с переходом на какое-то время ряда газет в руки белогвардейских бандитов⁵. Нельзя не заметить, что позднее первая положительная информация об Октябрьской революции была опубликована в тех же «Монгольской газете» и «Ургинской столичной газете». Именно на страницах «Монгольской газеты» монголы впервые прочитали перевод «Декрета о земле», написанного В. И. Лениным и принятого в ночь на 26 октября II Всероссийским съездом Советов. «Монгольская газета» опубликовала договор о Брестском мире с Германией и ее союзниками⁶. На наш взгляд, «Декрет о земле» и другие подобные материалы являются самыми первыми марксистско-ленинскими документами, опубликованными на монгольском языке.

Ленинская внешняя политика Советского государства, в корне противоположная политике эксплуататорских государств, сильно способствовала распространению идей Великого Октября в восточных странах, в том числе в Монголии. Правительство богдо-гэгэна пыталось закрыть доступ передовым революционным идеям из Советской России. Оно отдало приказ не пропускать нового представителя Советского правительства, распорядилось не разрешать населению что-либо продавать советским военно-продовольственным организациям⁷. Далее были приняты меры к фактическому прекращению сообщений между двумя странами. Студенты (среди них был Х. Чойбалсан), обучавшиеся в России, были отозваны в Монголию.

В августе 1919 г. Советское правительство направило монгольскому народу и автономному правительству специальное обращение. В нем говорилось: «Советское правительство снова торжественно заявляет: «Русский народ отказался от всех договоров с японским и китайским правительствами относительно Монголии. Монголия есть свободная страна... В результате отмены соглашения 1913 г. Монголия как независимое государство имеет право непосредственно сноситься со всеми другими народами без всякой опеки со стороны Пекина и Петрограда. Советское правительство, громогласно возвещая об этом монгольскому народу, предлагает немедленно вступить в дипломатические отно-

³ Ю. Цеденбал. Октябрь помог монгольскому народу покончить с вековой отсталостью. — «Проблемы мира и социализма», 1967, № 11, стр. 9.

⁴ Ю. Цеденбал. Сорокалетие Великого Октября и монгольский народ. М., 1957, стр. 13.

⁵ Г. Дэлэг. Исторические очерки монгольской периодической печати. Улан-Батор, 1968, стр. 62 (на монг. яз.).

⁶ «Монгольская газета», 16.III.1918.

⁷ М. С. Капица, В. П. Иваненко. Дружба, завоеванная в борьбе. М., 1965, стр. 14.

шения с русским народом и выслать навстречу Красной Армии посланцев свободного монгольского народа»⁸.

Соседство Монголии с Советским государством и существовавшие ранее многосторонние связи благоприятствовали распространению идей Великого Октября. Этот процесс стал быстро углубляться и расширяться. Уже первые вести, братское отношение и революционные призывы Советской России вызвали у монгольского трудового народа чувства надежды и симпатии к Октябрьской революции и ее родине. Эти чувства еще более усилились в ходе развития событий в самой Монголии, где в связи с важными внешними и внутренними изменениями 1918—1920 гг. создалось особое положение: созрела ситуация народной революции, ускорившая распространение идей Октября. Некоторые радикальные деятели монгольской интеллигенции, передовые представители пробуждающегося аратства организовали два подпольных кружка в Урге. Эти кружки позднее стали основой Монгольской народной партии. К концу 1918 г. патриотически настроенные представители нашего народа начали искать выход из тупика, в который завели страну феодальные правители Монголии, что привело их к сближению между собой⁹.

Дальнейший рост революционной сознательности монгольского народа происходил под непосредственным влиянием победоносной борьбы Красной Армии против колчаковцев и поддерживающих их иностранных интервентов. Здесь уместно напомнить высказывание Ленина о значении победы Красной Армии: «Она покажет народам Востока, что как ни слабы эти народы, как ни кажется непобедимой мощь европейских угнетателей, применяющих в борьбе все чудеса техники и военного искусства, тем не менее революционная война, которую ведут угнетенные народы, если эта война сумеет пробудить действительно миллионы трудящихся и эксплуатируемых, эта революционная война таит в себе такие возможности, такие чудеса, что освобождение народов Востока является теперь вполне практически осуществимым с точки зрения не только перспектив международной революции, но и с точки зрения непосредственного военного опыта, проделанного в Азии, в Сибири, опыта, который проделан Советской республикой, подвергшейся военному нашествию всех могущественных стран империализма»¹⁰. И вскоре наши передовые представители нашли в лице русских революционеров самых надежных, благородных друзей и союзников.

В то время в Урге было около 3 тыс. русских, среди них много революционно настроенных людей. Когда в конце 1918—начале 1919 г. войска Колчака, поддержанные иностранными интервентами, заняли почти всю Сибирь, в Монголию перешло определенное количество активных советских работников. В 1919 г. в Урге был создан нелегально действовавший комитет русских революционеров и работал Центросоюз¹¹. Среди приехавших в Монголию были: Н. И. Мальцев — рабочий, боровшийся против Семенова, большевик Б. Н. Попов,

⁸ Избранные документы по истории МНРП. Улан-Батор, 1954, стр. 63—65. Письмо Советского правительства было доставлено в Монголию в июле 1920 г. уполномоченным НКВД в Иркутске Б. З. Шумяцким, несмотря на то, что страна уже была оккупирована китайскими милитаристами клики Аньфу (в конце 1919 г.).

⁹ Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Д. Дэמיד. Краткая история национальной революции монгольского народа. Улан-Батор, 1934, кн. 1, стр. 53.

¹⁰ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 39, стр. 321.

¹¹ В 1920 г. Советским правительством была командирована в Монголию группа работников Центросоюза для закупки скота и продуктов животноводства. Центросоюз имел свои филиалы по всей Монголии.

М. Е. Плужников, А. М. Бойко, один из руководителей большевиков Читы, и другие¹². Русский революционный комитет, работавший среди русских в Урге, выделил для работы среди монголов своих членов: Кучеренко, Гемборжевского, Маслакова, Кондакова, доктора Цибикутарова, Сороковникова и др. Многие из них впоследствии пали жертвой унгерновского террора¹³.

Общение с членами русского революционного комитета и большевиками — работниками Центросоюза являлось для монгольских революционеров первой политической школой. Вначале связь с русскими революционерами установили члены кружка в Консульском поселке, а потом через них и Зун-Хурэнский кружок. По воспоминаниям кружковцев видно, что Кучеренко, Гемборжевский и другие впервые рассказали им об Октябрьской революции, о советской власти, о большевиках.

Русские революционеры помогали кружковцам осмыслить необходимость организованной борьбы против угнетателей. Они информировали Коминтерн, РКП(б) о положении в Монголии, о зарождении там революционных организаций и желании монгольских революционеров установить связь с Советской Россией¹⁴. Учитывая эту информацию, Коммунистический Интернационал и РКП(б) уделили большое внимание установлению тесных связей с революционерами и трудящимися Монголии. В результате в Иркутске были созданы Монголо-Тибетский отдел Дальневосточного секретариата Коминтерна (там работал Э. Ринчино) и Монгольский отдел секции Восточных народов Сиббюро РКП(б). Они наладили через своих представителей первые связи с монгольскими революционерами. С этого момента Коминтерн занимал позицию активной солидарности с освободительной борьбой монгольского народа. Такая позиция соответствовала принципам пролетарского интернационализма.

Монгольские революционеры выразили свои искренние симпатии советскому народу, пожелали ему наилучших успехов и попросили поддержки для установления постоянных связей с Коминтерном и Советской Россией. Д. Сухэ-Батор сказал: «Мы о революционных делах Советской страны ранее были информированы товарищем Гемборжевским. Поэтому смотрели на вашу страну с надеждой, может быть будем иметь счастливый случай получить помощь и поддержку. У нас только одно желание, чтобы крепла советская власть и ее руководящая партия большевиков...»¹⁵

На наш взгляд, можно считать, что это было первое официальное выражение поддержки со стороны наших революционеров политики большевистской партии и советского правительства, факт, свидетельствующий об их идейном росте.

Монгольские патриоты поняли, что для того, чтобы победить в национально-освободительной борьбе, необходимо создать единую революционную организацию — партию, установить связь с Коминтерном и Российской Коммунистической партией, использовать их политический опыт. 25 июня 1920 г. в Урге они объединили два подпольных кружка, создав единую революционную организацию — Монгольскую народную партию. На совместном заседании принята «Присяга»,

¹² Д. Даш. Они боролись за свободу и независимость монгольского народа. Улан-Батор, 1967, стр. 36 (на монг. яз.).

¹³ Г. Куигуров и И. Сороковников. Аратская революция. Иркутск, 1957, стр. 76.

¹⁴ «Намын амьдрал», 1961, № 11, стр. 85.

¹⁵ Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Д. Дэмид. Указ. соч., кн. 1, стр. 93—94.

служившая в то время программой и уставом этой нелегальной революционной организации. Важнейшее значение объединенного совещания состоит в том, что оно приняло решение об установлении связи с Коминтерном — руководящей силой международного революционного движения — и с первым в мире рабоче-крестьянским государством — Советской Россией.

Идейный уровень первых монгольских революционеров был различен. У них были различные взгляды по вопросу о целях освободительной борьбы народных масс и даже о том, как адресовать письма правительству Советской России — от имени партии или от имени богдо-гэгэна и т. д.

Во второй половине 1920 г. в идейном росте монгольских революционеров произошел важный сдвиг. Этому прежде всего содействовали приезд в начале июля 1920 г. первых представителей Восточного отдела Коминтерна — заведующего Монголо-Тибетской секцией Дальневосточного секретариата С. С. Борисова и др., ознакомление с Обращением Советского правительства к монгольскому народу, ознакомление с программой РКП(б) в переводе на монгольский язык, а также посещение представителями монгольских революционеров Советской России, встречи с представителями Коминтерна и с русскими коммунистами, личное знакомство с опытом и успехами русской революции¹⁶. Ю. Цеденбал писал: «Эти непосредственные связи, а также наглядный пример революционных перемен в Сибири, очевидцами которых стали монгольские революционеры, оказали большое влияние а формирование их мировоззрения, способствовали тому, что задачи национального и социального освобождения монгольского народа слились для них воедино»¹⁷. Одним из самых первых документов, отражавших влияние Великого Октября и идей научного социализма, явилось письмо народной партии Советскому правительству от 28 августа 1920 г.

Все эти факты являются ценными свидетельствами идейной эволюции монгольских революционных демократов, огромной работы, проделанной монгольскими революционерами на путях овладения сокровищницей марксизма-ленинизма. Следовательно, прав Б. Ширендыб, утверждая, что идеи марксизма «...стали более известными монгольским революционерам после их поездки в Советскую Россию не только теоретически, но и как практическое претворение в жизнь советского народа»¹⁸.

Пребывание делегации монгольских революционеров в Советской России в основном совпало со временем работы II Конгресса Коминтерна. Как известно, в своем выступлении на II Конгрессе Коминтерна В. И. Ленин выдвинул идею о возможности некапиталистического пути развития отсталых стран при помощи пролетариата передовых стран. Эта идея сыграла огромную роль в определении перспектив и задач национально-революционного движения народов Востока, в том числе и монгольского народа.

До этого времени главным недостатком монгольской революционной организации была оторванность от народа. Опыт Октябрьской ре-

¹⁶ Делегация монгольских революционеров выехала из Урги в Советскую Россию тремя группами в разное время и разными маршрутами в июле — августе 1920 г.

¹⁷ Ю. Цеденбал. От феодализма к социализму. Улан-Батор, 1961, стр. 4.

¹⁸ Б. Ширендыб. Монголия на рубеже XIX—XX веков. Улан-Батор, 1963, стр. 235.

волюции убедил наших революционеров в том, что борьба против колониального и феодального угнетения невозможна без участия широких народных масс, без развертывания среди них активной идеологической работы.

В конце сентября 1920 г. представители монгольского народа были приняты В. И. Лениным¹⁹. В. И. Ленин разъяснил им задачи монгольской революции и дал ценные советы о путях и методах революционной борьбы аратских масс. Указания В. И. Ленина о том, что «единственно правильным путем для всякого трудящегося вашей страны является борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами Советской России» и что «создание партии монгольских аратов является условием успешности их борьбы»²⁰, были положены в основу всей дальнейшей деятельности монгольских революционеров. По воспоминаниям Б. З. Шумяцкого, Владимир Ильич спросил одного из делегатов, каковы их представления о тактике будущей партии. Когда же монгольский представитель ответил, что ее тактикой будет беспощадное уничтожение гаминов, поголовная резня, поджоги их домов, то Владимир Ильич весьма подробно остановился на вопросе о революционном насилии, «о классовом характере его направленности и о вредности авантюристической тактики». Советы Ленина стали основой для всей дальнейшей работы монгольской революционной организации.

Одной из попыток применения опыта Октября стало издание газеты и агитационных листов. Газета «Монголын Унэн» («Монгольская правда») сыграла весьма важную роль в пропаганде идей научного социализма в Монголии. Примечательно, что первый номер этой газеты, выпущенный в Иркутске 10 ноября 1920 г., начинался с призыва «Манифеста Коммунистической партии» «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». По своему идейному содержанию «Монгольская правда» стояла на гораздо более высоком уровне, чем ранние документы партии. Она выступала с призывами к борьбе против эксплуатации, за подлинное народовластие и подъем благосостояния народа. Если прежде совершенно не затрагивался вопрос о собственности, то здесь говорится о государственной собственности в условиях развития промышленности и культуры. Так как среди революционеров наблюдалось влияние идей буржуазной республики, «Монгольская правда» уделяла большое внимание выяснению коренного отличия буржуазной и народной демократии. Газета остро критиковала ложную, реакционную сущность буржуазной республики. В номере от 20 декабря 1920 г. говорилось: «Хотя власть во Франции или Америке является выборной, рабочие и крестьяне, составляющие большинство населения, не имеют там никаких прав, живут бедно. Причиной этого является то, что в этих и других странах при создании государственной власти и законов аристократы и капиталисты захватили все преимущества...»²¹ Это свидетельствует о том, что под влиянием социалистической демократии идеи монгольских революционеров относительно характера власти все больше склонялись в пользу власти трудового народа.

Таким образом, еще до победы народной революции 1921 г. «Монголын Унэн» послужила первым опытом плодотворного сотрудничества монгольских революционеров и русских большевиков, способствовала дальнейшей идейной и политической закалке монгольских революцио-

¹⁹ См. Ленинский сборник, т. XXV, 1945, стр. 290; Б. З. Шумяцкий. Десятилетие монгольского Октября. — «Восточно-сибирская правда», 30.III.1931.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 232.

²¹ «Монголын Унэн», 20.XII.1920.

неров, ясному осмысливанию ими своих задач в национально-освободительной борьбе.

Сухэ-Батор и другие революционеры, установившие связь с Коминтерном и РКП(б), ознакомившиеся с революционным опытом Октябрьской социалистической революции, возвратившись из Советской России в конце 1920 г., развернули большую революционную работу на северной границе своей страны.

Наличие революционной организации монгольских революционеров, помощи Коминтерна и РКП(б), распространение идей Октября в Монголии и созревание национально-освободительной борьбы создавали необходимые предпосылки для образования массовой народной партии, руководствующейся революционной теорией. В этих условиях было окончательно оформлено создание Монгольской народной партии* на совещании монгольских аратских революционеров (это совещание позже стало считаться I съездом МНРП) 1 марта 1921 г. в пограничном городе Советской России — Троицкосавске. На этом учредительном съезде была принята первая программа МНП и избран официально ее Центральный Комитет. Съезд и его документы** убедительно показывают заметный сдвиг в идейном росте монгольских революционеров.

Важным достижением первой программы МНП является отражение ленинских идей о необходимости сближения освободительного движения угнетенных народов с борьбой рабочего класса промышленно развитых стран, и прежде всего со страной победоносной социалистической революции. Знаменательно, что программа МНП была проникнута духом интернациональной солидарности с мировым революционным движением, со всеми малыми народами, борющимися, подобно монгольскому народу, за свою свободу и независимость. В ней указывалось, что «партия стремится к установлению тесной связи и взаимному контакту с партиями Китая, России и других стран, которые, как и наша партия, ставят своей целью уничтожение деспотизма, обеспечение трудящихся всеобщей свободой и прогрессом»²². В программе выдвинуты стратегические и тактические задачи антиимпериалистической и антифеодалной революции с учетом своеобразия развития нашей страны. В ней указывалось, что трудящиеся должны стремиться к освобождению от власти кучки феодалов, «...захватить государственную власть в свои руки и установить правление, утвержденное народным собранием, состоящим из выборных делегатов. Они должны стремиться к освобождению от гнета империалистов и к национальному культурному возрождению»²³. В конце введения отмечалось, что «по своему развитию Монголия недалеко ушла от средневекового строя и это должно быть учтено при проведении реформы и мероприятий по обновлению страны»²⁴.

Последний пункт программы определял особенности организационного состава нашей партии. В нем говорилось: «Принимая во внимание, что имеются лица высших и низших социальных сословий, духовных и светских, мужчины и женщины, желающие вступить в ряды нашей партии и работать на пользу будущего дела монгольской национальности, партия настоящим объявляет, что ее членами могут быть люди, готовые отдать свои силы на борьбу за счастье народных масс

* С 1925 г. — Монгольская народно-революционная партия.

** Программе предшествовало введение — «Декларация МНП».

²² Документы из истории МНРП. Улан-Батор, 1966, стр. 33 (на монг. яз.).

²³ Там же, стр. 31—32.

²⁴ Там же, стр. 33.

Монголии, принимающие идеологию партии и подчиняющиеся ее уставу»²⁵. Монгольская народная партия, стремясь активизировать все слои населения в интересах страны, объявляла о привлечении в свои ряды не только аратов, но и представителей феодалов, чиновников и лам. Такие факторы нельзя сбрасывать со счета при характеристике особенностей МНП. Однако вскоре партии пришлось отказаться от этого принципа вследствие резкого обострения классовой борьбы.

Хотя в первой программе МНП нет терминов «социализм», «капиталистический путь развития» и «марксизм-ленинизм», тем не менее она сумела по своему содержанию отразить идеи научного социализма. На этой основе можно считать, что МНП именно с этого времени стала руководствоваться идеями марксизма-ленинизма.

Конечно, первая программа МНП, как отмечено Ю. Цеденбалом, в силу сложности исторической обстановки была «...несвободной от не proletарских идей»²⁶. В отдельных пунктах программы имелись расплывчатые, противоречивые формулировки. В ней, например, содержались призывы «по-новому восстановить недавно уничтоженную автономию Внешней Монголии», к объединению «всех монгольских племен в одно государственное целое»²⁷ и т. д.

Нам представляется, что сама программа МНП более умеренна, чем содержание письма партии к Советскому правительству или введение к программе. Это было связано с особенностями тогдашней обстановки в стране, с тактическими соображениями МНП. Однако это ничуть не умаляет значения программы.

С этого времени МНРП стала решающим фактором в деле распространения и утверждения идей научного социализма в Монголии, она провела народную революцию в необычайно сложных, специфических условиях Монголии 1921 г., применив идеи, формы и методы социалистической революции. 13 марта 1921 г. в городе Троицкосавске совещание представителей трудящихся пограничных хошунов и партизанских отрядов избрало Временное народное правительство Монголии. В принятой резолюции говорилось следующее: «Во имя осуществления национального освобождения и воплощения в жизнь прав трудового народа мы сочли необходимым создание Временного народного правительства свободной Монголии, свободного от влияния случайных внешних сил и дружественного с соседними демократическими державами»²⁸.

7 марта 1921 г. ЦК Монгольской народной партии обратился к Коминтерну с просьбой принять партию в его ряды²⁹, и МНП была принята в качестве сочувствующей организации.

В мае 1921 г. представители Монгольской народной партии были приглашены на III конгресс Коминтерна с мандатами совещательного голоса. ЦК МНП, приняв приглашение Коминтерна, решил участвовать в работе III конгресса с тем, чтобы ознакомиться с опытом мирового революционного движения, стать членом Интернационала, укрепить и расширить свои связи с международным коммунистическим движением. Так МНП начала участвовать в международных коммунистических совещаниях.

Все это свидетельствует, что МНП фактически признала гегемонию международного рабочего класса, установила союз с ним и при-

²⁵ Документы из истории МНРП. Улаан-Батор, 1966, стр. 35.

²⁶ Ю. Цеденбал. Избранные статьи и речи. М., 1962, т. II, стр. 82.

²⁷ «Народы Дальнего Востока», 1921, № 1.

²⁸ «Центральный архив МНРП», ф. 1, оп. 1, сд. хр. 1.

²⁹ Д. Дашуукаа. Соч., стр. 74.

няла на идейное вооружение принципы марксизма-ленинизма. Это явилось большим сдвигом в деле распространения идей марксизма-ленинизма в Монголии, ибо обусловило значительное изменение характера монгольской крестьянской партии и характера народной революции.

В программе МНРП, принятой в 1966 г., дано глубокое определение характера нашей революции. В нем говорилось: «По своему характеру и задачам это была антиимпериалистическая, антифеодалная народно-демократическая революция»³⁰.

Партия и правительство развернули широкую агитационную работу в массах, призывая их к вооруженному восстанию с целью завоевания свободы и независимости, разъяняя им благородную роль Советской России и значение для Монголии дружбы с ней. Партия уделяла большое внимание политической работе и в партизанских отрядах. Нам думается, что именно в это время началась устная пропаганда идей марксизма-ленинизма в Монголии. Приглашенные МНР политработники Красной Армии Советской России закладывали основы идейно-политической работы в созданной в это время Монгольской Народной армии. И. Г. Демко в своем докладе от 17 марта 1921 г. приводит очень интересные и важные сведения. Он пишет: «15 марта с. г. (1921) по вашему приказанию я вместе с Дамба (Дамбадарж) и Чой (Чойбалсан) отправился на верховых в отряды. Целью моей поездки было: ознакомиться с положением отрядов, монгольскими нравами, обычаями, потребностями, запросами в политической области, чтобы составить правильное понятие и на основании чего наметить план первых шагов политработы в Монгольской Народной революционной армии... Отряды, как известно, находятся в стадии формирования, обучения и комплектования... Солдаты, вооружившись всем имевшимся у них оружием, нас слушали... Тов. Дамба и Чой попеременно читали им перевод выдержек речи товарища Ленина на II Конгрессе Коминтерна о международном положении. Перевод сопровождался значительным комментарием»³¹.

18 марта 1921 г. Монгольская Народная армия освободила город Кяхту. Это было началом монгольской народной революции. После первой победы над оккупантами Временное народное правительство Монголии обратилось к правительству Советской России с просьбой об оказании военной помощи в совместной борьбе против общего врага — русских белогвардейцев. Советское правительство, исходя из принципов пролетарского интернационализма, удовлетворило эту просьбу*.

Последствия воздействия идей Великого Октября и помощи Советского государства Монголии определялись, в конечном счете, внутренними социальными процессами и необходимостью борьбы с интервентами. Благодаря победе народной революции и руководству МНРП государственная власть в стране перешла в руки трудящихся, была установлена народная власть в форме ограниченной монархии во главе с богдо-гэгэном. МНРП не могла не учитывать того обстоятельства, что подавляющее большинство феодалов было враждебно настроено к колониализму и выступало за независимость страны. С другой стороны, широкие массы в силу своей отсталости продолжали глубоко верить в святость монарха богдо-гэгэна. Тем не менее практически

³⁰ Программа МНРП. Улан-Батор, 1966, стр. 6.

³¹ ЦГА МНР, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 28.

* 11 июля 1921 г. Монгольская Народная армия совместно с частями Красной Армии освободила столицу Монголии город Ургу (ныне Улан-Батор). Этот день является днем победы революции — национальным праздником монгольских трудящихся.

власть в стране находилась в руках народного государства, выполнявшего функции революционно-демократической диктатуры трудового аратства (крестьянства). Это было также своеобразным воплощением ленинской идеи о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. В. И. Ленин подчеркивал, что борьба за глубокие демократические преобразования может привести к созданию «революционно-демократического государства»³², и, далее, что «это еще не социализм, но это уже не капитализм. Это громадный шаг к социализму...»³³.

Таков в основном ход распространения идей Великого Октября, идей научного социализма в Монголии с конца 1917 г. до середины 1921 г. Так впервые в Монголии начали воплощаться в реальность идеи Коммунистического Интернационала, провозглашенные на II конгрессе Коминтерна: «...Самой главной и необходимой задачей является создание коммунистической организации крестьян и рабочих для того, чтобы можно было вести их с собою к революции... Таким образом, в отсталых странах народные массы будут приобщены к коммунизму не через капиталистическое развитие, а путем развития классового самосознания под руководством сознательного пролетариата передовых стран»³⁴.

Как гласит программа партии, «опыт МНРП свидетельствует, что в слаборазвитых странах революционно-демократические партии крестьянства и связанной с ним интеллигенции при тесном контакте и сотрудничестве с международным коммунистическим движением могут воспринять идеи научного социализма и стать марксистско-ленинским авангардом трудящихся масс в борьбе за социализм»³⁵.

МНРП в процессе своего роста и развития превратилась, как мечтал В. И. Ленин, из партии аратства (крестьянства) в коммунистическую партию монгольского рабочего класса и трудового аратства, стала активным отрядом международного коммунистического движения, твердо стоящим на позициях пролетарского интернационализма. Опыт нашей страны показал, что марксистско-ленинские идеи могут восторжествовать окончательно как господствующая идеология только при условии, если в ходе некапиталистического пути развития возникнет национальный рабочий класс и народная интеллигенция с марксистско-ленинским мировоззрением и новым моральным обликом. Если созреют объективные и субъективные предпосылки победы социализма и будет организована широкая поддержка и помощь со стороны мировой социалистической системы и международного коммунистического движения.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 191.

³³ Там же, стр. 194.

³⁴ Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. М., 1933, стр. 131.

³⁵ Программа МНРП. Улан-Батор, 1966, стр. 16.

ИСТОРИЯ

Пролетариат Китая в борьбе против японской агрессии

---

*Т. Н. Акатова,
кандидат исторических наук*

18 сентября 1931 г. японский империализм начал открытую агрессию в Китае, атаковав крупнейшие города Северо-Восточных провинций (Маньчжурии). В январе 1932 г., после завершения оккупации Северо-Востока, японская военщина бросила свои силы на Шанхай. Командовавший нападением контр-адмирал Сёдзава заявил, что японские войска займут Шанхай в течение трех-четырёх часов. Правительство Чан Кай-ши отдало приказ находившейся в районе Шанхая 19-й армии отойти без боя.

Однако японским захватчикам не удалось взять Шанхай. В едином патриотическом порыве на его защиту встали экстренно сформированные добровольческие отряды рабочих, студентов и других слоев населения. Нарушив приказ об отступлении, к ним присоединилась 19-я армия. Более месяца героические защитники Шанхая отбивали атаки многократно превосходящих сил японских агрессоров и отстояли город. Эти события вошли в историю как Шанхайская оборона.

Выдающуюся роль в обороне города сыграл 800-тысячный пролетариат Шанхая, еще раз продемонстрировавший мужество и самопожертвование в общенародной борьбе за свободу родины. И в развитии собственно рабочего движения, и в общем процессе революционной национально-освободительной борьбы Шанхайская оборона имела огромное историческое значение, отчетливо выявив возможность и необходимость создания единого антияпонского фронта.

Шанхайский пролетариат был самым многочисленным и действительно передовым отрядом китайского рабочего класса. С первых же дней японской оккупации Северо-Восточного Китая рабочие Шанхая выступили в авангарде борьбы за всенародный отпор агрессорам*. Крупнейший пролетарский центр страны — Шанхай становился центром патриотической борьбы китайского народа против японской агрессии и капитулянтской политики гоминьдановского правительства. Период от 18 сентября 1931 г. (начало японской агрессии в Северо-Восточном Китае) до 28 января 1932 г. (начало Шанхайской обороны) был отмечен непрерывным нарастанием патриотических выступлений

---

* Рабочий класс самого Северо-Востока был застигнут врасплох (Шэньян, Чанчунь, Цзилинь и другие промышленные центры были захвачены японцами в течение двух дней) и сразу оказался в труднейших условиях оккупации. Вплоть до начала 1932 г. здесь имели место лишь разрозненные стихийные выступления.

шанхайского пролетариата, в авангарде которых шли рабочие японских предприятий¹.

В этот период впервые после тяжелой депрессии, наступившей в результате поражения революции 1925—1927 гг., в обстановке смертельной опасности порабощения всего Китая японским империализмом возродилась социальная активность рабочего класса. Вновь, как и в годы революции, пролетариат выступил в авангарде освободительной борьбы.

Однако состояние рабочего движения и в Шанхае, и во всех городах Китая в начале 30-х годов коренным образом отличалось от периода революции, когда действовал единый антиимпериалистический фронт и КПК имела возможность открыто руководить борьбой и организацией трудящихся. Кровавый террор, развязанный гоминьданом после поражения революции в 1927 г., обрушился прежде всего на Шанхай, где были сосредоточены основные кадры КПК по руководству рабочим движением и самый крупный в стране революционный актив рабочего класса. В то же время именно рабочему движению в Шанхае контрреволюционный гоминьдан уделял максимум внимания, стремясь с помощью изощренной демагогии подчинить его своему влиянию и направить в русло национал-реформизма. Уже в 1927 г. гоминьданом было создано при Шанхайском муниципалитете Бюро социальных дел, взявшее на себя организацию реформистского профдвижения и посредничество в конфликтах труда и капитала. Реформистские профсоюзы, борясь за влияние в массах, зачастую враждовали между собой. При крупных профсоюзах имелись вооруженные пикеты, обычным явлением были драки и даже вооруженные стычки между профсоюзами. Гоминьдан поощрял раздробленность профдвижения, ослаблявшую рабочий класс². Вплоть до конца декабря 1931 г. в Шанхае не было единого центра по руководству реформистским профдвижением, существовало два профсоюзных объединения, соперничавших между собой³.

Шанхайский горком Коммунистической партии Китая действовал в глубочайшем подполье. Руководимые коммунистами профсоюзы, называвшиеся красными, были очень слабы, немногочисленны, их деятельность в рабочих массах была неимоверно трудна. Каждого заподозренного в коммунистической пропаганде гоминьдановцы карали смертной казнью. Следует также напомнить, что связям КПК с рабочими массами, практической работе коммунистов в рабочем движении большой ущерб нанесли «левые» ошибки, допущенные руководством КПК после поражения революции 1925—1927 гг. Недооценивая глубину поражения революции, преувеличивая силы пролетариата, а также его классовую и политическую зрелость, «левые» вместо повседневной кропотливой работы с массами пытались поднять рабочих на активную борьбу против гоминьдана путем воззваний и приказов. Авантюризм этих попыток сочетался с «лево»-сектантским отказом от работы с рабочими массами, вовлеченными в реформистское профдви-

¹ В Шанхае действовало более 30 крупных бумагопрядильных фабрик, на них трудилось более 80 тыс. китайских рабочих. — Промышленность и рабочие Шанхая. Сянган, 1939, стр. 108—109. Кроме того, имелось несколько стекольных заводов, три завода резиновых изделий, две типографии, кожевенные, сахарные, мыловаренные заводы и другие промышленные предприятия, а также 8 крупных банков и многочисленные торговые заведения. — См. «The Chinese Economic Journal», XII, 1931.

² Подробнее см. Т. Н. Акатова. Основные направления политики гоминьдановского правительства в рабочем вопросе. — Сб. Китай: общество и государство. М., 1973, стр. 306—307.

³ Промышленность и рабочие Шанхая. Сянган, 1939, стр. 3—4.

женне, от борьбы за повседневные жизненные нужды рабочего класса. В период «лиллисаневщины» (1930 г.) авантюристическая подготовка вооруженных антигоминьдановских восстаний подорвала силы подпольных ячеек КПК и красных профсоюзов Шанхая, привела к непоправимым потерям революционных кадров. В рабочем движении все отчетливее выявлялась гибельность для связей КПК с рабочими массами «левого» авантюризма, сектантской политики и недооценки опасности демагогических маневров гоминьдана, стремившегося подчинить рабочий класс своему влиянию. Коминтерн настойчиво указывал КПК на эту опасность⁴. Именно помощь Коминтерна помогла КПК преодолеть левацкую линию Ли Ли-сяня.

Японская агрессия, поставив под угрозу само существование китайского государства, коренным образом изменила всю социально-политическую ситуацию в стране. Она объективно потребовала объединения всех сил нации для отпора врагу. Все более насущной задачей КПК становилось возрождение в Китае ленинской стратегии единого национального фронта. Необходимо было единство рабочего класса — самого революционного и последовательного борца за свободу родины. Реальные предпосылки для достижения этого единства проявились прежде всего в Шанхае в самом процессе нараставшей антияпонской борьбы рабочего класса, кульминацией которой явилась Шанхайская оборона.

Несмотря на то что гоминьдан всемирно афишировал свой патриотизм и антиимпериалистическую направленность своей политики, его нерешительность в борьбе против японской агрессии граничила с капитулянтством. Поэтому наряду с забастовками на японских предприятиях, участием в антияпонском бойкоте, ставшими традиционными формами антиимпериалистической борьбы рабочего класса, в этот период очень распространены стали различные манифестации, направленные на то, чтобы побудить гоминьдан перейти к политике решительной борьбы с агрессорами.

26 сентября 1931 г. Шанхайский горком гоминьдана организовал антияпонский митинг и демонстрацию. Однако рабочие и студенты прогнали гоминьдановский президиум митинга и избрали свой президиум. В него вошли наиболее революционные представители масс, среди них были члены КПК и красных профсоюзов.

В начале октября в Шанхае развернулась борьба за отправку делегации студентов в Нанкин — столицу чанкайшистского режима, где должна была состояться демонстрация студентов всей страны с требованием от правительства защиты родины. Городские власти Шанхая препятствовали отъезду делегации. Рабочие и студенты вступали в борьбу с полицией и иностранными войсками. Трижды окружали они полицейский участок на английской концессии и отбивали арестованных товарищей. На Северном вокзале Шанхая они учинили настоящий погром, избив увещевавших их членов горкома гоминьдана и силой заставив начальника станции дать поезд для студенческой делегации. Активную роль в этих событиях играли коммунисты. 10 октября они организовали по всему городу антияпонские митинги рабочих и студентов. Против митингующих были брошены 10 японских и английских броневиков, японский десант, полиция. В кровавых стычках несколько рабочих были убиты, многие ранены. Каждое японское предприятие

⁴ См. Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая (далее: Стратегия и тактика...). М., 1934, стр. 209, 287—288, 295, 299.

Шанхая в этот день было забаррикадировано, окружено пулеметами, броневиками, японскими солдатами и гоминьдановской полицией⁵.

С самого начала антияпонской борьбы в Шанхае определилась высокая степень общенародного возмущения, в авангарде выступили рабочие и студенты. Это создало благоприятную обстановку для усиления деятельности КПК по руководству рабочими массами. Выдвигаемые коммунистами лозунги решительной борьбы за спасение родины были понятны каждому рабочему, они полностью отвечали настроениям масс, четко формулируя их требования и обобщая их во всенародном масштабе. Это создавало возможность преодоления «лево»-сектантского отчуждения КПК от широчайших рабочих масс, возрождения и укрепления связи партии с рабочим классом.

Однако перед компартией по-прежнему стояли огромные трудности. Непрекращавшийся белый террор гоминьдановских властей против «коммунистической опасности» еще более усилился в связи со стремлением гоминьдана обуздать массовый подъем антияпонской борьбы и ввести его в «дозволенные рамки», полностью подчинить своему руководству. Все газеты Шанхая были полны сообщениями о «происках коммунистов».

Но гоминьдановские власти уже не были в состоянии контролировать подъем массовой антияпонской борьбы. Вопреки надеждам гоминьдана реформистские профсоюзы не смогли стать его послушным орудием. Рабочие массы, входившие в эти профсоюзы, все решительнее выступали против капитулянтства гоминьдана. Весь Шанхай бурлил забастовками, митингами, антияпонскими и антиправительственными манифестациями. Расправляться с коммунистами в таких условиях чанкайшистам стало несравненно труднее. Шанхайский горком КПК сумел наряду с подпольной работой организовать и открытые выступления среди рабочих и студентов.

Чтобы удержать массы под своим влиянием, гоминьдан в первые же дни японской агрессии организовал в Шанхае Общество борьбы с Японией и спасения Китая, куда вовлекались все слои городского населения. По утверждению гоминьдана, костяк этой организации составляли рабочие⁶. В городе стали возникать также многочисленные рабочие антияпонские организации. Одним из первых такое общество учредили рабочие и служащие почты, ими же был создан и первый вооруженный добровольческий отряд⁷. Очень активную деятельность развернули антияпонские общества рабочих японских прядильных фабрик. Многие из них находились под влиянием коммунистов. 1 ноября 1931 г. состоялось собрание 80 тыс. рабочих всех японских прядильных фабрик, оно потребовало от правительства немедленной организации отпора Японии и призвало весь рабочий класс к единству в борьбе⁸.

Шанхайский горком КПК объединил около 50 антияпонских организаций отдельных предприятий в полулегальное Народное антияпонское общество. В ходе событий через это объединение КПК имела возможность участвовать в руководстве антияпонским движением в Шанхае.

⁵ См. XII пленум ИККИ. Стенографический отчет. М., 1933, стр. 18; «Коммунистический Интернационал», 1931, № 36, стр. 26—27; «Красный Интернационал профсоюзов», 1932, № 5, стр. 27.

⁶ История китайского рабочего движения. Тайбэй, 1959, т. 3, стр. 1046 (на кит. яз.).

⁷ Там же.

⁸ Промышленность и профсоюзы Шанхая. Сянган, 1939, стр. 108—109 (на кит. яз.).

Все события рабочего движения в Шанхае после начала японской агрессии 18 сентября 1931 г. были подчинены одной задаче — отпору захватчикам. Первыми, уже в сентябре — октябре 1931 г., забастовали китайские матросы японских судов и рабочие шанхайского порта. Портовые кули создали пикеты по выявлению на складах японских товаров⁹. Забастовали железнодорожники, отказываясь использовать японский уголь¹⁰. В октябре — ноябре забастовки охватили большинство многочисленных в Шанхае японских и японо-китайских предприятий¹¹. Подъем политической антияпонской борьбы, тесно связанной с выступлениями против предательской политики гоминьдановского правительства, повлек усиление борьбы и за экономические требования. Обычно рабочие японских предприятий, помимо политических, выдвигали и требования об улучшении условий труда, а рабочие китайских предприятий наряду с конкретными экономическими условиями требовали и усиления отпора Японии. Характерно, что имели место забастовки против китайских предпринимателей, запрещавших своим рабочим создание добровольческих антияпонских отрядов¹².

Никогда еще со времени поражения революции в 1927 г. борьба рабочего класса Шанхая не достигала такого высокого уровня, как в последние месяцы 1931 г. Ожесточенно отстаивая свои требования, рабочие нередко громили фабрики, вступали в кровавые стычки с полицией. Заметно возросла роль коммунистов. В декабре 1931 г. бывший работник революционного Совета шанхайских профсоюзов, разогнанного Чан Кай-ши в 1927 г., коммунист Ли Чжан-гуй возглавил стачку 7 тыс. рабочих на англо-американской табачной фабрике против действовавшего в интересах хозяев реформистского профсоюза¹³. На прядильных фабриках компании «Юньань» рабочие с красными флажками, выкрикивая коммунистические лозунги, заняли помещение фабрик и вступили в драку с прибывшими солдатами и полицией¹⁴.

Помимо чисто пролетарского метода борьбы — забастовок, рабочие активно включились в антияпонский бойкот, охвативший широчайшие массы населения. Рабочие создали пикеты по проверке товаров на складах и магазинах, громили лавки и избивали торговцев, тайно продававших японскую продукцию. Широкое и активное участие рабочего класса сделало антияпонский бойкот массовым и весьма эффективным. Рабочие забастовки и широкий антияпонский бойкот нанесли интересам Японии ощутимый удар. «Миньгожибао» уже 1 ноября 1931 г. отмечала значительное падение японского экспорта в Китай и закрытие по меньшей мере 60% японских предприятий в Шанхае.

Все более настойчивым становилось требование рабочих вооружить их для отпора захватчикам. Коммунистическое правительство Советских районов Китая сразу же, 25 сентября 1931 г., обратилось к народу всей страны, и прежде всего к рабочим и крестьянам Китая, с призывом дать отпор захватчикам¹⁵. Шанхайский горком КПК развернул пропаганду вооружения рабочих для защиты отечества. Этот

⁹ «Шэньбао», 4.X.1931; «Шиши синьбао», 12.X.1931.

¹⁰ История китайского рабочего движения. Тайбэй, 1959, т. 3, стр. 1052 (на кит. яз.).

¹¹ «Шэньбао», 26.IX—30.XI.1931.

¹² По этому поводу, например, более месяца бастовали рабочие китайской трикотажной фабрики «Дахуа». — См. «Шэньбао», 14.X.1931; 16—28.X.1931.

¹³ «Шанхай таймс», 22.XII.1931.

¹⁴ История китайского рабочего движения. Тайбэй, 1959, т. 3, стр. 1066 (на кит. яз.).

¹⁵ Советы в Китае. М., 1933, стр. 477.

лозунг выдвигали и легальные реформистские профсоюзы. Рабочие митинги, демонстрации, собрания требовали от гоминьдановского правительства вооружать добровольческие отряды рабочих огнестрельным оружием, заверяли, что все 800 тыс. рабочих Шанхая готовы бороться с захватчиками не на жизнь, а на смерть. При этом рабочие требовали от правительства свободы профорганизаций, улучшения условий труда, свободы забастовок, а в области внешней политики немедленного начала войны за возврат оккупированных японцами территорий¹⁶. Подобное переплетение чисто рабочих с общенационально-патриотическими требованиями свидетельствовало о том, что подъем национально-освободительной борьбы пробудил и классовую активность шанхайского пролетариата.

Усилились антиправительственные манифестации под лозунгами: «Долой правительство, подавляющее патриотическое движение масс и обманывающее народ!». 14 декабря весь руководящий состав шанхайского горкома гоминьдана вынужден был выйти в отставку¹⁷. Попытки гоминьдана обуздать рабочий класс Шанхая привели к крайнему ожесточению борьбы между двумя крупными объединениями легальных профсоюзов (Бюро социальных дел Шанхая и реорганизационисты), каждое из которых претендовало на роль всешанхайского руководящего профсоюзного органа. Оппозиционная группировка реорганизационистов (лидер — Ван Цзин-вэй) умело использовала недовольство рабочих масс капитулянтской политикой правительства Чан Кай-ши, падение престижа шанхайского горкома гоминьдана и созданного им Бюро социальных дел. Резко критикуя шанхайский горком гоминьдана и требуя большей свободы профдвижения, мобилизации рабочих на антияпонскую борьбу, реорганизационисты легко перетянули на свою сторону большинство легальных профсоюзов. Чанкайшисты вынуждены были уступить рабочим, стремившимся к единству. В результате под руководством реорганизационистов в канун 1932 г. был создан единый профцентр — Генсовет профсоюзов Шанхая¹⁸. Вновь созданный Генсовет развернул активную деятельность по вовлечению рабочих в легальные профсоюзы под лозунгом отпора Японии.

Подпольные красные профсоюзы, несмотря на свою немногочисленность и слабость, активнейшим образом участвовали в патриотической борьбе. Сила влияния КПК в рабочих массах определялась ее позицией наиболее решительного и последовательного отпора агрессорам. Именно коммунисты выдвинули лозунг всеобщей антияпонской забастовки рабочих Шанхая. 14 января 1932 г. под этим лозунгом забастовали 60 тыс. рабочих японских текстильных фабрик Шанхая. Созданный ими стачком начал получать большие суммы пожертвований от рабочих и широкой общественности Шанхая. Подъем забастовочной борьбы нарастал с каждым днем. 17 января в городе состоялся грандиозный митинг и демонстрация, во главе которой шли бастующие рабочие японских предприятий. С антияпонскими транспарантами и лозунгами, с красными знаменами многие тысячи шанхайских рабочих, студентов, безработных, горожан требовали от правительства вооружить добровольческие отряды, бросить все силы против врага. Демонстранты несли на руках тела шанхайских студентов, убитых в Нанкине на ан-

¹⁶ См. Обращение 800 тыс. рабочих Шанхая на митинге 19 декабря к IV съезду гоминьдана. — История китайского рабочего движения. т. 3, Тайбэй, стр. 1056 (на кит. яз.).

¹⁷ «Шанхай таймс», 14.XII.1931.

¹⁸ Промышленность и профсоюзы Шанхая. Сянган, 1939, стр. 4 (на кит. яз.).

типравительственной демонстрации 28 декабря 1931 г.¹⁹. В этот день было подожжено здание шанхайского горкома гоминьдана.

Вся империалистическая пресса, давая подробное описание этих событий, подчеркивала опасность явного руководства «радикальных элементов», оценивала как «коммунистическую» резолюцию митинга, содержащую такие пункты, как передача политической власти народу, создание добровольческой армии, проведение в Шанхае всеобщей антияпонской забастовки, оказание помощи рабочим японских предприятий Шанхая, организация народного трибунала для наказания за сотрудничество с японцами и др.²⁰.

В этой обстановке японская военщина форсировала подготовку нападения на революционный Шанхай. Захват Шанхая входил в стратегические планы порабощения Японией всего Китая. В то же время серьезное значение имело стремление японских империалистов пресечь нарастание антияпонской борьбы в Китае, задушить революционный город, ставший всекитайским центром национального сопротивления их агрессии, подавить борьбу китайского рабочего класса в центре сосредоточения японской промышленности.

18 января 1932 г., на следующий же день после мощной антияпонской демонстрации, перед воротами китайской фабрики полотенец «Санью» расположилась группа японцев, среди которых было пять буддийских монахов. Громко распевая японский гимн и всячески задирая китайских рабочих, монахи добились столкновения с ними. Один из избитых в драке японских монахов тут же умер. Вслед за этим сконцентрированный неподалеку отряд вооруженных японцев учинил поджог фабрики и настоящее сражение с 500 ее рабочими и подоспевшими им на помощь антияпонскими пикетами²¹.

По поводу этого спровоцированного инцидента японский генеральный консул 21 января 1932 г. предъявил мэру Шанхая У Те-чэну ультиматум. Основным требованием японского ультиматума было немедленное прекращение в Шанхае антияпонского движения и ликвидация всех антияпонских организаций²². Гоминьдановские власти Шанхая 28 января 1932 г. вручили японской стороне ответ о полном принятии ее ультиматума. Еще до этого они приступили к практическому исполнению японских требований. 27 января Бюро социальных дел Шанхая издало приказ о роспуске всех антияпонских организаций, полиция начала аресты наиболее активных деятелей патриотического движения²³.

Несмотря на полную капитуляцию гоминьдановских властей, японские войска 28 января начали бои за захват Шанхая. В атаку на Шанхай были брошены все средства новейшей военной техники: тан-

¹⁹ Несмотря на все препятствия, чинимые чанкайшитами, студенты со всех концов страны собрались 28 декабря в Нанкин, чтобы потребовать от гоминьдана защиты родины. Они разгромили резиденцию правительства и ЦИК гоминьдана, героически сражались с брошенными против них войсками. Было убито 80 студентов, многие арестованы. Среди убитых было несколько шанхайцев во главе с коммунистом Яном. Специальная делегация шанхайских рабочих и студентов ездил в Нанкин и привезла тела погибших, чтобы возбудить гнев и возмущение демонстрантов 17 января 1932 г. — XII пленум ИККИ. Стенографический отчет. М., 1933, стр. 18.

²⁰ «Шанхай таймс», 18.1.1932.

²¹ См. Материалы по истории антияпонской борьбы 19-й армии. Шанхай, 1933, стр. 60—64 (на кит. яз.); Сборник документов по международной политике и по международному праву. Вып. III, 1932, документ № 50, стр. 59—63.

²² Материалы по истории антияпонской борьбы 19-й армии. Шанхай, 1933, стр. 60 (на кит. яз.).

²³ Материалы по истории антияпонской борьбы 19-й армии. Шанхай, 1933, стр. 68 (на кит. яз.).

ки, авиация, тяжелая артиллерия, бронемашины, военно-морские суда. Японское командование рассчитывало на быстрый успех. Военные действия начались нападением на густонаселенный рабочий район города — Чжабэй. Героизм рабочих и городской бедноты, грудью вставших на защиту Шанхая и оказавших отпор захватчикам, стал достоянием истории. Рабочие-добровольцы были вооружены очень плохо, лишь немногие имели винтовки, в дальнейшем они добывали их, отнимая у японцев. В ход пошли ножи, палки, камни, мечи²⁴. В узких улочках рабочих кварталов была остановлена военная японская техника. Отовсюду: с крыш домов, изо всех закоулов — в захватчиков летели камни, гранаты. Все, кто мог, рыли окопы, строили баррикады. На шум боя в Чжабэй бросились все созданные в ходе антияпонского движения добровольческие отряды. Рабочие, работницы, студенты, местные жители, крестьяне шанхайских пригородов — все, даже старики и дети, проявили в этих решающих боях «высшую степень мужества и героизма»²⁵.

Столь быстрая реакция и мобилизация рабочего класса, решившая в той обстановке дальнейшую судьбу Шанхая, была естественным следствием всего предшествующего подъема его патриотической борьбы, развернувшегося сразу же после начала японской агрессии в Маньчжурии. Огромное значение имело стремление рабочих к вооружению, создание добровольческих отрядов, проводивших военные учения рабочих и всеми способами добывавших оружие.

Оборона Шанхая была начата рабочим классом и поддержана широчайшими массами городского населения. Это было неожиданным не только для японцев, но и для гоминьдановских властей. Нанкинское правительство не имело твердых намерений оборонять Шанхай. В растерянности, продолжая политику «умиротворения» агрессора, оно отдало приказ 19-й армии, находившейся близ Шанхая, отходить без боя. Срочно покинув столицу — Нанкин, само правительство бежало в Лоян. Из Шанхая было вывезено ценное военное имущество, местные власти бежали из города либо укрылись на территории международного селтльмента²⁶.

Самоотверженность и мужество добровольных защитников Шанхая воодушевили солдатские массы 19-й армии. Делегации добровольческих отрядов и населения были направлены в части готовившейся к отступлению армии. Горячие призывы к солдатам не отступать, а вступить в бой с захватчиками привели к тому, что, нарушая приказ командования, вначале отдельные группы солдат, а затем и вся 19-я армия (ее основные части в момент начала боев находились в 50—75 км от Шанхая)²⁷ соединились с добровольцами. Так героизм рабочих Шанхая не только остановил первые атаки японцев, но и создал возможность длительной обороны города объединенными силами армии и народа.

Поставленное перед фактом стихийно развернувшейся обороны Шанхая гоминьдановское военное командование вынуждено было санкционировать военные действия 19-й армии. Между добровольными защитниками города и солдатами 19-й армии сразу установились отношения боевого содружества, взаимной поддержки. К моменту нападения японцев в Шанхае уже были созданы наиболее крупные добро-

²⁴ «Тайпингъян гунжэнь», 30.III.1932.

²⁵ Материалы по истории антияпонской борьбы 19-й армии, стр. 380—381.

²⁶ Материалы по истории антияпонской борьбы 19-й армии, стр. 88—89.

²⁷ А. Ю ж и н ы й. Военная операция в Шанхае. — «Проблемы Китая», 1932, № 10, стр. 107.

вольческие отряды при рабочих профсоюзах, после начала обороны с каждым днем к ним присоединялись новые отряды рабочих, студентов, безработных. Только за один день — 31 января — вышедшим из подполья Народным антияпонским обществом (оно было запрещено властями, принявшими японский ультиматум) было организовано более 20 рабочих отрядов. Несколькими из этих отрядов, объединившими более 500 бойцов, непосредственно руководили коммунисты²⁸. По некоторым данным, численность крупных добровольческих отрядов уже в первые дни обороны составляла 5 тыс. человек. Помимо них действовало огромное количество стихийно возникших мелких и мельчайших отрядов и групп²⁹. Самым крупным и хорошо вооруженным был отряд профсоюза почтовиков, насчитывавший 700 бойцов, при нем было организовано подразделение связистов-велосипедистов. Рабочие отряды, имевшие вооружение, непосредственно участвовали в боях, другие оказывали армии самую разностороннюю помощь: рыли окопы, строили баррикады, перетаскивали груз, доставляли продовольствие и боеприпасы, варили бойцам пищу. Специальные санитарные отряды выносили раненых с поля боя, организовывали за ними уход и лечение. Бесперывные японские бомбардировки и обстрелы превращали целые кварталы в груды развалин. Рабочие-добровольцы спасали пострадавших мирных жителей, разбирали завалы, тушили пожары. В связи с огромными людскими потерями в армии и среди мирных жителей были созданы так называемые похоронные отряды, под огнем противника выносили они с поля боя убитых и хоронили их, не давая врагу надругаться над телами патриотов³⁰.

Шанхайские рабочие и работницы собирали среди населения продовольствие и традиционные новогодние подарки (оборона города развернулась в период китайского новогоднего праздника по лунному календарю) для бойцов 19-й армии. Сражающийся Шанхай стал в эти дни надеждой всего Китая. Со всех концов страны шли жертвования в помощь защитникам города: деньги, продовольствие, медикаменты, подарки³¹. Центральное и районные правительства Советских районов неоднократно обращались к защитникам Шанхая, заявляя о своей поддержке их героической борьбы. Трудящиеся центрального Советского района в Цзянси собрали и передали шанхайскому горкому КПК 13 тыс. юаней³². Повсюду в городе действовали созданные на пожертвованные средства так называемые «большие котлы» — пункты раздачи пищи рабочим и безработным, помогавшим оборонять город.

В предместьях Шанхая, занятых японскими войсками, рабочие оказывали помощь защитникам родного города, всеми способами препятствуя японскому наступлению. Они разрушали мосты, резали телефонные провода, устраивали взрывы и поджоги. Насильно мобилизованные японцами китайские рабочие предпочитали умереть, чем служить захватчикам. Так, рабочие-телефонисты под угрозой смерти отказались восстановить связь с японским фронтом³³. Простой шофер Ху А-мао согласился везти японские боеприпасы, надеясь переправить их своим, когда же это не удалось, направил груженный грузовик в

²⁸ XII пленум ИККИ. Стенографический отчет. М., 1933, стр. 21.

²⁹ А. Ю ж н ы й. Военная операция в Шанхае. — «Проблемы Китая», 1932, № 10, стр. 111.

³⁰ Материалы по истории антияпонской борьбы 19-й армии, стр. 439.

³¹ См. «Проблемы Китая», 1932, № 10, стр. 204.

³² Там же, стр. 207.

³³ XII пленум ИККИ. Стенографический отчет. М., 1933, стр. 22.

реку, погиб сам, но погубил и японских конвойных и боеприпасы³⁴.

Японское наступление на Шанхай развертывалось по двум направлениям: в районе Чжабэя и против крепости-форта Усун в устье реки Хуанпу, запиравшей подход японских военных судов к Шанхаю. До последней минуты действовал арсенал в Усуне. Его рабочие под непрерывными бомбежками и минометным огнем производили военное снаряжение для 19-й армии, вдвое повысив обычную выработку. Когда враг подошел вплотную к арсеналу, все рабочие сражались вместе с оборонявшимися его солдатами. Арсенал был занят японцами лишь после того, как погибли все до последнего защищавшие его рабочие и солдаты³⁵.

Нападение японских войск на Шанхай вызвало забастовку рабочих всех японских предприятий города. Первыми выступили 40 тыс. рабочих 17 японских прядильных фабрик Западного района Шанхая (Хуси).

Был создан объединенный стачком по руководству всеобщей анти-японской забастовкой в Шанхае. Уже 31 января к забастовке рабочих японских прядильных фабрик присоединились рабочие других японских предприятий, а также 35 тыс. рабочих шанхайского порта, многих японо-китайских, английских и китайских фабрик³⁶. В течение всего периода обороны вспыхивали забастовки на иностранных (неяпонских) предприятиях, выполнявших японские заказы. Так, бастовали рабочие американской автомобильной компании, принявшей заказ на ремонт японских автомашин³⁷, английской судовой верфи, ремонтировавшей японские суда³⁸. Самые обездоленные кули отказывались от неслыханно высокой оплаты за погрузку и перевоз японских грузов, заявляя, что они скорее умрут от голода, чем будут работать на японских империалистов³⁹. Тысячи шанхайских рабочих погибли в те дни, защищая свой город, свою страну. Их беззаветное мужество оказало глубочайшее влияние на 19-ю армию. Именно единение армии с народными массами породило тот высокий дух патриотизма, который тысячекратно усилил ее сопротивление захватчикам.

Главный просчет японского командования в шанхайской операции состоял в том, что, уповая на несравненное преимущество своей военной техники, оно не учло силы сопротивления пролетариата, поддержанного всем населением огромного города, не учло огромного повышения боеспособности армии, объединившейся с народными массами**.

Японцам не удалось осуществить свой план легкого и молниеносного захвата Шанхая. Втянутая в длительную позиционную войну под Шанхаем, японская армия понесла большие потери. Лишь в начале марта 1932 г., обескровленная в боях 19-я армия отошла, оставив свои позиции под Шанхаем, превращенные в груды развалин. Однако и японская армия уже не имела сил для развернутого наступления. Япония вынуждена была изменить свои стратегические планы и пойти на переговоры с нанкинским правительством о прекращении военных действий в районе Шанхая. 5 мая 1932 г. в Усуне было подписано

³⁴ Материалы по истории антияпонской борьбы 19-й армии. Шанхай, 1933, стр. 631.

³⁵ XII пленум НККП. Стенографический отчет. М., 1933, стр. 22.

³⁶ «Тайпиньян гунжэнь», 23.III.1932.

³⁷ «Шэньбао», 22.II.1932.

³⁸ «Шэньбао», 19.IV.1932.

³⁹ «Шэньбао», 11.II.1932; 14.II.1932.

** Следует отметить, что до переброски в район Шанхая 19-я армия не проявила высокой боеспособности, участвуя летом 1931 г. по приказу Чан Кай-ши в военных карательных операциях против Красной армии в Цзянсу.

японо-китайское соглашение, по которому Япония получала в Шанхае ряд привилегий, но отказывалась от захвата города⁴⁰.

Рабочие первыми начали бои за Шанхай и последними кончили их. Отдельные отряды рабочих-добровольцев продолжали сражаться, прикрывая отход основных частей 19-й армии⁴¹. Бессмертной славой покрыл себя рабочий отряд под командованием коммуниста Сунь-Сяо-бао сутки после отхода армии не подпускавший врага к развалинам деревни Цзявань. Примеров подобного героизма было много⁴².

Забастовка рабочих японских предприятий Шанхая продолжалась после окончания военных действий еще более двух месяцев. В середине марта 1932 г. владельцы японских прядильных фабрик объявили о возобновлении работ. Однако рабочие, измученные долгой безработицей, все же отказались выйти на работу безоговорочно и предъявили ряд требований, в том числе: вывод с территорий фабрик японских войск, оплата за время забастовки, 8-часовой рабочий день, увеличение заработной платы. Серьезность этих требований говорила о намерении рабочих продолжать антияпонскую борьбу. Только в мае под нажимом иностранной и гоминьдановской полиции (выселение бастующих из фабричных общежитий, разгон «больших котлов» — пунктов раздачи пищи, организованных в порядке рабочей взаимопомощи в дни обороны города и т. п.) рабочие вынуждены были возобновить работу⁴³.

Начатый героической Шанхайской обороной 1932 г. стал годом подъема антияпонской борьбы рабочего класса во всем Китае.

Оборона Шанхая имела огромное значение для развития рабочего движения. Разобщенный, раздробленный пролетариат Шанхая отчетливо проявил свою волю к единству в борьбе против империалистического порабощения и эксплуатации. Рабочие, входившие в подпольные красные профсоюзы и в многочисленные разобщенные легальные реформистские профсоюзы, сражались рядом и погибали за общее дело. Столь явно проявившееся стихийное стремление рабочих масс к единству, безусловно, помогло КПК в дальнейшем преодолеть свои «лево»-сектантские тенденции. В этот период значительно возросло политическое сознание рабочих масс, вовлеченных гоминьданом в реформистское профдвижение. Революционная активность рабочих вышла далеко за те рамки, которыми гоминьдан пытался ограничить рабочее движение⁴⁴. Репрессии гоминьдана против патриотических рабочих организаций, и особенно против добровольческих рабочих отрядов, способствовали высвобождению пролетариата от национал-реформистских иллюзий. В результате после начала японской интервенции происходит явное полевение реформистского профсоюзного движения в Китае. Это обстоятельство способствовало установлению единства рабочего класса в борьбе против Японии и за улучшение своих экономических условий.

В тяжелые годы господства реакции и белого террора, когда в рабочем движении наблюдалась глубокая депрессия, борьба за Шан-

⁴⁰ Капитулянтская политика гоминьдана и народное движение сопротивления Японии в период от 18 сентября 1931 г. до 7 июля 1937 г. Шанхай, 1958, стр. 7.

⁴¹ См. XII пленум ИККИ, стр. 21; История китайского рабочего движения. Тайвань, 1959, т. 3, стр. 1070—1071.

⁴² См. Материалы по истории антияпонской борьбы 19-й армии, стр. 622—626.

⁴³ См. Промышленность и профсоюзы Шанхая. Сянган, 1939, стр. 109 (на кит. яз.); «Проблемы Китая», 1932, № 10, стр. 211—212.

⁴⁴ Гоминьдан стремился не допустить вооружения рабочего класса и использовать рабочих во время Шанхайской обороны лишь на подсобных работах, препятствуя их участию в боевых действиях. Он не остановился и перед прямым запрещением создания добровольческих отрядов без санкции Бюро социальных дел. — См. «Проблемы Китая», 1932, № 10, стр. 157, 203.

хай, всколыхнув весь народ, революционизировала рабочий класс, вдохнула в него веру в собственные силы. Огромное значение имело проявление международной пролетарской солидарности с борющимся пролетариатом Шанхая. Коммунистический Интернационал призывал рабочих всего мира повседневно бороться против японской интервенции в Китае, против работы на интервенцию и перевозки в Японию военного снаряжения⁴⁵.

С призывом развернуть борьбу под лозунгом «Руки прочь от Китая!» обратились к своим народам компартии Великобритании, Германии, Франции, Польши, Чехословакии, Голландии, Швеции и революционные профсоюзы этих стран, примыкавшие к Профинтерну⁴⁶. С обращениями против японского вторжения в Шанхай выступили Международная антиимпериалистическая лига, Международная рабочая помощь, Лига борьбы против империализма и колониального угнетения и другие прогрессивные организации мира⁴⁷. А. М. Горький в статье «В ответ на обращение жены Сунь Ят-сена» назвал помощь Китаю «великим делом мирового пролетариата»⁴⁸. Обращение Сун Цин-лин о помощи против японского вторжения в Шанхай было передано Горькому Международной антиимпериалистической лигой⁴⁹.

Во многих городах Европы и США коммунисты организовали митинги протеста против японских захватов в Китае⁵⁰.

В тяжелейших условиях фашистского террора развернула антивоенную агитацию Компартия Японии. Перед лицом героического сопротивления пролетарского Шанхая в японской армии, осаждавшей город, началось брожение. 29 января и 11 февраля вспыхивали бунты японских солдат, отказывавшихся наступать на Шанхай. Японское командование не остановилось перед расстрелом мятежных солдат⁵¹.

В обстановке, сложившейся в стране после разрыва гоминьданом единого национального антиимпериалистического фронта и поражения осуществленной этим фронтом революции 1925—1927 гг., бурный всплеск социальной активности шанхайского пролетариата имел огромное историческое значение. Рабочий класс вновь продемонстрировал свою самоотверженность и героизм в борьбе за общее дело национальной свободы и привлек к себе симпатии и уважение всех патристических слоев китайского народа. Знаменательна та широкая кампания материальной и моральной поддержки шанхайских рабочих, в которую включилась и китайская буржуазия. Особенно тесным стал в эти дни союз рабочего класса и революционного студенчества, возродивший славные традиции революционной борьбы 20-х годов. Шанхайские студенты организовывали на фабриках библиотеки, антияпонские выставки, лекции, представления, писали для рабочих шелкопряделен популярную антияпонскую хрестоматию. Ими были созданы народное рабочее училище и мастерские по производству простейшего военного снаряжения для рабочих-добровольцев⁵². Студен-

⁴⁵ См. Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая, М., 1934, стр. 313—315.

⁴⁶ Тексты «Обращений» см. «Проблемы Китая», 1932, № 10, стр. 223—226.

⁴⁷ Международная пролетарская солидарность в борьбе с наступлением фашизма (1928—1932). М., 1960, стр. 346, 350.

⁴⁸ Там же, стр. 346—347.

⁴⁹ Там же, стр. 345—346.

⁵⁰ См. Н. Буш. Борьба против войны, в защиту СССР и китайской революции. — «Красный Интернационал профсоюзов», 1932, № 5, стр. 30.

⁵¹ Международная пролетарская солидарность в борьбе с наступлением фашизма (1928—1932), стр. 400.

⁵² Материалы по истории антияпонской борьбы 19-й армии. Шанхай, 1933, стр. 413—414.

чество служило своеобразным приводным ремнем в отношениях между рабочими и буржуазными слоями. Вторжение японского капитала несло разорение и национальное порабощение и буржуазии, среди нее также нарастали антиимпериалистические настроения и недовольство нерешительностью гоминьдана в отпоре агрессору. Все это создавало реальные предпосылки для сближения различных социальных сил национально-освободительного движения и создания единого антияпонского фронта.

Примечательно, что в дни обороны Шанхая правительство и военные силы Центрального советского района в Цзянси направили в штаб гоминьдановского командования телеграмму, призывая перед лицом национальной опасности прекратить внутреннюю войну и разрешить силам Красной армии сформировать одну войсковую часть, пропустив ее к Шанхаю и выделив ей участок обороны⁵³.

Таким образом, благодаря мужеству рабочего класса Шанхайская оборона стала значительным событием в истории национально-революционной борьбы китайского народа, явившись шагом на пути возрождения в Китае ленинской стратегии единого антиимпериалистического фронта.

Отмечая 45-летнюю годовщину Шанхайской обороны, советский народ чтит память героических борцов за свободу китайского народа от империалистического порабощения.

---

⁵³ Сборник документов о борьбе китайских народных масс против японского империализма. М., 1935, стр. 226 (на кит. яз.).

Памятники древности и некоторые проблемы монгольского этногенеза

*Э. А. Новгородова,
кандидат исторических наук*

Древняя история, культура и искусство Монголии издавна привлекали к себе внимание ученых мира. Однако наибольший вклад в изучение этой страны внесли русские географы, этнографы, историки и лингвисты. Монгольские ученые неоднократно отмечали большое значение для развития науки в их стране вековой традиции сотрудничества с русскими и советскими востоковедами. Так, историк Х. Пэрлээ подчеркнул, что экспедиционная работа С. В. Киселева, Л. А. Евтюховой и А. П. Окладникова в 1948—1949 гг. открыла качественно новый этап в изучении древней истории Монголии.

Ученик и соратник С. В. Киселева, Х. Пэрлээ первым в стране приступил к археологическим изысканиям и составил в 40-х годах картотеку древностей МНР¹. В 50-е годы велись раскопки хуннских погребений, эта работа была обобщена в статьях и монографии Ц. Доржсурэна². В 1957 г. монгольские археологи исследовали памятник, воздвигнутый на могиле знаменитого древнетюркского министра Тоньюкука около Налайхи³, а в 1958—1959 гг. монгольско-чехословацкой экспедицией был раскопан не менее интересный комплекс той же эпохи, сооруженный в честь Кюль-Тегина в Хошо-Цайдаме — там были открыты дворец, остатки черепичной крыши и скульптурный портрет Кюль-Тегина⁴.

Х. Пэрлээ планомерно обследовал средневековые города Хар-Бухын-балгас, Зуун-

Хэрэм, Барс-Хот 1, Чинтологой⁵. Трудно переоценить деятельность первых монгольских археологов, работавших в тесном контакте с эпиграфистами, лингвистами и историками. Без их полевых исследований и разведывательных поездок, без собранного ими большого фактического материала невозможен был бы тот размах, который приобрели археологические работы в 60-х годах.

Важным событием, определившим последующие успехи монгольской науки, явилось создание в мае 1961 г. Академии наук МНР. Перед историками древности и археологами были поставлены в качестве первоочередных проблемы этногенеза, определения места и роли кочевых народов в цивилизации Центральной Азии, исследования культуры и экономики средневековых городов⁶.

Общность научных интересов ученых МНР и других социалистических стран обусловила организацию ряда совместных экспедиций. В 1957 г. далеко на запад страны продвинулась монгольско-венгерская историко-филологическая экспедиция; в 60—70-х годах в центральной и восточной Монголии монгольско-венгерская экспедиция исследовала могилы раннего железного века и хуннского времени⁷. Летом 1961 г. совершила поездку в Хэнтэйский аймак в поисках могилы Чингисхана монгольско-немецкая экспедиция во главе с доктором Шубертом (ГДР). С 1963 г. до настоящего времени работает монголь-

¹ Картотека археологических памятников хранится в архиве Института истории АН МНР.

² Ц. Доржсурэн. Северные хунну (на монг. яз.). Улан-Батор (далее УБ), 1961.

³ Н. Сэр-Оджав. О полевых работах монгольско-чехословацкой археологической экспедиции. — «Шинжлэх ухаан, техник» (далее ШУТ), 1958, № 5—6, стр. 61—66.

⁴ Н. Сэр-Оджав. Голова каменного изваяния Кюль-Тегина. УБ, 1959.

⁵ Х. Пэрлээ. Краткая история древних и средневековых городов и поселений на территории Монгольской Народной Республики. УБ, 1961.

⁶ Б. Ширендыб. Некоторые вопросы исследования проблемы «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии». — В сб. «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии». УБ, 1974.

⁷ А. Рона-Таш. По следам кочевников. Монголия глазами этнографа. М., 1964; Erdely. A mongol-magyar Régészelyi expedicio 1960—1963 en ezredményi. Magyar Tudomány. VIII, 9, 1963, p. 611—651.

ско-польская этнографо-социологическая экспедиция под руководством проф. В. Дыновского⁸ и с 1969 г. наиболее значительная по объему и результатам работ — советско-монгольская историко-культурная экспедиция, которую возглавляют А. П. Окладников и В. В. Волков, Ш. Нацагдорж и Н. Сэр-Оджав.

Таким образом, за последнее десятилетие расширился район исследований и круг вопросов, связанных с изучением древней истории Монголии. В данном обзоре будут затронуты лишь наиболее интересные и острые проблемы, дискутируемые в монгольской литературе.

1. Каменный век. Изучение палеолита Монголии связано с проблемой происхождения человека вообще и первоначального освоения человеком Центральной Азии — в частности. Глубокому изучению палеолита Монголии положила начало экспедиция С. В. Киселева, 1948—1949 гг., когда была открыта серия стоянок и среди них палеолитическая стоянка Мойлтын-ам на левом берегу Орхона. В последующие годы ученые О. Намнандорж, Х. Пэрлээ и Ц. Доржсүрэн значительно пополнили палеолитические коллекции монгольских музеев.

В 60—70-х годах эти исследования были продолжены. Они распространились на районы западной и восточной Монголии. Ученые вернулись к стоянке Мойлтын-ам. По их мнению, это многослойный памятник с культурным слоем в 1—1,5 м. Древнейший слой они датируют началом верхнего палеолита, а верхние слои — эпохой неолита⁹. Открытие памятника со столь мощным культурным слоем, позволяющим проследить стратиграфию, — факт сам по себе значительный, поскольку на большей части территории страны ветер развевает пески, не давая образоваться культурному слою.

Интересная работа ведется в Южно-байском аймаке, в местности Отцон-маньт. Здесь открыты мастерские каменного века, наиболее древние из которых могут быть отнесены к среднему палеолиту. Инвентарю техники изготовления сходен с синхронными находками из Европы, Африки, Передней и Средней Азии¹⁰. Совершенно очевидно, что на огромной территории страны даже в глубокой древности существовали отличные одна от другой культуры¹¹.

⁸ W. Dypowski. Wspólczesna Mongolia. Warszawa, 1968; Studia Mongolskie. Warszawa, 1969.

⁹ А. Н. Окладников, Н. Сэр-Оджав. Об археологических работах в 1960 году (на монг. яз.), «Шинжлэх ухааны академийн мэдээ» (далее ШУА мэдээ), 1961, № 2.

¹⁰ Там же, стр. 9.

¹¹ Д. Наван. Эртний судлал. — «Шинжлэх ухаан амьдрал» (далее ШУ амьдрал), стр. 26.

Благодаря работам палеолитического отряда был выявлен ряд таких локальных культур. Однако у них есть и общие характерные черты, частично объясняемые одинаковыми экологическими условиями. Так, исследователи отмечают, что палеолитические поселения в Монголии располагаются гнездами, как в Сибири. Но особые природные условия определили своеобразие монгольского палеолита. Здесь пока не обнаружено поселений сибирского типа с прочными жилищами, рассчитанными на длительное пребывание их обитателей на одном месте.

Очень сложной задачей является открытие памятников нижнего палеолита. К этой эпохе могут быть отнесены мастерские и стоянки в юго-западной части Центральной Гоби. Одной из древнейших является, по-видимому, стоянка в Богдо-сомоне. Наличие нижнепалеолитических памятников в Центральной Азии затрагивает ряд общих проблем, связанных с происхождением человека и древней историей Сибири, Дальнего Востока, Восточной и Юго-Восточной Азии. Есть основания полагать, что в среднюю и верхнюю пору четвертичного периода климат этой части ойкумены был более благоприятен для жизни человека, чем в настоящее время.

Вопрос о древнейшем очаге первобытного искусства в Монголии также заслуживает особого внимания. Более двадцати лет назад в горах монгольского Алтая скотоводы случайно обнаружили пещеру, высокие своды которой были покрыты выразительными рисунками, выполненными охрой. Первым обследовал этот уникальный памятник в 1952 г. и описал его монгольский ученый О. Намнандорж, а детальное изучение росписей пещеры Хойт-Цэнхэрийн-агуй осуществил палеолитический отряд советско-монгольской экспедиции. О своеобразии росписей алтайской пещеры писал также Н. Сэр-Оджав²¹.

Все исследователи единодушно датируют рисунки эпохой палеолита. Кажется, однако, неожиданным для палеолита изображение признака пола у антилопы, как необычно и изображение верблюда в профиль с головой анфас. Впервые к тому же показана линия горизонта. Как известно, ни на одном из палеолитических рисунков не встречается ни ландшафтный фон, ни символическая линия земли — фигуры на них обычно как бы висят в воздухе. Перечисленные факты заставляют усомниться в одновременности пещерных росписей, хотя в пользу палеолитического возраста

²¹ О. Намнандорж. Из путевых заметок экспедиции 1953 года. — ШУА, 1954, № 1; А. П. Окладников. Центральноеазиатский очаг первобытного искусства. — «Вестник АН СССР», 1967, № 1, стр. 96—104; N. Ser-Odjav. Mongolia and the Civilization of Central Asia. — «Mongolia», 1973, № 4 (13), p. 24.

некоторых из них говорят стиль, тематика рисунков, преобладание копытных, а также символы и знаки, широко известные науке по палеолитической живописи Западной Европы. Но какова бы ни была точная дата рисунков алтайской пещеры, ясно, что весь этот комплекс хронологически размещается в пределах каменного века и что это интереснейший памятник древнего, ранее не известного в центре Азии первобытного искусства. Д. Дорж пишет, что «на скальная живопись Хойт-Цэнхэрийн-агуу ни в чем не уступает и равноценна одно-временным произведениям палеолитического искусства франкокантабрийской области. Она является наглядным свидетельством того, что истоки древнейшего искусства человечества доледниковой эпохи берут свое начало не только на Западе, как общепризнанной родине палеолитического искусства, но и в самом центре Азии — Монголии»¹³.

До 1948 г. неолитические стоянки в Монголии были известны только в четырех аймаках: Южногобийском, Восточном, Центральном и Селенгинском. В настоящее время они открыты во всех аймаках страны. Первые работы, посвященные этим памятникам, относятся еще к 50-м — началу 60-х годов и принадлежат Ц. Доржсурэну и Н. Сэр-Оджаву¹⁴.

Южногобийские комплексы с фрагментами серых керамических сосудов яйцевидной формы Н. Сэр-Оджав вслед за А. П. Окладниковым относит к раннему периоду неолита (IV тыс. до н. э.). Ученый указывает на связь их с приборкальскими культурами, но отмечает среди находок в Бани-заге уникальные украшения — бусы из скорлупы яиц страуса, которых, как известно, не обнаруживали в районах севернее озера Байкал. Фрагменты росписной керамики из Гоби, относящиеся к позднему неолиту, Сэр-Оджав датирует второй половиной III — началом II тыс. до н. э.¹⁵, по аналогии с неолитическими памятниками Маньчжурии, Туркестана и стоянками типа культуры яншао.

Значительным своеобразием отличается неолит восточной части Монголии. Первая небольшая публикация материалов о нем принадлежит академику Б. Ширендыбу и Г. Эрдэмбилэгу¹⁶. К настоящему времени

восточномонгольский неолит хорошо изучен благодаря работам советско-монгольской экспедиции. Открыты стоянки тамцагбулагской культуры со стационарными землянками, со следами зачаточного земледелия и слячими погребениями.

Автор первой монографии о неолите Восточной Монголии Д. Дорж выделил три его этапа, решил вопрос о происхождении неолитических культур, показав их связь с предшествующими культурами и определенную самобытность.

Д. Дорж отрицает идею несамостоятельного развития монгольского земледелия, его зависимости от земледелия Юго-Восточной Азии. Для культуры неолита Восточной Монголии, пишет Д. Дорж, характерна пластинчатая техника обработки кремневых орудий, генетически уходящая в более ранние культуры, а следовательно, истоки этих культур находятся в самой Монголии. О стабильности хозяйства и быта свидетельствует также конструкция домов «тамцагской культуры».

Наконец, заключает автор, «...древнейшим культурным растением в Восточной Монголии было, по-видимому, просо. А как известно, и у нас имеются дикорастущие формы, от которых мог произойти и нынешний вид — метельчатое просо»¹⁷. Таким образом, по мнению Д. Доржа, земледелие в Восточной Монголии возникло самостоятельно из активного собирательства злаков.

Планомерные исследования неолитических поселений и погребений расширили наши представления о культуре, эстетических вкусах и религиозных верованиях людей каменного века. О существовании у них культа предков, о вере в загробную жизнь, о символике красного цвета свидетельствуют погребения, в которых обнаружены костяки, густо окрашенные охрой. О тотемизме и, возможно, культе быка говорит отдельное захоронение черепа этого животного¹⁸.

Бесспорно, наиболее интересным и самым богатым погребением эпохи неолита является раскопанное В. В. Волковым захоронение в местности Норовлийн-ул (Восточный аймак). Там было обнаружено множество украшений: бусы, подвески из просверленных клыков кабана, пастовые подвески, звездчатые бляшки, фигурки животных. Из орудий найдены ножевидные пластины, двулезвийные костяные кинжалы с кремневыми вкладышами. «Однако наибольший интерес представляет каменный амулет с выгравированным на нем человеческим лицом. Это — древнейшее антропоморфное изображение в Монголии. Портрет, несмотря на известный схематизм, очень выразителен и, что любопытно, совершенно лишен характерных монгольских

¹³ Д. Дорж. Периодизация наскальных изображений Монголии. — В кн. Олон Улсын монголч эрдэмтний II Их хурал, т. 1, 1973, стр. 173.

¹⁴ Ц. Доржсурэн. Археологические исследования в 1956—1957 гг. в Увэр-Хангайском аймаке. УБ, 1958; сго же. Состояние изученности каменного века на территории МНР. УБ, 1957, стр. 8; Н. Сэр-Оджав. О неолите Монголии. — «Шинжлэх ухаан» (далее — ШУ), 1956, № 1.

¹⁵ Н. Сэр-Оджав. О неолите Монголии, стр. 16.

¹⁶ Б. Ширендыб, Г. Эрдэмбилэг. Каменные орудия Мунхан сомона. — ШУА мэдээ, 1961, № 3, стр. 44—50.

¹⁷ Д. Дорж. Неолит Восточной Монголии. УБ, 1971, стр. 86—87.

¹⁸ Там же, стр. 88.

черт»¹⁹. Лицо 5000-летней давности — удлиненное, горбоносое, скуластое, с большими глазами. Схематический портрет воспроизводит представителя палеоазиатского населения древней Монголии и в некоторой мере напоминает ранние скульптурные изображения богов американских индейцев. И эта параллель не кажется невероятной, она так же закономерна, как и сходство погребальных обрядов неолитических племен Восточной Монголии (все умершие похоронены в сидячем положении, с подогнутыми коленями) и Америки, являющейся «классической страной сидячих, а вместе с тем скорченных погребений»²⁰.

2. Бронзовый век — период разложения первобытной общины, охватывающий середину II — начало I тыс. до н. э. — долгие годы оставался наименее изученным в древней истории Монголии. Между тем это было время больших социально-экономических перемен, формирования военной демократии, выделения вождей и военной знати, время важнейших изменений и в хозяйственной деятельности и в идеологии населения Центральной Азии. В позднем бронзовом веке завершается процесс складывания кочевого скотоводческого хозяйства, на многие столетия определившего особенности быта, культуры и экономики. С этими изменениями связаны и такие крупнейшие исторические события, как передвижения кочевых племен в эпоху «великого переселения народов», которые привели к изменению политической и этнической карты не только Центральной Азии, но и соседних территорий.

Изучение бронзового века Монголии начинается, как и повсюду, с поисков его самой ранней стадии — энеолита. Стоянки его открыты в гобийских аймаках, однако ввиду отсутствия четкой стратиграфии на памятниках южногобийских зон и вообще из-за недостаточной изученности этого периода все еще остается много нерешенных вопросов. По мнению Н. Сэр-Оджава, есть основания видеть истоки культуры бронзы в памятниках позднего неолита, открытых на юге и востоке страны²¹.

Что касается развитого бронзового века Монголии, то представления о нем, и прежде всего о культуре карасукского типа, значительно расширены благодаря публикациям Н. Сэр-Оджава, Д. Наваана, Д. Дор-

жа и В. В. Волкова²². О случайно найденных в Монголии карасукских предметах, о высоком мастерстве литейщиков и художественном совершенстве карасукских бронз написано немало. Но до сих пор в археологической литературе нет единого мнения ни о происхождении самой карасукской культуры, ни о происхождении и дате так называемых «оленных камней» и их связи с предшествующей культурой, ни тем более о происхождении знаменитого звериного стилия, который богато представлен в Монголии своеобразным вариантом.

Раскопки последних лет еще не дают достаточного материала для классификации «плиточных могил». Но можно предположить, что именно среди «плиточных могил» (большая часть которых датируется скифским временем) следует искать их более ранний прообраз и что древнейшие из этих могил уже и сейчас могут быть отнесены к эпохе бронзы. В подтверждение можно сослаться на раскопанную В. В. Волковым и Д. Навааном могилу в Тэвш-уле (Увэр-Хангайский аймак, предгорья Алтая), где были найдены пастовые бусы и две массивные золотые заколки для волос. Правда, В. В. Волков склоняется к более поздней дате. «По технике литья, — пишет он, — и некоторым стилистическим особенностям головки животных напоминают скульптурные навершия карасукских кинжалов, но в целом комплекс должен быть датирован, видимо, скифской эпохой»²³. Между тем и наличие пастовых бус, и форма заколок, и более всего скульптурные навершия в виде голов горных баранов с круто закрученными рогами, скорее, говорят в пользу более ранней датировки этих уникальных украшений. В карасукскую эпоху неизвестна только инкрустация бирюзой по золоту (ибо вообще неизвестны инкрустации), но аналогичных изображений голов диких животных в бронзе (на ножах, кинжалах, шильях) найдено большое количество, и все они по сходству с орудиями и оружием из погребальных комплексов Южной Сибири четко датируются карасукским временем²⁴.

²² Н. Сэр-Оджава. Бронзовый век Среднегобийского аймака. УБ. 1964; Д. Наваан. Бронзовый век Восточной Монголии (автор. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук). УБ, 1973; Д. Дорж. Петроглифы бронзового века из Монголии. — «Эртний судлал угсаатны зүйн бүтээл», УБ, 1963; В. В. Волков. Бронзовый кинжал из Южного Гоби. ШУТ, УБ, 1959, № 1; его же. Бронзовый и ранний железный век северной Монголии. УБ, 1967; В. В. Волков, Э. А. Новгородова. Карасукские привески из Монголии. — «Советская археология», 1960, № 4.

²³ В. В. Волков. Раскопки в Монголии. — «Археологические открытия 1971 года». М., 1972, стр. 556.

²⁴ Э. А. Новгородова. Центральная Азия и карасукская проблема М., 1970.

¹⁹ В. В. Волков, Э. А. Новгородова. Археологические исследования в Монголии. — «Археологические открытия 1972 года». М., 1973, стр. 498.

²⁰ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III. — «Материалы и исследования по археологии», № 43. М., 1950, стр. 314.

²¹ Н. Сэр-Оджава. Древняя история Монголии (XIV в. до н. э. — XII в. н. э.), автор. дис. на соиск. уч. степ. доктора ист. наук). Новосибирск, 1971, стр. 10.

Монгольский археолог Д. Наваан, наоборот, считает, что все «плиточные могилы» могут быть отнесены к эпохе бронзы²⁵. Действительно, нелегко различить грань между культурами конца бронзового и раннего железного века в Монголии. По мнению Д. Наваана, это еще раз подчеркивает непрерывность развития карасукской культуры и следующей за ней культуры «плиточных могил». Точнее было бы сказать, что на востоке страны наблюдается преемственность от эпохи бронзы до культур «плиточных могил», тогда как на западе прослеживается непрерывная связь между карасукской культурой и культурой «оленных камней».

Интересно, что на многих «оленных камнях» высечены ножи и кинжалы карасукской формы с типично карасукскими навершиями в виде голов коня, лося, оленя, барса и др. Следовательно, культуры «оленных камней» и «плиточных могил» уходят корнями в бронзовый век, и первая из них тесно связана с карасукской культурой, и тогда естественно предположить, что часть «оленных камней» могла быть высечена еще в позднебронзовом веке.

Таким образом, в Монголии уже в бронзовом веке можно проследить истоки того стиля, который позднее сложился в своеобразное направление, получившее повсюду название звериный стиль. Традиции карасукских мастеров, отливавших из бронзы ножи и кинжалы со скульптурными навершиями, не были утрачены и прослеживаются в искусстве создателей «оленных камней»²⁶.

В эпоху складывания кочевого хозяйства, больших передвижений и тесных контактов с соседними иноязычными народами в Западной Монголии, судя по петроглифам, появился совершенно новый вид транспорта — двух- и четырехколесные колесницы с впряженными в них парами, тройками и четверками коней. Существует несколько мнений по поводу их датировки. Д. Дорж и вслед за ним Н. Сэр-Оджав предполагают, что повозки появились в Монголии в III—I вв. до н. э. А. П. Окладников, приняв изображение возницы за штандарт скифского типа, высказался за скифо-тагарский возраст. В. В. Волков, открывший и описавший большую серию колесниц Монголии, а также П. М. Кожин и Э. А. Новгородова датируют их концом эпохи бронзы, карасукским временем²⁷.

²⁵ Д. Наваан. Бронзовый век Восточной Монголии, стр. 9.

²⁶ Э. А. Новгородова. Новые памятники искусства древней Монголии. — «Монголын эртний туух-соёлын зарим асуудал», УБ, 1972.

²⁷ См. Д. Дорж. Периодизация наскальных изображений Монголии. — «Олон Улсын монголч эрдэмтний II Их хурал». Т. 1, УБ, 1973, стр. 173; N. Ser-Odjav. Mongolia and the Civilisation of Central

Итак, карасукскую эпоху в Монголии можно охарактеризовать как время появления высокохудожественной бронзы, распространения на западе страны, в горах монгольского Алтая, легких колесниц, о которых стало известно благодаря открытию серии петроглифов бронзового века. Это была также эпоха зарождения своеобразного монгольского звериного стиля.

3. Ранний железный век. Раскопки «плиточных могил», анализ «оленных камней» уже сейчас позволяют сделать первые, предварительные обобщения и дать общую характеристику раннего железного века.

В Восточной Монголии, в верховьях Керулена, много лет велись работы под руководством Х. Пэрлээ, и Д. Навааном раскопано более 200 «плиточных могил», большая часть которых может быть отнесена к скифской эпохе. Д. Наваан считает, что именно «плиточные могилы» — наиболее типичный памятник Восточной Монголии. Для них характерно погребение покойного в вытянутом положении головой на восток, кое-где отмечены следы подсыпки охрой²⁸. Отмечая преемственность традиций, сложившихся еще в неолитическую эпоху, автор справедливо замечает, что среди «плиточных могил» Восточной Монголии можно выделить и наиболее ранние (относящиеся к бронзовому веку) и более поздние (очевидно, имеется в виду ранний железный век). Д. Наваан разделяет мнение В. В. Волкова о неоднородности древнего населения Монголии в I тысячелетии до н. э. и об определенном этническом своеобразии культур, обнаруженных в бассейне рек Керулена и Онона²⁹.

«Оленные камни» — памятник монументальной скульптуры — интереснейший документ древней истории Центральной Азии. Эти стилизованные изображения древних воинов позволяют реконструировать не только одежду воинов VIII—V вв. до н. э. (а иногда и более древних), но и представить себе быт, верования и мировоззрение племен, населявших страну в ту бурную эпоху. Н. Сэр-Оджав пишет, что эти громадные памятники (высота их 1—2 м, реже — 2,5 м) ставились далеко не каждому воину³⁰ и, следовательно, еще раз свидетельствуют о глубоком разложении рода.

Asia, p. 24; А. П. Окладников. Олень — золотые рога. М.—Л., 1964, стр. 210; В. В. Волков. Древние колесницы монгольского Алтая. — «Монголын эртний туух-соёлын зарим асуудал», УБ, 1972, стр. 87; П. М. Кожин. Гобийская квадрига. — «Советская археология», 1968, № 3, стр. 36; Э. Новгородова. Дорогой древних колесниц. — «Вокруг света», 1971, № 3.

²⁸ Д. Наваан. Бронзовый век Восточной Монголии, стр. 9.

²⁹ Там же, стр. 11.

³⁰ Н. Сэр-Оджав. Памятники бронзового века. — «Монголия», 1961, № 3, стр. 12.

о выделении знати и вождей. Автор пишет, что главным божеством воинов было солнце, которое древние художники изображали в виде бегущего оленя (отсюда — название «оленных камней»).

Ту же мысль о космогонических культах в древней Монголии развивает Д. Наваан. По его мнению, совпадение числа изображенных на «оленном камне» животных (олений, лосей, джейранов и пр.) с числом звезд в том или ином созвездии может означать, что древние жители Монголии поклонялись небесным светилам³¹. Заметим, что автор принимает во внимание лишь один признак — число, ибо расположение фигур животных на стелах достаточно канонизировано и не имеет сходства ни с одним из созвездий, да и само совпадение чисел — случайное, а не закономерное явление.

Н. Сэр-Оджав, пытаясь дать предварительную классификацию памятников I тысячелетия до н. э., выделяет как наиболее ранние «оленные камни» Шинэ-Идэр сомона (на севере страны, в Хубсугульском аймаке) и им подобные³². Стелы этого типа имеют три зоны: верхняя соответствует голове, средняя, где выбиты фигуры стоящих оленя и кабана, — туловищу, а на нижней высечены пояс и полный поясной набор — кинжал, боевой топор, нож, точило и пр. «Оленные камни» с более стилизованными фигурами животных Сэр-Оджав относит к сравнительно более позднему времени.

Археологические исследования в Монголии разворачиваются столь быстрыми темпами и так велики открытия каждого нового полевого сезона, что неудивительно было появление уже в 1972 г. новой точки зрения. В. В. Волков пишет, что «в свете новых находок, позволяющих пересмотреть периодизацию оленных камней, древнейшими из них представляются стелы со стилизованными фигурками оленей», а стелы с изображениями стоящих зверей относятся к более позднему времени³³.

Изучением памятников раннего железного века вот уже почти десять лет занимается специальный отряд под руководством В. В. Волкова. За эти годы раскопаны десятки «плиточных могил» и сотни «оленных камней», керексуры и каменные ящики. По размаху и итогам работ выделяются раскопки в окрестностях Улангома — центра Убсунурского аймака.

³¹ Д. Наваан. «Оленные камни» и их разнотипность. — «Туухийн судлал», УБ., 1969, стр. 31.

³² Н. Сэр-Оджав. Древняя история Монголии (XIV в. до н. э. — XII в. н. э.), стр. 12.

³³ В. В. Волков. Основные итоги работ советско-монгольской историко-культурной экспедиции. — «Тезисы докладов (на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 года)». М., 1972, стр. 347.

Улангомский могильник, давший название улангомской культуре середины I тысячелетия до н. э., оказался богатим памятником с большим числом сохранившихся нетронутых погребений. Этот большой могильник, очевидно, заполнялся в течение длительного времени, не потому ли погребения представлены двумя вариантами: коллективными захоронениями в бревенчатых срубах и одиночными или парными — в каменных ящиках³⁴.

Все погребенные — в скорченном положении, на боку (левом или правом), головой на север. Инвентарь представлен очень богато: бронзовые и железные ножи, костяные и бронзовые наконечники стрел, костяные художественно оформленные бляхи, одна из них — с резным изображением оленей в летящем галопе, кинжалы и зеркала, украшенные изображениями птичьих головок, баранов и оленей. Самую большую серию составляют многообразные по форме сосуды, вылепленные вручную. Среди них преобладают узкогорлые вазы, изысканно украшенные налепными орнаментами. Бесспорный интерес представляет сосуд с налепными фигурками оленя и козла. Это пока первая и единственная находка в Центральной Азии, позволяющая с достаточной точностью датировать большую серию аналогичных изображений животных на наскальных рисунках, причем не только Монголии, но и Тувы и других смежных территорий. Могильник же (большая его часть) может быть отнесен к позднескифской поре — к V—III вв. до н. э.

Керамический материал из раскопок в Улангоме, а также предварительное заключение Н. Н. Мамоновой о палеоантропологических данных указывают на западные и северо-западные связи этой части древнего населения Монголии и свидетельствуют о резком отличии материальной культуры западных племен от культуры их восточных соседей. Это еще раз подтверждает гипотезу В. В. Волкова о существовании в Монголии двух этнических зон в середине I тысячелетия до н. э.³⁵

Вопросы монгольского этногенеза едва ли не самые сложные в древней истории племен, населявших Центральную Азию. В этом направлении ведут изыскания монгольские, советские, венгерские ученые, но, как справедливо отмечает Н. Сэр-Оджав, сделано пока немного. Естественно, что древние, дописанные периоды истории реконструируются прежде всего по данным археологии, а они позволяют отнести истоки этногенеза уже к эпохе развитой брон-

³⁴ В. В. Волков, Э. А. Новгородова. Археологические исследования в Монголии, стр. 488—499.

³⁵ В. В. Волков. Улангомский могильник и некоторые вопросы этнической истории Монголии. — В сб. Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. УБ., 1974, стр. 69—72.

зы, ибо элементы этноса прослеживаются от карасукской культуры к последующей культуре эпохи раннего железного века.

4. Хунны (или хунну, или сюнну). История и культура хуннов тесно переплетается с историей соседних народов и прежде всего ханьского Китая. Поэтому неудивительно, что сведения о них богаты, разнообразны и достаточно противоречивы. В связи с этим археологические данные служат дополнительным источником и порою подтверждают письменные сведения, а порою противоречат им. Что же касается быта и материальной культуры, то для их характеристики археология является по-прежнему основным и незаменимым источником.

В этой области в МНР за последние полтора десятилетия сделано немало. Определенным этапом в изучении истории хуннов была книга Ц. Доржсурэна «Северные хунну»³⁶. В ней обобщены результаты раскопок автора (1952—1957), а также содержатся неизданные материалы предшественников, например Симуклова.

Ц. Доржсурэн датирует все хуннские памятники (курганы, городища) в пределах между II в. до н. э. и I в. н. э. Он отмечает значительную оседлость хуннов, перечисляя поселения и городища того времени, и указывает на определенную роль земледелия. Заслуживает особого внимания раздел о происхождении культуры северных хуннов, в котором автор выдвигает в качестве гипотезы идею ее родства с предшествующей культурой раннего железного века. В подтверждение этой гипотезы он ссылается на сходство керамики, орудий труда обеих эпох и некоторых декоративных деталей предметов быта. Автор обращает внимание на ряд тамгообразных знаков, встречающихся на хуннской посуде, и приходит к выводу, что почти все они вошли в древнетюркский алфавит³⁷. Вслед за известным монгольским историком Н. Ишжамцем автор утверждает, что хунны были монголоязычными. Однако вопрос о языке хуннов, на наш взгляд, все еще остается спорным и требует новых исследований. Они ведутся учеными МНР и других стран³⁸.

После выхода в свет книги Ц. Доржсурэна раскопки хуннских погребений в МНР непрерывно продолжались, хотя, к сожалению, до сих пор далеко не все материалы опубликованы. В 1960 г. тот же автор совместно с В. В. Волковым получил интересный материал при раскопках в Кобдоском аймаке. Несколько лет подряд большие раскопки хуннских погребений производила монгольско-венгерская археологическая экспедиция. В 1960—1964 гг. Х. Пэрлээ и Н. Сэр-Оджав обнаружили на реке Сельбе

(недалеко от Улан-Батора) в хуннских могилах с дромосом богатые конские наборы: удила, псалии, пряжки. В 1962 г. И. Эрдэли и Д. Наваан копали могилы на реке Хунигол и в горах Ноин-ула, летом 1974 г. работы на Хуниголе успешно продолжали И. Эрдэли и Д. Цэвэндорж.

Хуннские погребения были раскопаны также советско-монгольской историко-культурной экспедицией. В городе Дархане работал специальный стационарный отряд, раскопавший 5 хуннских могил. В деревянных гробах и у их изголовий были найдены бусы из бирюзы, бляхи, сосуды, украшенные росписями охрой³⁹. В 1971 г. В. В. Волковым открыты и раскопаны хуннские погребения в районе Хошо-Цайдама, недалеко от знаменитых древнетюркских памятников. В двухъярусной могиле обнаружено парное погребение, которое четко датируется по обломкам ханьского зеркала. В Тэвшуле В. В. Волков зафиксировал несколько могильников, расположенных в самой высокой части долины на склонах гор. В 1971 и 1972 гг. В. В. Волков и Д. Наваан раскопали восемь хуннских каменных курганов, в которых обнаружили погребальные камеры, перекрытые деревянными настилами. В дощатых гробах, покрашенных в фиолетовый и желтый цвета, лежали ханьские зеркала, обломки лаковых чашечек, бусы и пряжки. В мужских погребениях обнаружены луки и наконечники стрел. На одном из гробов стояло большое деревянное блюдо на четырех квадратных ножках. В северной части камер неоднократно зафиксированы кости животных, среди которых преобладали черепа козлов и баранов.

В 1973 г. хуннские погребения были открыты в Улангомском могильнике недалеко от вышеописанных курганов скифского времени. Советско-монгольская экспедиция продолжала также поиски и исследования хуннских городищ⁴⁰.

В последние годы в МНР появились интересные исследования по проблемам хуннской и сяньбийской политической и экономической истории, этногенеза и языка. Среди них прежде всего следует упомянуть статьи и монографии монгольского востоковеда Г. Сухбаатара.

Опираясь на материалы хуннской и сяньбийской истории, используя данные китайских источников, автор приходит к выводу, что хунны и сяньби имели общее происхождение. В этом его убедил единая территория их обитания, общая этнонимия, а также единство многих элементов культуры. И у тех, и у других прослежены пережитки дуальной организации. Являясь этнически еди-

³⁶ Ц. Доржсурэн. Умард хунну. УБ, 1961.

³⁷ Там же, стр. 104—105.

³⁸ Gerhard Doerfer. Zur Sprache der Hunnen. — «Central Asiatic Journal». Wiesbaden, 1973, v. XVII, № 1.

³⁹ В. В. Волков, Ю. С. Гришин. Раскопки и разведки в Монголии. — «Археологические открытия 1969 года». М., 1970.

⁴⁰ Э. В. Шавкунов. Обследование хуннских городищ в Монголии. — «Археологические открытия 1972 года». М., 1973.

ым племенем, хунны и сяньби смешались, али начало тобасцам.

Ссылаясь на китайские источники, Г. Сухбаатар доказывает, что со II в. до н. э. хунны имели письменность. Ученый предполагает, что они заимствовали индийское письмо «брахми», а от хуннского письма, по его мнению, происходит древнетюркское. Что касается сяньбийцев, то они заимствовали руническое письмо у хуннов, а уже к древним тюркам это письмо пришло от сяньбийцев, тобасцев и жужаней⁴¹.

Названия тобасских книг показывают, что тобасцы имели и письменную традицию, и развитую систему письма, и науку о языке. Предположение о том, что протомонгольские племена хуннов пользовались руническим письмом, не раз обосновывал и монгольский лингвист А. Лувсандэндэв. По его мнению, это письмо было консонантно-вокализированным⁴².

Таким образом, проблемы монгольского этногенеза и происхождения древнейшего в Монголии рунического письма привлекают к себе все большее внимание монгольских ученых. Можно надеяться, что будущие исследования и раскопки откроют новые памятники не только с руническими, уйгурскими и согдийскими текстами, но и с древнейшими прототюркскими образцами.

Значительным пробелом в археологическом исследовании МНР все еще остается промежуточный период между хуннским племенным союзом и древнетюркским каганатом, заполненный междоусобными войнами тоба, жужаней и других племен. Что касается жужаней, то им посвящена ряд исследований Ц. Хандсурэн, изучавшая их быт, обычаи, свадебные ритуалы и пр. Автор устанавливает связь между обычаями жужаней и предшествовавших им племен ухуань и сяньби⁴³.

Подводя итог многолетней работе монгольских исследователей по проблемам раннего этногенеза, отметим, что им удалось проследить определенную преемственность культур, начиная с эпохи неолита, хотя некоторые их выводы имеют гипотетический характер. Д. Дорж отмечает даже связь между микролитическими культурами донеолитического периода и культурами эпохи неолита (на материалах Восточной Монголии);

В. В. Волков и Ц. Доржсурэн проследили преемственность культур эпохи бронзы и раннего железного века, с одной стороны, и хуннов — с другой. Г. Сухбаатар установил сохранение хуннских традиций у сяньби и тоба⁴⁴, а Ц. Хандсурэн констатировала преемственность в обрядах и обычаях от племен ухуань и сяньби до жужаней.

5. Древние тюрки. Эпоха древнетюркского каганата достаточно хорошо изучена и по письменным, и по археологическим данным. В Монголии сохранились многочисленные памятники древнетюркской эпохи: обелиски с назидательными речами мудрых каганов и их полководцев, каменные изваяния предков в полном вооружении, могилы и целые поминальные комплексы (Тоньюкука у Найлхи, Кюль-Тегина и Билтеге-кагана в Хошо-Цайдаме).

Новые открытия советско-монгольской экспедиции. Летом 1970 г. во время раскопок древнетюркского погребения на берегу озера Цагаан-Нур была открыта новая стела с руническими текстами (раскопки В. В. Волкова и Н. Сэр-Оджавы). Ее постамент в виде традиционной каменной черпахи и нижняя часть были найдены ранее, до начала раскопок. Ныне стела собрана полностью из трех больших обломков и хранится в Институте истории АН МНР в Улан-Баторе. Обнаружены также новые древнетюркские надписи в различных аймаках страны⁴⁵.

Результатом многолетних исследований явилась монография Н. Сэр-Оджавы «Древние тюрки»⁴⁶, в которой тюрки Монголии рассматриваются не изолированно, а в тесной связи с соседними тюркоязычными и монголоязычными племенами и народами. Используя новый и ранее накопленный археологический и эпиграфический материал, автор проследил возникновение, развитие и падение древнетюркского государства. Н. Сэр-Оджав дал полную сводку каменных изваяний Монголии, присоединил к мнению тех ученых, которые считают, что балбалы — ряды камней у древнетюркских памятников — изображают не воинов, а число убитых врагов. Подтверждением местной традиции автор считает изображение чаши в руках воинов, равно как и обычай держать ее двумя руками.

⁴¹ Г. Сухбаатар. Сяньби, стр. 22, 31, 37.

⁴² М. Шинэхуу. Древнетюркские надписи из Дарив сомона. — «Монголын эртний туух-соёлын зарим асуудлал». УБ, 1972, стр. 135—145; Б. Базилхан. Ручная печать с древнетюркской надписью. — ШУА мэдээ, стр. 74—75; В. А. Лифшиц. Согдийская надпись из Бугуда. — «Олон Улсын монголч эрдэмтний II Их хурал». Т. 1. УБ, 1973, стр. 243—250; С. Г. Кляшторный. Руническая надпись из Восточной Гоби. — Studia Turcica, Budapest, 1971, стр. 249—258.

⁴³ Н. Сэр-Оджав. Эртний турэгүүд (VI—VIII века). УБ, 1970.

⁴¹ См. работы Г. Сухбаатара: Сяньби. УБ, 1971; Этническая связь между хунну и сяньби. — «Туухийн судлал». УБ, 1969, стр. 47—66; К вопросу об этнической принадлежности хуннов (сюнну). — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 1; О существовании собственной письменности у хуннов. ШУА мэдээ, 1967, № 2, стр. 73—80.

⁴² А. Лувсандэндэв. Из письменных традиций кочевников Центральной Азии. — Сб. «Роль кочевых...», стр. 185.

⁴³ Ц. Хандсурэн. О быте и обычаях жужаней. — «Туухийн судлал». УБ, 1969; е е же. Некоторые вопросы истории жужаней, УБ, 1968.

Новый ответ предлагает Н. Сэр-Оджав на вопрос о том, кто и когда отбивал головы каменным изваяниям. Он связывает это с проникновением в Монголию буддизма. Тюрки, как известно, поклонялись голубому небу, солнцу, у них существовал культ предков, и ученый полагает, что головы древнетюркским идолам отсекали носители новой религии. Особое внимание автор уделяет взаимовлиянию культур, контактам древних тюрков с соседними народами и племенами. Что касается общественного строя, то у древних тюрков было, по мнению автора, как и у жужаней, ранее феодальное государство.

Проблема контактов центральноазиатских скотоводов с земледельческими племенами юга и скотоводами и охотниками севера очень сложна. Монгольские историки неоднократно возвращались к ней. Выше приводилось мнение Д. Доржа о независимом развитии земледелия в древней Монголии. В эпоху бронзы, когда усилилось передвижение племен, появилась большая потребность в контактах и обмене. Это привело к тому, что племена Центральной Азии стали связующим звеном между народами Азии — Средней и Северной — и народами, обитавшими к югу от Монголии. Н. Сэр-Оджав уделяет много внимания истории древних связей между карасукскими племенами Южной Сибири и Монголии, а также связям этих племен с земледельцами Китая в XIV—VIII вв. до н. э., разделяя точку зрения советских археологов⁴⁷.

⁴⁷ Н. Сэр-Оджав. Древняя история Монголии, стр. 13.

В докладе «Кочевые народы и цивилизации Центральной Азии» Н. Сэр-Оджав снова поставил вопрос о контактах кочевых племен с соседними цивилизациями. Возражая А. Тойнби, он говорил, что нельзя отрицать роль кочевников в освоении обширных территорий, в развитии навыков ухода за скотом, напомнил, что они ввели в обиход узду, седло, повозку, мобильные виды жилищ (кибитки, юрты, гэры)⁴⁸. Н. Сэр-Оджав отметил также неправомерность изучения скотоводов и земледельцев как антагонистических групп, считая, что историки преувеличивают разрушительные действия кочевников⁴⁹.

Таковы в общих чертах некоторые итоги археологических, этнокультурных и эпиграфических исследований, проводившихся в Монголии в последние десятилетия. Продолжение работ, несомненно обогатит науку новыми не менее интересными данными об историческом прошлом страны, о роли кочевых народов в цивилизации Азии, о вкладе ее народов в мировую цивилизацию.

⁴⁸ Н. Сэр-Оджав. Кочевые народы и цивилизация Центральной Азии. — «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии», стр. 277—281.

⁴⁹ См. Е. И. Кычанов, Э. А. Новгорова. Международный симпозиум в Улан-Баторе. «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии», проводившийся под эгидой ЮНЕСКО в Улан-Баторе в мае 1973 г. — «Народы Азии и Африки», 1973, № 6.

Китайская тема в творчестве С. М. Третьякова

Р. С. Белоусов

Столетиями реальная жизнь Китая была, по существу, неизвестна в Европе. Колониально-экзотическая литература и искусство создавали вымышленный образ древней страны — как страны причудливых пагод и пряной экзотики.

В отличие от ложных и тенденциозных представлений о Китае представители передовой русской общественной мысли всегда стремились к отражению в литературе и искусстве подлинного Китая «без прикрас». Нашим соотечественникам в высшей степени было присуще чувство уважения к жизни и быту соседнего народа, стремление к изучению его самобытной национальной культуры. С гордостью вспоминаем мы о больших заслугах русских, показавших Китай таким, каков он есть, о вкладе наших неутомимых землепроходцев, ученых-китаеведов и литераторов в изучение Китая. Их усилия немало способствовали установлению добрососедских отношений между нашими народами.

Советские литераторы, заимствуя лучшие в этом смысле традиции у своих предшественников, с первых шагов стремились проникнуть за обманчивую декоративную ширму Востока, показать Китай простых тружеников, страну угнетенных, замученных непосильным трудом рабочих и крестьян. В произведениях советских писателей, созданных в первое десятилетие после Октябрьской революции и посвященных китайской теме, перед нами предстала страшная картина социальной несправедливости, страна, которую называли прародиной голода, но также и Китай, пробудившийся к борьбе против внешних и внутренних врагов, Китай непреклонный в своей решимости сбросить ярмо рабства, борющийся за новую жизнь.

Наши писатели, искренние друзья китайского народа, стремились отразить в своем творчестве главное, характерное, писать так, чтобы в их произведениях на китайскую тему, говоря словами Эгона Эрвина Кнша, была «правда, преломленная сквозь революционное сознание».

Наиболее ярким примером в этом смысле может служить творчество советского писателя Сергея Михайловича Третьякова. Ему

одному из первых удалось лично увидеть и отразить в своих произведениях подлинный Китай середины двадцатых годов.

Китайская тема в творчестве С. Третьякова возникла на мощной волне революционной пролетарской солидарности с борющимся Китаем, пробужденным идеями Октябрьской революции и ее победами. Тема эта стала для С. Третьякова на несколько лет определяющей, ей он уделит особое внимание и посвятит произведения, написанные в различных жанрах — поэмы «Рычи, Китай!» и «Ли-ян упряма», очерки «Джунго», биоинтервью «Дэн Ши-хуа», пьесу «Рычи, Китай!», киносценарии.

Созданные С. Третьяковым в те годы вещи — и это следует особо подчеркнуть — были написаны на основе фактического материала, в результате непосредственного знакомства писателя с китайской действительностью. Это определило их значение для тогдашнего времени, характерного повышенным интересом к Китаю, это делает эти произведения и сегодня для нас интересными с различных точек зрения: истории создания; оценки мировой общественностью и критикой; и что особенно важно — их восприятия и революционизирующей роли в самом Китае.

Каким образом и когда С. Третьяков попал в Китай?

В самом начале двадцатых годов, в разгар гражданской войны, С. Третьяков, тогда начинающий поэт и журналист, оказался во Владивостоке. Здесь он выступает в местной печати, в частности в газетах «Красное знамя» и «Далекая окраина», где под псевдонимами «Жень-Шень» и «Тютюн» печатает стихотворные антивоенные фельетоны, а также материалы, направленные против японских интервентов¹. Здесь же, во Владивостоке, молодой поэт знакомится с Николаем Асеевым, жившим тогда в этом городе, с Н. Чужаком и сотрудничает в журнале «Творчество», который тот редактировал.

¹ Как поэт С. Третьяков печатался в отдельных сборниках с 1915 г. Первая книга его стихов, «Железная пауза», вышла во Владивостоке в 1919 г.

Но вот Владивосток временно оказался во власти интервентов и белогвардейцев. Поэту пришлось покинуть город. Он вынужден пробираться в Читу, к красным, далеким путем — через Тяньцзинь, Пекин и Харбин. Так впервые в начале 1921 г. состоялось первое знакомство Сергея Третьякова со страной, ставшей впоследствии столь близкой сердцу художника. Вспоминая свои начальные шаги по китайской земле, он писал позже, что учился видеть Китай под руководством «щуплого, живого, иронического Ивина»², с которым встретился в Пекине.

И хотя первый визит в страну был сравнительно недолгим, С. Третьяков увидел то главное, что потом нашло такое яркое воплощение в его творчестве. Оказавшись, как он писал, с глазу на глаз с реальным Китаем, он пристально всматривается в повседневную жизнь. Его внимание прежде всего привлекают революционные выступления китайских трудящихся, «изумительный» антияпонский бойкот, возмущают разгул и бесчинства «самодовольной обожравшейся нарядной и надменной иностранки»³. Все это способствует тому, что в нем окончательно рушится «романтическая мечта» об этой стране. В газете «Шанхайская жизнь» Сергей Третьяков выступает со стихами, печатает статью о «Мистерии-буфф» В. Маяковского — едва ли не первое упоминание о великом поэте в Китае. Вот что пишет, например, М. И. Казанин, советский дипломат, находившийся в то время в Пекине: «Событием для русской интеллигенции был приезд из Тяньцзиня поэта Сергея Третьякова. Он читал стихи — свои и Маяковского, сделал несколько блестящих, остроумных докладов о новой русской поэзии»⁴. Выступая как страстный пропагандист новой революционной литературы, С. Третьяков делает доклады об искусстве и революции в советской колонии Пекина, «запаривает, — как он пишет, — бесконечные споры о футуристическом и пролетарском искусстве», разъясняет политику молодого Советского государства в области культуры»⁵.

Весной 1921 г. С. Третьякову удалось через Харбин добраться до Читы, откуда он направился в Москву.

Вскоре после приезда в столицу, он делает доклад в Народном комиссариате просвещения о китайских впечатлениях. К этому же времени относятся и его первые творческие замыслы, навеянные пребыванием на

китайской земле, — он обдумывает сюжет пьесы под условным названием «Голубой экспресс». Действие ее должно было происходить в Китае и разворачиваться вокруг так называемого линченского инцидента, когда голодные и бесправные китайские крестьяне, по-существу превратившиеся в деклассированные элементы, захватывают экспресс Шанхай — Тяньцзинь. В числе пассажиров — американские бизнесмены, английские толстосумы, служители церкви, компрадоры, китайцы-купцы, белогвардейские офицеры. Среди этой публики оказывается и бывший красный партизан, сражавшийся на Дальнем Востоке. У него за обшлагом находят портрет Ленина и он рассказывает беднякам о «великом государстве бедных на севере», о том, что произошло за последние годы в Советской России, о революции. Позже С. Третьяков скажет, что о пьесе на эту тему «мы много мечтали в 1923—1924 гг. с Сергеем Эйзенштейном, тогда режиссером пролеткультовского театра»⁶. Однако очень скоро он понял, что надо брать другую тему, ибо «не здесь проходил нерв». Но для этого потребовалось более глубокое и обстоятельное знакомство с китайской действительностью.

Новая встреча Сергея Третьякова с Китаем произошла два года спустя. Теперь он ехал туда как преподаватель русской и советской литературы студентам русской секции Пекинского университета. На этот раз ему, первому советскому писателю, посетившему Китай, довелось пробыть там около двух лет. Направляясь в Пекин, он отчетливо сознавал, что «время литературной алхимии, по которой Китай в коллекции народов есть камень загадочный и неопределимый, миновало», что дело чести советского писателя «рассказать про Китай самую настоящую правду, ибо редкая страна была столь обограна экзотическими писателями государств-колонизаторов»⁷.

На этот раз ему довелось наблюдать Пекин в изумительные, как он скажет, годы и — что немаловажно — «с устойчивого наблюдательного поста, это много благотворнее, чем туристское метанье с места на место»⁸.

В начале 1924 года в Пекинском университете появился новый преподаватель — вы-

² С. Третьяков. Джунго. Очерки современного Китая. М.—Л., 1927, стр. 342.

Книга «Джунго» была создана на основе большого журналистского материала, ранее публиковавшегося на страницах «Правды», «Прожектора», «Советской Сибири» и других изданий. См.: Л. А. Азьмук. Зарубежный очерк С. М. Третьякова. К вопросу о становлении советской документальной прозы. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. Иркутск, 1970, стр. 14.

⁷ С. Третьяков. Дэн Ши-хуа. М., 1962, стр. 26.

⁸ С. Третьяков. Джунго, стр. 3.

² А. А. Иванов (А. Ивин) (1885—1942) — советский Китаевед. Подробно о нем см. в кн.: В. Н. Никифоров. Советские историки о проблемах Китая, М., 1970, стр. 145—146.

³ См. статью С. Третьякова «Штык строк». — «Новый Лесф», 1927, № 8—9, стр. 64.

⁴ См. М. И. Казанин. Записки секретаря миссии. М., 1963.

⁵ См. также: А. Февральский. Первая советская пьеса. М., 1971.

сокий человек в очках с наголо обритой головой. Это был Сергей Третьяков, или, как его тогда называли студенты на китайский лад, Тэ Ти-ко. Московский писатель рассказывал своим ученикам о русской и молодой советской литературе, читал стихи Маяковского и других поэтов, приносил московские журналы и говорил про Москву, про разницу между продразверсткой и продналогом, про то, как хоронили Ленина. Советский писатель разъяснял смысл происходящих в Китае событий — о том, как Сунь Ят-сен в Кантоне усмирил мятеж «бумажных тигров», о захватнической, колониальной политике империалистов, бесчинствующих на китайской земле. Он даже написал небольшую пьесу «Шанхайская трагедия», поставленную во время демонстрации студентами, — «агитку, столь родную сердцу москвича и столь необычную здесь, в Китае, на фоне его древнего, монументального героического театра»⁹. Иными словами, как справедливо отмечает профессор В. О. Перцов, советский писатель помогал разбираться в колебаниях политических весов, в сложной обстановке разгорающейся в Китае гражданской войны¹⁰. Об этом же свидетельствует и такой известный пропагандист, переводчик и исследователь советской литературы, как профессор Цао Цзин-хуа. В письме к автору этих строк он писал: «С 1922 по 1924 г. я учился на секции русской литературы Пекинского университета. В то время там было всего три преподавателя, и все трое русские. Одним из них был С. Третьяков. Он читал нам лекции по истории русской литературы, горячо сочувствовал антиимпериалистическому движению китайского народа, сочувствовал движению «красных пик» в китайской деревне, выступал против итальянских фашистов». Далее Цао Цзин-хуа говорит: «В области литературы и искусства С. Третьяков пропагандировал взгляды группы Леф... Он был хорошо знаком с Маяковским и часто читал нам его стихи»¹¹.

Это свидетельство дополняют собственные записки С. Третьякова о Пекинском университете тех лет, о студентах русской секции, о том, как встретили и как относились к нему его слушатели. Свидетельства эти чрезвычайно ценны, поскольку в них передана не только неповторимая атмосфера, царившая тогда в стенах университета, революционный подъем, дан социальный состав студентов и преподавателей, но и встречаются едва ли не первые в советской печати упоминания о выдающихся деятелях молодой китайской коммунистической партии, о писателях, ученых. Сергей Третьяков видел, как «легкой походкой по по-

сольским дорожкам проходил» профессор Ли Да-чжао, один из создателей КПК; а потом встречался с ним в коридорах университета. Вот каким изображает его С. Третьяков, рисуя портрет этого выдающегося революционера по собственным впечатлениям и дополняя их рассказами студентов: «Вытянув шею, слушаем мы стоящего за учительским столом человека. Спутанный хохол его чуть выюхнулся (не по-китайски) волос падает на нежный лоб. Добрые, чуть-чуть опухлые глаза. Большие усы занавешивают рот. Это профессор Ли Да-чжао. Слова его речи протяжны. Он жестикулирует, словно разводит руками кустарники на своем пути»; предлагает студентам создать общество по изучению марксизма, показывает листовку с портретом Маркса, читает «Коммунистический Манифест»; он разъясняет, что революция неизбежна и что главными в ней будут пролетарии — кули, рикши, бурлаки. Ли Да-чжао рассказывает про фабрики и фабричных рабочих и призывает: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»¹² Позже, когда гоминьдановцы зверски расправятся с этим пламенным пропагандистом марксизма, один из бывших студентов С. Третьякова, ставший коммунистом, вспомнит, находясь в Москве, как полицейские, схватившие Ли Да-чжао, вели его «сквозь шеренги банковских клерков и белогвардейских протитуток», как трещали его ребра «от выкрученных рук и творог пены падал с губ»¹³.

В тех же университетских коридорах С. Третьяков встречал человека в длинном халате с сигаретой в руках — «интереснейшего беллетриста нового Китая «Лю-сюня» (то есть Лу Синя), который получал всего один даян за тысячу знаков в газете, писал С. Третьяков, подчеркивая низкий уровень оплаты труда писателя»¹⁴. Тогда же, в Пекине, советский писатель увидел на театральных подмостках несравненного Мэй Лань-фана, с которым в 30-х годах вновь встретится в Москве и между ними установятся теплые, дружеские отношения.

На страницах записей С. Третьякова мы читаем и о других видных политических и общественных деятелях, работников культуры, в частности о Сунь Ят-сене, Цюй Цю-бо, Чэнь Ду-сю, Фэн Юй-сяне, Чжен

¹² Дэн Ши-хуа, стр. 329, 330.

¹³ Там же, стр. 440.

¹⁴ С. Третьяков. Джунго, стр. 231.

Имеется и свидетельство самого Лу Синя, рассказавшего на страницах журнала «Бэньлю» о том, как были переведены на китайский язык в 1926 году поэма А. Блока «Двенадцать» и сборник статей «Литературная дискуссия в Советской России». Лу Синь сообщил, что перевод «Двенадцати» и сборника (предисловия к ним были написаны Лу Синем) сделан при непосредственном участии С. Третьякова. — См.: Лу Синь. Собр. соч., т. 7, Пекин, 1958.

⁹ С. Третьяков. Джунго, стр. 297.

¹⁰ В. Перцов. Сергей Третьяков. — В кн.: С. Третьяков. Дэн Ши-хуа. М., 1962, стр. 12.

¹¹ Из письма Цао Цзин-хуа к автору, от 15.XI.1959.

Чжнь-до, Цай Юань-пэе, о переводчиках русской и советской литературы Цао Цзин-хуа, Чжао Цзу-чене и др. Немало страниц посвящает автор профессору И Фа-эру, то есть А. А. Ивину.

Жить в Пекине С. Третьякову довелось, по его словам, в «изумительные годы». На его глазах, например, взвился на небо красный флаг Страны Советов над нашим посольством в Пекине. Это произошло в мае 1924 г., после установления дипломатических отношений между СССР и Китаем. Он видел и описал советских военных специалистов, которые уже тогда; верные интернациональному долгу, помогали китайскому народу в его борьбе.

Но увидел он и другое. Не раз ему приходилось наблюдать страшную гримасу ярости колонналистов, когда улицы Пекина адели кровью рабочих и студентов. Видел он демонстрацию китайских студентов, которые несли над толпой, как знамя, окровавленную одежду товарищей, избитых полицией. Повсюду в старом Китае мелькали оскорбительные приметы колониализма. И его, советского человека, как и китайцев, не могли не возмущать издевательства выходки, от которых бросало в жар, пылало лицо. Знал С. Третьяков и о том, что англичанин Эверсон дал команду стрелять в демонстрантов 30 мая 1925 г. Эти выстрелы всколыхнули весь Китай. Гнев народа хлестал по лицу «высшую расу», «физиономии колониализма исказила гримаса неуверенности, гримаса гибели»¹⁵, — писал С. Третьяков.

Он видел, как все страшнее становилась эта гримаса и как поднимался гневный Китай против предателей китайского народа и их хозяев-империалистов.

Очевидец революционных выступлений китайских пролетариев, С. Третьяков был, таким образом, и свидетелем того, как лопалась, по его словам, на теле Китая отмирающая кожа средневековой экономики, феодальной схоластики и безмерного рабства — кожа, являвшаяся смирительной рубашкой великого народа. И как бы желая отомстить за его унижения, он там же, в Пекине, начал работать над поэмой «Рычи, Китай!» — «стихотворной клятвой», которая была завершена им уже в Москве. В этой поэме, как и в других его произведениях, посвященных Китаю, отчетливо выражена идея сопротивления народа империализму:

Много стен у Китая
Небо зубами хватают.
Но одна —
    Зубами рвет хлеб изо рта.
Эта стена —
    Посольский квартал.
На этой стене
    «рыжих дьяволов» флаг,
За этой стеной
    тугой кулак.

¹⁵ С. Третьяков. Джунго, стр. 65.

Предвидя грядущую победу народа, поэт восклицал:

Через года
Это будет тогда,
Когда
Миллионы храбрых,
Несущих штыки и гнев,
Шагнут от текстильных фабрик
И сталелитейных огней.
И станет труду иная цена.
Не коппер,
    а Красный Интернационал¹⁶.

Подобное внимание писателя к злободневной теме было естественным и понятным. И вообще, подлинные актуальные события лежат в основе всех произведений С. Третьякова о Китае: «сводкой записей репортера» назвал он свою книжку очерков «Джунго»; под названием одной из лучших его книг — «Дэн Ши-хуа» — стоит лаконичное определение «биоинтервью»; из фактов, точнее, из ряда аналогичных фактов, возникла пьеса-статья «Рычи, Китай!». И в каждой из этих вещей, будь то книжка очерков «Джунго» или биоинтервью «Дэн Ши-хуа», открывшая, по словам Б. Агапова, «впервые Китай не по Элизе Реклю, а новый, революционный Китай»¹⁷, и в пьесе мы видим воплощение творческого принципа С. Третьякова: «глубокого бурения» действительности, глубокого анализа китайской жизни.

Особенно показательным примером такого подхода может служить биоинтервью С. Третьякова «Дэн Ши-хуа» — своего рода семейная хроника, рассказ о судьбе нескольких поколений старых китайских интеллигентов, посвятивших всю свою жизнь борьбе против деспотии правящей династии, а потом против милитаристов, за национальное обновление. На этом общественно-политическом фоне, словно яркими красками по лаку, нарисованы картины китайского быта, начиная с периода подготовки революции 1911 г. и до 1926 г.

Биоинтервью в свое время было переведено на многие языки: сравнительно недавно, в конце 50-х годов, книга вышла в новом издании в ГДР, Польше, Чехословакии, Венгрии, она вошла в том сочинений писателя, изданный у нас в 1962 г. Конечно, ныне многое в ней воспринимается по-иному, сместились акценты, изменились наши оценки некоторых фактов, но и по сей день она сохраняет свою политическую и художественную ценность. В рецензии на последнее издание «Дэн Ши-хуа» чехословацкий синолог Б. Кребсова писала о том, что и сегодня книга С. Третьякова является ценным свидетельством эпохи, ярким, впечатляющим повествованием о Ки-

¹⁶ Впервые поэма «Рычи, Китай!» была опубликована в журнале «Лэф» в 1927 г.

¹⁷ См. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. 1934, стр. 605.

тае первой четверти нашего столетия — времени бурном и необычайном¹⁸.

Аналогичную оценку мы находим и в рецензии на новое немецкое издание книги С. Третьякова, появившееся в переводе такого видного деятеля культуры, как Альфред Курелла¹⁹. Польская печать в свою очередь подчеркивала, что повесть «вновь увлекает читателей описанием подлинных событий», ибо в ней «правдиво отражена жизнь Китая этого времени»²⁰.

История создания этой книги С. Третьякова несколько необычна. Дело в том, что она, по словам писателя, была сделана двумя людьми. Отсюда и определение жанра — биоинтервью. Китайский студент русской секции Пекинского университета некий Дэн Ши-хуа²¹ был «сырьевщиком фактов своей биографии»; из этого сырья писатель и строил книгу, пользуясь, однако, запасом собственных наблюдений и знаний о Китае. Если китайский студент представил «великолепные недра своей памяти», то писатель, долгими часами беседуя с ним, придал сообщенным фактам художественную ценность, осмыслив и организовав их. Приходилось, рассказывал С. Третьяков о том, как шла работа над книгой, рыться в чужой памяти, «как шахтер, зондируя, взрывая, скалывая, отсеивая, отмучивая. Я был попеременно следователем, духовником, анкетщиком, интервьюером, собеседником, психоаналитиком. Часто совсем простую вещь удавалось выудить лишь окольными путями, за долгие часы беседы»²².

Случалось, что писатель с трудом понимал своего «соавтора» — тот говорил порусски с трудом, и тогда приходилось прибегать к помощи карандаша и изображать то, о чем шла речь. Такая скрупулезная документальность в подходе к материалу объяснялась тем, что автор в полемике с «выдумщиками» стремился нарисовать глу-

боко правдивую картину жизни. Именно эту сторону в первую очередь и отметила критика, когда книга вышла в свет, в том числе и прогрессивные зарубежные рецензенты, писавшие, что книга С. Третьякова «ценна тем, что стоит на скрещении науки и искусства и говорит правду о том, что доныне было извращено колониально-экзотической беллетристикой»²³. Однако не только умение видеть, иначе говоря, не одно острое писательское зрение, не только знание истории, культуры и быта китайского народа помогли С. Третьякову создать столь глубоко правдивую, впечатляющую книгу о Китае. Но и то, как справедливо отмечает советский Китаевед К. В. Кукушкин, что писатель «правильно, с марксистских позиций рассматривал те события китайской революции, о которых говорится или упоминается в книге»²⁴.

Таким образом, китайская тема, ставшая в двадцатые годы одной из основных в творчестве С. Третьякова, звучала впервые совершенно по-новому. Оказалось, что не действительность серее фантазии, как высокомерно утверждали, говоря о Китае, западноевропейские «знатоки» этой страны, а фантазия блекла перед реальными фактами.

Столь же крепко связано с конкретными фактами и другое написанное тогда же произведение С. Третьякова — знаменитая пьеса «Рычи, Китай!» — «одна из значительных, славных страниц в истории нашей театральной культуры»²⁵.

Все то, что увидел автор в Китае, — безжалостную эксплуатацию, попрание национальных достоинств, садизм представителей «высшей расы» и ненависть к народу-труженику со стороны тех, что «мышцы Китая с чавком сосали», — все это послужило для создания гневной, разоблачительной пьесы. Это было страстное выступление в защиту борющегося китайского народа, выступление брата по классу, полного желания помочь, поддержать борьбу наших далеких друзей. Это была пьеса, которая несла в Китай «октябрьские повторы», призывала «рычать», сбросить, говоря словами В. Маяковского, «дредноуты империалистов, тушей Кита давних Китай».

Пьеса основана на конкретном факте, имевшем место летом 1924 г.

В это время в центре Китая произошел известный ваньсяньский инцидент. Первый по счету, так как впоследствии здесь же произошли еще несколько, в общем близких по характеру случаев варварского отношения империалистов к китайскому народу. Уздний город Ваньсянь, расположенный в среднем течении реки Янцзы, на ее левом берегу, стал центром событий, всколыхнув-

¹⁸ См. Berta Kребsova. Teng Si-chua. — «Novi Orient», 1959, № 5, s. 99—100.

¹⁹ См. Herbert Bergman. Lebensbericht eines chinesischen Studenten. — «Neues Deutschland», 21.II.1959.

²⁰ «Зерцало», 31.VIII.1958, № 35; «Напше-лай», 10.VIII.1958, № 32.

²¹ По свидетельству Цао Цзин-хуа, настоящая фамилия этого студента была Гао Ши-хуа. «Сначала книга так и должна была называться — «Гао Ши-хуа». В 1926 г. он учился в Московском университете им. Сунь Ят-сена и жил в общежитии на Ильинке. Потом вернулся на родину. В 1927 г. после контрреволюционного переворота Чан Кай-ши в Москву приехал еще один бывший студент из нашей группы, он и посоветовал С. Третьякову переменить название, так как упоминание подлинной фамилии могло тогда сильно повредить ее владельцу». — Из цит. письма Цао Цзин-хуа.

²² С. Третьяков. Дэн Ши-хуа, стр. 27.

²³ С. Третьяков. Дэн Ши-хуа, стр. 28.

²⁴ Там же, стр. 755.

²⁵ Б. Ростоцкий. Драматург-агитатор. — В кн.: Сергей Третьяков. Слышшь, Москва? М., 1966, стр. 226.

ших весь мир. Командир английской канонерки «Кокчефер» (по первоначальному замыслу С. Третьякова и пьеса должна была называться «Кокчефер») навел орудия на город Ваньсянь и потребовал казни двух китайских лодочников-заложников в отместку за погибшего во время ссоры с лодочниками «брата по крови» — агента американской фирмы. Вот, собственно, тот факт, который лег в основу пьесы. Беззаконные действия английского капитана можно было определить словами Лу Синя, с гневом писавшего, что империалисты действуют в Китае по принципу: «В общем, ты виновен, ибо я говорю, что ты виновен».

Ваньсяньский инцидент, как было сказано, отнюдь не был единичным для политики империалистов в Китае. Год спустя, летом 1925 г., английское военное судно «Тиль» обстреляло в провинции Сычуань приблизительно те же места берега Янцзы. Почти в это же время французская канонерка навела орудия на город Ваньсянь, требуя уплаты штрафа за «избиение» французских матросов. Новым актом прямого выступления империалистов против китайского народа стала бомбардировка английскими судами все того же города Ваньсянь в сентябре 1926 г.

Таким образом, тема пьесы типична для Китая того времени, она точно отражала «удивительное однообразие и постоянство» методов колониальной политики империалистов в Китае. Вот почему С. Третьяков говорил, что тема пьесы все время «висела на персе» и что факты дали материал. Говоря о ваньсяньском инциденте, который положен был в основу пьесы, он писал, что ему почти не пришлось изменять его, «случай оказался типовым»²⁶.

Точно выбранная проблема — китайцы и империализм — была особенно острой для того момента революционного подъема в Китае в середине 20-х годов. Отсюда злободневность пьесы С. Третьякова, ее революционность, ее пафос борьбы против колониализма. Все это породило те определения, которыми наделяли эту пьесу, начиная с автора, назвавшего ее «пьесой-статьей», и кончая оценками советской и прогрессивной зарубежной критики, писавшей о пьесе, что это передовица о колониальной по-

литике, «писанная дробью китайских барабанов»²⁷, подчеркивая тем самым агитационную сторону и социальную значимость пьесы²⁸.

Идея сопротивления китайского народа империализму пронизывает всю пьесу. Такое сознательное противопоставление Китая пушкам империалистов вытекало из художественного замысла автора — создать злободневную, публицистическую пьесу, попадающую, как писал С. Третьяков, в сознание аудитории не со страниц газеты, а с театральных подмостков. Поэтому действие пьесы разворачивается на китайском берегу и на английской канонерке «Кокчефер», то есть Китай как бы противопоставляется империалистам, что в общем было оправдано исторической ситуацией тех лет. В своих последующих произведениях, например в поэме «Ли-ян упряма», написанной в 1926 г., С. Третьяков уже по-иному оценивает обстановку в Китае. В это время уже отчетливо намечаются противоречия внутри антиимпериалистического лагеря среди китайцев и «уже не монолитный Китай противопоставлялся единому фронту империалистов, а намечалась та цепь противоположений, которая рассекает классовыми траншеями единую на первый взгляд гущу китайского народа». — писал позже С. Третьяков. А спустя некоторое время, когда гоминьдан открыто перешел на позиции реакции и террора против революционеров, когда, говоря словами С. Третьякова, синее зубчатое колесо гоминьдановского флага, превратилось в зубастый диск, на котором колесовали китайскую революцию, он отмечал, что за истекшие два года сильно изменились наши оценки соотношения сил китайской революции²⁹.

Пьеса «Рычи, Китай!» была написана по горячим следам ваньсяньских событий осени 1924 г.; в январе 1926 г. она была поставлена на сцене Театра им. Вс. Мейерхольда. Постановка вызвала широкий отклик общественности, критика оценила ее как глубоко волнующий, агитационно-мощный спектакль.

Пьесе высоко оценивали многие находившиеся тогда в Москве китайцы. Они отмечали, что пьеса верно вскрывает китайскую действительность и будет восторжен-

²⁶ «Шквал», 1926, № 5.

В то время, как над Янцзы, в Ваньсяне, гремели залпы канонерок и гибли китайские бедняки, в Советской России мощной волной поднималось всенародное движение «Руки прочь от Китая!». Уже в первых числах сентября 1924 г. в газетах было опубликовано воззвание ВЦСПС ко всем трудящимся СССР с призывом в знак солидарности с китайским народом вступить в это общество. По всей стране прокатилась волна несокращаемых митингов, газеты сообщали о сборе средств в помощь бастующим китайским рабочим. (См. «Исторический архив», 1959, № 4, стр. 81; «Известия», 19.VI.1925.)

²⁷ Вера Инбер. Рычи, Китай! — «Шквал», 1926, № 7.

²⁸ О пьесе с восторгом отзывались: А. В. Луначарский, назвавший ее «образцом агитации большого стиля»; В. В. Маяковский, поставивший пьесу в ряд со своей «Мистерией-буфф», тем самым усмотрев в ней «продолжение линии современной революционной драмы»; С. М. Эйзенштейн, увидевший в «превосходной пьесе» С. Третьякова образец «блестящей публицистики». (См. Б. Ростокский, цит. соч. стр. 222; 226; Евгения Хин. Как живой с живыми. — «Звезда», 1959, № 1, стр. 146.)

²⁹ С. Третьяков. Джуно, стр. 4—5.

но принята и понята в Китае, что она «ярко отражает жизнь поработанных китайских рабочих». Соратник Сунь Ят-сена, видный деятель гоминьдана Ху Хань-минь, находившийся тогда в Москве и присутствовавший на спектакле, писал, что пьеса «глубоко прощупывает китайскую действительность», что это ее живое, красочное отражение и что каждый ее отдельный момент — «это трагический крик подъяемого народа, мастерское отражение роста сознательности трудящихся масс». Вместе с тем Ху Хань-минь высказал мысль, что подобная пьеса и ее постановка с точки зрения содержания, ее типов и иден была бы встречена в Китае восторженно³⁰.

С подобной оценкой несколько позже выступил в советской печати и маршал Фэн Юй-сян, старый знакомый С. Третьякова, у которого он взял во время пребывания в Китае интервью, опубликованное под заголовком «В ставке Фэн Юй-сяна»³¹.

Известный прогрессивный японский драматург Акита Удзюку, посетивший нашу страну в 1927—1928 гг. и написавший потом книгу «Молодая Советская Россия», изданную в 1929 г. в Токно, а позже в 1930 г. переведенную на китайский язык, отмечал в этой своей книге пьесу «Рычи, Китай!» и ее постановку на сцене как факт, отражающий революционный подъем и боевую направленность советского искусства³².

Кроме Театра им. Вс. Мейерхольда, пьеса шла на сценах многих городов Советского Союза, была переведена на украинский, грузинский, узбекский, татарский и другие языки народов СССР.

Благодаря революционному пафосу и правде изображения пьеса С. Третьякова очень скоро перешагнула границы нашей родины, став одной из первых советских пьес, поставленных на сценах многих стран мира — Европы, Америки, Азии. Для зарубежных читателей и зрителей в пьесе С. Третьякова Китай оказался, по существу, открытым заново. Пьеса отражала накал борьбы против колониализма, пробуждала сочувствие к угнетенным и ненависть к поработителям. В этом прежде всего и заключалась ее революционирующая роль.

Важно было и то, что пьеса советского автора на антиколониальную тему служила примером нашей политики интернациональной солидарности с угнетенными народами всего мира, была свидетельством того, что Октябрьская революция принесла огромные изменения не только в область политики и экономики, но и в область искусства. И не случайно пьесу «Рычи, Китай!» ставили по воздействию рядом с кинофильмом «Броненосец „Потемкин“», сила которого, как

заметил в свое время А. А. Фадеев, «в исторической правде, в великой идее освобождения людей», которая «присуща подавляющему большинству произведений советского искусства»³³.

Зарубежные зрители восторженно принимали пьесу. Австрийская газета «Арбайтер цайтунг» писала, что «Рычи, Китай!» — драма китайской революции, потрясающая, она имеет политическое воздействие, равное которому было достигнуто до сих пор «Броненосцем „Потемкинским“»³⁴.

Как свидетельствуют очевидцы, за рубежом спектакли выливались в яркую политическую демонстрацию, шли при переполненных залах. Зрители восторженно принимали пьесу, часто «из зрительного зала неслись страстные возгласы. Сцена превратилась в трибунал», — сообщала одна немецкая газета. Другая подчеркивала политическую актуальность пьесы и видела в ней «предостережение сегодняшней Европе...»³⁵. В таллинском рабочем театре артисты в промежутках между актами читали перед зрительным залом сообщения о последних событиях в Китае³⁶. И часто пьеса воспринималась как повод выразить протест, давала толчок для взрыва возмущения против угнетения и насилия, которому подвергались трудящиеся в той стране, где она ставилась: так, например, польская газета «Курьер Поранны» отмечала в те дни, что польский рабочий «кричал криком китайцев о своей собственной трагедии и боли»³⁷.

Имея в виду первую постановку этой пьесы в Германии во Франкфурте-на-Май-

³³ А. А. Фадеев. За тридцать лет. М., 1957, стр. 694—695.

³⁴ Цит. по: «Советский театр», 1930, № 9—10.

Интересно в связи с этим отметить, что после «Броненосца „Потемкина“» С. Эйзенштейн намерен был приступить к созданию фильма о Китае по сценарию С. Третьякова. Еще с осени 1925 г. обсуждался вопрос об отправке киноэкспедиции в Китай для работы над хроникально-документальными и художественными фильмами об этой стране. По заданию Совкино С. Третьяков приступил к созданию сценариев. Намечалось сделать три фильма под общим заголовком «Чжунго», то есть «Китай». Обсуждался также вопрос и об экранизации пьесы «Рычи, Китай!». События в самом Китае помешали осуществить эти замыслы. В статье «Восторженные будни», опубликованной в газете «Рабочая Москва» в феврале 1929 г., С. Эйзенштейн писал: «События в Китае разворачивались головокружительно... Прошла благоприятная политическая конъюнктура в Китае; от фильма на китайскую тему пришлось отказаться».

³⁵ Подробнее об этом см. «Литература Мировой Революции», 1932, № 4, стр. 125—127.

³⁶ «Рахва сына», 3.XII.1932.

³⁷ «Курьер Поранны», 7.IV.1933.

³⁰ «Комсомольская правда», 5.II.1926. В газете воспроизведен также текст Ху Хань-миня по-китайски.

³¹ «Правда», 25.IX.1925; «Красная новь», 1925, № 7; «Вечерняя Москва», 18.V.1926.

³² Цит. по «Гуанмин жибао», 12.IX.1959.

не в 1929 г., Фридрих Вольф писал об «удивительно сильном впечатлении»; по его мнению, наряду с другими произведениями советских драматургов пьеса «Рычи, Китай!» оказала «мощное влияние на развитие революционного театра Запада».

Обращает на себя внимание тот факт, что «Рычи, Китай!» часто ставилась за рубежом в небольших рабочих театрах, на сцене рабочих театров Таллина, Чикаго, в Сиднейском рабочем художественном клубе. В США пьеса была поставлена прогрессивным режиссером Гербертом Биберманом, который знаком советским зрителям по кинофильму «Соль земли», где, продолжая свой опыт постановки «Рычи, Китай!», режиссер снимал не профессиональных актеров, а простых американских шахтеров так же, как в пьесе С. Третьякова все китайские роли у него исполняли китайцы и корейцы, иногда до этого не ступавшие по сцене.

Но если рабочая аудитория горячо принимала пьесу, то первые ряды хранили враждебное молчание. Мнение этой части публики формулировала реакционная пресса, которая в Польше, например, рассматривала это произведение «...с точки зрения польских государственных интересов», как пьесу антигосударственную. Газета «Курьер Львовски» призывала: «Репортаж Третьякова должен быть снят с репертуара, так как тот, кто хочет послушать революционную агитацию, может пойти на собрание коммунистов»³⁸. Реакционные круги буржуазной Эстонии видели в пьесе «Рычи, Китай!» не просто репортаж, а передовицу, «пропитанную специфической большевистской тенденцией от начала до конца»³⁹.

Примечательна в этом отношении история постановки пьесы С. Третьякова в Польше. Здесь она была поставлена в 1933 г. выдающимся польским режиссером Леоном Шиллером на сцене варшавского театра «Атенеум». Спектакль по отзывам критики прозвучал как революционный выстрел. Вспоминая об этой постановке, известный польский писатель Леон Кручковский рассказывает: «Цензура не имела формальных оснований для запрещения постановки пьесы, рисующей борьбу китайского народа за национальное и социальное освобождение». Однако власти панской Польши, сильно обеспокоенные успехом спектакля, предприняли такую «подрывную» акцию: «...под конец спектакля к зданию на Повисле осторожно подъехали так называемые полицейские «фуры», а у входа в храм искусства в два ряда выстроились полицейские в синих мундирах. Покидавшей театр публике было «предложено» занять места в крытых брезентом фургонах, которые и доставили зрителей в один из комисариатов. Там по очереди установили личность изумленных театралов и «вежливо»

отпустили домой». Эта операция, сообщает Л. Кручковский, была повторена несколько раз, и таким образом «одна из лучших художественных постановок Шиллера оказалась «удачно» ликвидирована»⁴⁰.

«Рычи, Китай!» ставилась не только на сценах Европы. Ее играли в Латинской Америке, Австралии. Огромным успехом она пользовалась — и это вполне понятно — у японских зрителей. За пять недель пьеса вышла в Японии в пяти изданиях. А летом 1930 г. была поставлена в Токио новой труппой Цукидзе (режиссером был известный театральный деятель Хидзиката). Присутствующие на этих спектаклях рассказывают о небывалом подъеме, который вызывала пьеса у демократического зрителя. Из зала раздавались враждебные реплики по адресу империалистов, стоял гул: нередко зрители начинали петь революционные песни, и тогда вмешивалась полиция. Не удивительно, что после десяти спектаклей пьеса была запрещена⁴¹.

Особую страницу в сценической истории пьесы С. Третьякова «Рычи, Китай!» представляет ее постановка в Китае. Тем более это важно и событие это преисполнено глубокого смысла, что «Рычи, Китай!» стала вообще первой советской пьесой, сыгранной на китайской сцене. Иначе говоря, сценическая история советской драматургии началась в Китае с постановки пьесы «Рычи, Китай!» в 1930 г.

Однако до этого, еще в 1929 г., она была переведена на китайский язык. Вначале появился перевод Чэнь Шо-шуя в журнале «Лэцзюнь» (т. 2, ч. 10), а вскоре последовал новый перевод Е Чэня, опубликованный в журнале «Дачжун вэньи» (т. 2, ч. 4)⁴². Переводы были выполнены с английского и японского текста пьесы⁴³.

Таким образом, пьеса С. Третьякова оказалась в числе первых произведений советских писателей, переведенных на китайский язык. Незадолго до этого, в 1927 г., появился в переводе Цао Цзин-хуа рассказ Б. Лавренива «Сорок первый», в 1931 г. был издан «Разгром» А. Фадеева и «Железный поток» А. Серафимовича. В тот же год на экранах Китая, как пишет Гэ И-хун, впервые демонстрировался советский худо-

⁴⁰ Леон Кручковский. Театры двадцатых годов. — «Жиче литерацики», 7.1.1953.

⁴¹ Секи Сано. Советские пьесы на японской сцене. — «Бюллетень МОПТ», 1933, стр. 28.

⁴² Гэ И-хун. Русская советская драматургия на китайской сцене (1919—1949). — «Сницзюй луныцун», 1957, № 4, стр. 89—90.

⁴³ Ин Юнь-вэй. Воспоминания о шанхайском театральном обществе «Сницзюй сешэ». — В сб.: «Материалы, посвященные пятидесятилетию движения за драматический театр в Китае». Вып. 2, Пекин, 1959, стр. 6.

³⁸ «Курьер Львовски», 18.V.1932.

³⁹ «Вести дня», 3.XII.1932.

жественный фильм «Буря над Азней» Вс. Пудовкина, завоевавший такую же широкую популярность, как и пьеса «Рычи, Китай!». И это в то время, когда свирепствовала гоминьдановская реакция, цензура подавляла всякое живое слово. Тем не менее именно в этой обстановке репрессий против прогрессивных деятелей культуры работники китайского театра обратились к пьесе С. Третьякова. Осуществить постановку решил Оуян Юй-цзянь — выдающийся театральный деятель, впоследствии директор Театральной академии КНР.

«В то время, — рассказывает Оуян Юй-цзянь, режиссер спектакля, а также исполнитель одной из ролей, — постановку пьесы советского автора было трудно осуществить. Поэтому мы воспользовались годовщиной «событий 23 июня» как предлогом и поставили пьесу...»⁴⁶. Момент выбрали удачно, пьесу разрешили. Спектакль был сыгран в Кантоне силами студентов Гуандунской театральной школы. Первое представление состоялось 23 июня 1930 г.⁴⁷. В нем участвовали почти все студенты — более семидесяти человек.

Всего же состоялось несколько представлений на разных сценических площадках — на сцене какого-либо профессионального театра поставить пьесу тогда не удалось, хотя и был готов план такой постановки. На спектакли собиралось множество зрителей, здесь были ремесленники, рабочие, мелкие торговцы, студенты, многие приходили с детьми. Китайские зрители очень чутко и взволнованно воспринимали происходящее на сцене, и «постановка имела исключительно большое пропаган-

дистское значение»⁴⁶, — вспоминал Оуян Юй-цзянь.

В связи с постановкой пьесы в китайской прессе появился ряд статей. В них наряду с высокой оценкой художественных достоинств пьесы, типичности явлений, показанных в ней, и того, что автор (хотя и не китаец), хорошо разбираясь во внутренних проблемах Китая, сумел создать «свободную от каких-либо искажений пьесу», подчеркивалось ее большое политическое значение для Китая той поры и необходимость знакомства с нею китайского зрителя. Китай, как указывал в одной из опубликованных тогда статей Оуян Юй-цзянь, переживал эпоху, когда эксплуатируемые требовали освобождения, эпоху смертельной борьбы, и пьеса советского автора «помогала столь необходимому в то время росту сознательности масс, их сплочению»⁴⁷. Печать подчеркивала, что пьеса не ограничивается показом страданий, но и дает анализ революционных сил. И так почти всякий раз разговор о пьесе выходил за рамки художественных ее оценок и концентрировался на вопросах политического характера. Пьеса вызвала на размышления о ведущих силах китайской революции, авторы статей констатировали, например, что «самыми угнетенными, теми, кто больше всего страдает от империализма, являются трудящиеся бедняцкие массы Китая» и поэтому они и являются «главной силой китайской революции», только они могут быть «последовательным революционным отрядом»⁴⁸.

Вскоре, в сентябре 1933 г., состоялась вторая постановка пьесы «Рычи, Китай!» — на этот раз в Шанхае силами прогрессивной театральной труппы «Сицзюй сешэ». И снова, как и в Кантоне, постановка была непосредственно связана с политическими событиями, волновавшими тогда весь Китай: как раз в сентябре 1933 г. исполнилось два года с момента вторжения японских захватчиков в Северо-Восточный Китай.

Обстановка в Шанхае складывалась тогда крайне неблагоприятно для работы прогрессивных художников. Гоминьдановцы продолжали проводить политику предательства интересов родины: попустительству агрессии японских империалистов и развертывания гражданской войны в стране. По-прежнему свирепствовал террор против прогрессивных деятелей литературы и искусства. Но вместе с тем продол-

⁴⁶ Постановка «Рычи, Китай!» была приурочена к пятой годовщине «событий 23 июня» 1925 года. В этот день на юге Китая, в городе Кантоне, была совершена одна из возмутительных провокаций колонизаторов: английские и французские солдаты по приказу английского морского офицера обстреляли с территории концессии, расположенной на острове Шамянь, мирную демонстрацию трудящихся. Причем, в расстреле участвовали, как сообщала газета «Известия» (7.VII.1925), и бывшие белогвардейские офицеры. Улица Шацзи (впоследствии переименованная в улицу 23 июня) покрылась кровью невинных людей. За тридцать минут 52 человека из числа мирных демонстрантов были убиты и 170 ранены, причем колонизаторы варварски применили разрывные пули. Так было совершено одно из самых страшных преступлений империалистов на китайской земле. (Подробнее см. Т. Н. Акатова. Шамяньский расстрел 23 июня 1925 г. — «Краткие сообщения Института востоковедения», 1954, № 11, стр. 72—81.)

⁴⁵ Дату привожу по письму Оуян Юй-цзяня от 3.XI.1959 г.

⁴⁶ Юй Цзянь (то есть Оуян Юй-цзянь). О постановке «Рычи, Китай!». — «Сицзюй цзачжи», т. 2, ч. 2, 1930; в 1933 г., как сообщил Оуян Юй-цзянь в письме к автору, он был в Москве и встречался с С. Третьяковым.

⁴⁷ Оуян Юй-цзянь. О массовой пьесе «Рычи, Китай!». — «Сицзюй цзачжи», т. 2, ч. 2, 1930.

⁴⁸ Хэ Цзы-хэп. «Рычи, Китай!», стр. 108—146.

жала нарастать волна народного возмущения и гнева против империалистов.

В этой напряженной ситуации удалось вновь пробить брешь в гоминьдановской цензуре и поставить «Рычи, Китай!» на шанхайской сцене. Помимо того что постановка пьесы сплотила силы прогрессивных театральных работников Шанхая, она явилась, по словам известного театрального деятеля Гэ И-хуна, «большим событием в культурной жизни тех лет и обратила на себя внимание международной прогрессивной общественности»⁴⁹.

По свидетельству Гэ И-хуна, пьесу смогли поставить лишь потому, что удалось организовать многих прогрессивно настроенных работников театра и прорвать пути политического гнета гоминьдановских реакционеров и иностранных колонизаторов.

Шанхайская постановка 1933 г. была исключительной для тех лет по своему размаху и оставила заметный след в истории развития современного драматического театра в Китае. Прежде всего надо сказать, что никогда раньше не ставились в Китае такие большие «многонаселенные» пьесы; не было этого ни на сцене традиционного театра, где, как правило, число действующих лиц ограничено, а декорации, в сущности, отсутствуют; не приходилось подобные постановки осуществлять и на сцене молодого еще тогда современного драматического театра европейского типа. «Рычи, Китай!» — пьеса с большим числом действующих лиц и частой сменой декораций — потребовала от постановщиков немалых усилий. Достаточно сказать, что на этот спектакль было израсходовано более 2 тыс. юаней — цифра немалая по тому времени.

В спектакле было занято около ста человек. Причем, участвовали актеры разных трупп. Любопытно, что на сцене действовали настоящие шанхайские портовые грузчики — всего около тридцати человек. Словом, это была в полном смысле массовая пьеса, как ее называли в Китае. В руководстве постановкой принимали участие многие видные театральные деятели: Ин Юнь-вэй (режиссер спектакля), Ся Янь, Оуян Шань-цзунь, Сунь Ши-и и другие. Помогал своими советами осуществлению спектакля и Тянь Хань, впоследствии, после образования КНР, — председатель Союза театральных работников Китая.

Постановщикам пришлось столкнуться со многими трудностями, в частности с отсутствием помещения. Пьеса требовала большой, современной сцены, подмостки традиционного театра были для нее непри-

годны. Оборудованные же и достаточно вместительные сцены были расположены главным образом на территории иностранного селтльмента. Однако было совершенно очевидно, что здесь не удастся осуществить постановку антиимпериалистической пьесы.

Тогда решено было пойти на хитрость. Ловко использовав англо-французские противоречия в Китае, постановщики обратились за разрешением сыграть пьесу на территории французской концессии, в театре «Хуанцзинь». Должно быть, в пику англичанам французы разрешили снять помещение и показать спектакль. (Интересно отметить, что представления пьесы совпали по времени с работой в Шанхае международной комиссией в связи с «событиями 18 сентября» 1931 г., то есть дня вторжения японцев в Китай)⁵⁰.

И на этот раз пьеса пользовалась большим вниманием публики, «тысячи людей приветствовали ее», — пишет Гэ И-хун. Известие о постановке в Шанхае антиимпериалистической пьесы облетело весь Китай. В октябре 1933 г. пекинская газета «Бэйпин чэньбао» сообщала, что в редакцию приходит много писем читателей с просьбой сообщить, где была издана пьеса «Рычи, Китай!» и как ее достать. В ответе редакции говорилось, что отдельного китайского издания пьесы пока нет; сообщалось также, что эта пьеса русского поэта Сергея Третьякова пользуется большим успехом на сценах Европы, Америки, Японии; газета подробно излагала содержание пьесы, рассказывала о первой ее постановке в Кантоне⁵¹.

Приблизительно в это же время поставить пьесу пытался ряд других театральных коллективов: шанхайская труппа «Дадао цзюйшэ»⁵², студенты Нанкинского университета⁵³ и др.

Так в те грозные годы слова «Нухоу ба, Чжунго!» — «Рычи, Китай!» стали, как писал Эми Сяо, лозунгом борьбы китайских трудящихся⁵⁴. Вскоре, в 1935 г., появился новый перевод пьесы советского автора, вышедший отдельным изданием, через год был издан еще один перевод.

Пьеса «Рычи, Китай!» привлекла внимание и китайских мастеров кисти. Известный художник Лю Куан, друг Лу Синя, создал в 1934 г. «серию гравюр к пьесе С. Третьякова, изданных год спустя от-

⁵⁰ Гэ И-хун. Советские пьесы на сценах Китая. — См. «Дружба», 20.XI.1956, стр. 3.

⁵¹ «Бэйпин чэньбао», 5.X.1933.

⁵² Хоу Фэн. Воспоминания о «Дадао цзюйшэ». — «Материалы, посвященные пятидесятилетию движения за драматический театр в Китае». Вып. 2, Пекин, 1959, стр. 56.

⁵³ «Бюллетень МОРТА», 1933.

⁵⁴ «Интернациональная литература», 1934, № 3—4, стр. 334.

⁴⁹ Гэ И-хун. Русская советская драматургия на китайской сцене (1919—1949). — «Синцзюй лунцунь», 1957, № 4, стр. 92; Чжан Гэ и. История полувековой борьбы, там же, 1957, № 3, стр. 14.

дельным альбомом (в издании принимал участие и Лу Синь)⁵⁵.

Однако и на этом не кончается сценическая история пьесы С. Третьякова в Китае. Через шестнадцать лет, в сентябре 1949 г., уже в освобожденном Шанхае состоялась третья по счету постановка «Рычи, Китай!». Тема пьесы вновь прозвучала актуально. Еще шли бои с чанкайшистскими войсками, которые, несмотря на помощь из-за океана, терпели одно поражение за другим; уже была близка окончательная победа народа. В этот раз пьеса шла под названием «Рычащий Китай». Представления ее пришлось на сентябрь 1949 г. Последний спектакль состоялся 1 октября

---

⁵⁵ Из письма Лю Куана к автору от 8.XI.1959. Лю Куан — автор многих гравюр к произведениям Гоголя, Достоевского, Горького. По словам художника, им был выполнен и портрет С. М. Третьякова.

1949 г. в день провозглашения КНР⁵⁶.

Таким образом, на протяжении многих лет пьеса советского писателя С. Третьякова помогала китайскому народу в его борьбе, призывала сбросить иго порабителю, была одним из тех боевых произведений, в которых, по словам Лу Синя, в ту пору так нуждался Китай.

Страстный пропагандист нового мира, создаваемого у него на родине, в России, С. М. Третьяков, опираясь на традиции интернационализма и гуманизма русской литературы, одним из первых советских писателей обратился к китайской теме. Сделать близкой и понятной жизнь Китая ему помогала родственность задач наших народов в борьбе за новую жизнь. Благодаря этому, а также целому ряду благоприятных обстоятельств, о которых речь шла выше, ему удалось правдиво и ярко запечатлеть китайскую действительность, создать произведения и по сей день входящие в золотой фонд советской литературы.

---

⁵⁶ «Вэньхуэй бао», 14.IX.1949; 1.X.1949.

ВОСПОМИНАНИЯ

Советские летчики защищают Шанхай (1950—1951)

*С. В. Слюсарев,
генерал-лейтенант авиации,
Герой Советского Союза*

Победоносные боевые действия Советской Армии и Военно-Морского флота решили исход войны с милитаристской Японией и ликвидировали очаг фашизма в Азии. Это крупнейшее историческое событие привело к коренному изменению соотношения сил в пользу демократии, национального освобождения и социализма на Дальнем Востоке, создало благоприятные условия для победы китайской революции.

Благодаря всесторонней поддержке прогрессивных сил мира и прежде всего СССР Народно-освободительная армия Китая в трехлетней гражданской войне сумела очистить континентальную часть территории своей Родины от гоминьдановских войск. После освобождения Шанхая Чан Кай-ши с остатками своей армии бежал на остров Тайвань, но часть его войск закрепилась на Лушаньских высотах, в 60 км юго-восточнее Шанхая, и на прибрежных островах. Там располагались два аэродрома для скоростной авиации (истребители и самолеты-разведчики), а тяжелые и средние бомбардировщики чанкайшистских ВВС базировались на Тайване. Авиационная поддержка, организованная американскими специалистами и инструкторами, дала возможность гоминьдановской группировке удерживать этот район еще некоторое время после победы НОАК и провозглашения Китайской Народной Республики. Шанхай и провинция Цзянсу оставались прифронтовой зоной.

С начала марта 1950 г. авиация Чан Кай-ши активизировала воздушную разведку района Шанхая, а затем стала систематически, днем и ночью, бомбить важнейшие объекты города, вывела из строя городскую электростанцию, нанесла удары по узлу связи, радиостанции и по другим объектам. Чанкайшисты стремились создать панику в городе, в Шанхае стали закрываться предприятия, фабрики и магазины, нарушилось снабжение, поднялись цены на продукты питания, усилилась спекуляция.

Шанхай, самый большой по числу жителей город Китая (в то время около 6 млн. жителей), — крупный административный, политический и экономический центр не только Китая, но и всего Дальнего Востока. Гоминьдановцы и их американские покровители пытались ударами по этому району дезорганизовать экономическую, финансовую и политическую жизнь молодой республики. В этой сложной обстановке правительство КНР обратилось за срочной помощью к Советскому правительству.

В то время я служил в Забайкальском военном округе в должности командующего 12-й воздушной армией. В ночь на 20 марта мне по аппарату ВЧ позвонил начальник главного штаба ВВС — маршал авиации С. И. Руденко и приказал с прибытием генерала П. Ф. Батицкого быть готовым лететь в Пекин для выполнения правительственного задания. Задача нашей группы заключалась в том, чтобы срочно оказать помощь китайскому военному командованию в организации ПВО их страны и в первую очередь — провинции Цзянсу и Шанхая, чтобы не допустить пиратских налетов гоминьдановской авиации на территорию КНР.

Прибыв в Пекин, мы в тот же день встретились с руководителями Компартии Китая и Китайской Народной Республики — Чжу Дэ, Чжоу Энь-лаем, с начальником генерального штаба НОАК и его заместителем. Обсудив все детали по организации ПВО КНР и взаимодействия с командованием Юго-Восточного округа, мы направились в Шанхай. Там произошла встреча с представителями местных военных властей во главе с Чэнь И. Разговор шел о создании аэродромной сети, командных пунктов, организации связи и размещении радиолокационных установок на подступах к провинции Цзянсу и Шанхаю.

Следует отметить, что советское правительство приняло быстрые и решительные меры для оказания немедленной помощи китайскому народу. В кратчайшие сроки в Китай была отправлена самая передовая и технически совершенная боевая авиационная и радиолокационная техника.

С аэродрома Далянь (Ляодун) истребительный полк полковника Макарова, имея в своем составе 45 истребителей «Ла-11» перелетел залив Бохай и через Циндао прибыл в Суючжоу (450 км северо-западнее Шанхая). По такому же маршруту перелетел в Шанхай смешанный бомбардировочный полк полковника Семенова (30 самолетов «Ту-2» и 30 самолетов «Ил-10»). Одновременно из Москвы по железной дороге отбыл отлично подготовленный полк полковника Пашкова. Следует напомнить, что в 1950 г. наши ВВС только что начали переходить на реактивную авиационную технику. Этот авиаполк первым в Советском Союзе освоил боевое применение самолета «МИГ-15», и именно он был срочным порядком направлен в Китай.

Советские реактивные самолеты «МИГ-15» были лучшими в мире по скорости, высоте и вооружению, что признавало и военное авиационное командование США, особенно когда их ВВС столкнулись с северокорейскими и китайскими летчиками-добровольцами в 1950 г. Американцы определили стоимость своего реактивного самолета F-86 «Сэйбр» в полмиллиона долларов, но он по своим летно-техническим данным был хуже нашего «МИГ-15».

Пока прибывали железнодорожные транспорты (часть из них разгружалась в Суючжоу, остальные следовали прямо до Шанхая), полк Макарова был разделен на две части: две эскадрильи (25 самолетов) перелетели на южный аэродром Шанхая, а одна эскадрилья прикрывала аэродром Суючжоу, где проходила сборка самолетов «МИГ-15», прибывших из Советского Союза.

Аэродромы района Шанхая и Суючжоу не были приспособлены для реактивных самолетов, пришлось их срочно расширять, еще два аэродрома восстанавливать и один строить заново. На каждом из объектов противника вынуждено с удивительным подъемом и упорством работали 35—40 тыс. китайских рабочих. Трудились вручную, с помощью кетменей, плетеных корзин и коромысел.

Советские летчики в первые же пять дней сбили до десятка истребителей и разведчиков чанкайшистов. После этого самолеты противника перестали днем появляться над городом. Это несколько разрядило обстановку в районе Шанхая, стабилизировалось положение на рынке с продовольствием и с курсом валюты, нормализовалась деловая жизнь города.

Противовоздушной обороны КНР в то время не существовало, НОА почти не имела своей авиации, зенитная артиллерия была немногочисленна, служба наблюдения за вражескими самолетами развита слабо, и данные о пролетах воздушных целей поступали с большим опозданием. Это обстоятельство вынудило нас организовать непрерывное патрулирование над районом аэродрома Суючжоу. Сборка реактивных самолетов «МИГ-15» происходила круглосуточно.

Как-то в одно апрельское утро, на рассвете, появился двухмоторный бомбардировщик «Б-26». Заметив, что над аэродромом в воздухе находятся наши истребители, он повернул обратно и стал уходить на предельной скорости, но наши летчики догнали его, атаковали и сбили. Самолет упал на берег Желтого моря в районе Ляньюнчан, экипаж в составе четырех человек погиб. На следующий день, примерно к 12 часам появился другой разведчик «Б-26», его подожгли сразу, с первой же атаки, но он, горящий, стал планировать на группу самолетов «МИГ-15», которые скученно стояли на границе аэродрома. Однако, когда гоминьдановский пилот пришел в себя, он отвернул свой самолет от полосы и сел на фузеляж в стороне, в 300—500 м от аэродрома. Из него высочили трое членов экипажа и побежали в сторону леса. Через 2—3 минуты самолет взорвался. Летчиков поймали. На допросе они показали, что вылетели с острова Тайвань, где базируются два бомбардировочных полка «Б-26» и четырехмоторных «Б-24», и что при авиационных частях находятся американские советники и летчики-инструкторы. Настроение у солдат и офицеров неважное, ждут все время вторжения войск КНР на остров. Гоминьдановские летчики давно бы перелетели на континент, но они вынуждены выполнять приказы своего командования, так как в противном случае их семья неминуемо подвергнется расправе. Поскольку вчерашний разведчик не вернулся на базу, их послали для проверки с заданием произвести разведку аэродрома Суючжоу и установить количество и тип самолетов, базирующихся на нем. Сообщить о результате разведки по радио гоминьдановцы не успели, так как во время атаки наших истребителей был убит их стрелок-радист.

После этих случаев налеты гоминьдановской авиации прекратились примерно на месяц. За это время вошли в строй восстановленные и вновь построенные аэродромы, были собраны, облетаны и переведены в район Шанхая 45 самолетов «МИГ-15». Созданная нашими радиолокационными специалистами, прожекторными и зенитно-артиллерийскими частями зона ПВО Шанхая включала в себя надежное радиолокационное поле обнаружения воздушных целей на глубину 200—300 км, световое поле в радиусе 75—80 км и зенитно-артиллерийское прикрытие на 30—50 км. Радиолокационные станции работали круглосуточно по графику и засекали полеты гоминьдановской авиации вдали от нашей зоны ПВО.

Но вот однажды, в начале мая, в темную ночь были зафиксированы две воздушные цели, идущие курсом на Шанхай. На дальних подступах обозначилось еще не-

сколько целей. В воздух по тревоге были подняты 8 ночных истребителей «МИГ-15». В готовность № 1 было приведено еще несколько самолетов, летчики заняли места в кабинах. Когда цели вошли в световое поле, была дана команда с главного командного пункта включить прожекторы, два четырехмоторных бомбардировщика сразу же были освещены, и наши «МИГ-15» пошли в атаку.

Командир эскадрильи И. Шинкаренко сблизился с самолетом противника и открыл огонь из 37-миллиметровой пушки и пулеметов, но сам при этом «налез» на цель из-за разности скоростей. Быстро сообразив выпустить шасси и закрылки, он тем самым уравновесил дистанцию и второй очередью почти в упор расстрелял бомбардировщик, который тут же взорвался в воздухе и развалился на части. Летчиками К. Румянцевым и В. Ковалевым был сбит и другой тяжелый бомбардировщик, остальные вражеские самолеты в панике повернули назад и удрали в сторону Тайваня.

В это время в Шанхае находилась делегация молодежи Советского Союза, возглавляемая секретарем ЦК ВЛКСМ тов. Н. А. Михайловым. В тот вечер они были в гостях на аэродроме у полковника Пашкова, где давали концерт для наших летчиков. Сигнал боевой тревоги прервал концерт, но вскоре летчики, сбившие самолеты противника, возвратились из воздушного боя. Они были встречены бурей восторга, объятиями и поцелуями нашего прославленного трижды Героя Советского Союза И. Н. Кожедуба и всех участников вечера.

Один из крупных английских коммерсантов Шанхая, очевидец этого боя, с большим восторгом заявил: «Такой четкости и организации управления ночным воздушным боем советской авиации могут позавидовать английские королевские военно-воздушные силы».

В дальнейшем налеты вражеской авиации в обороняемом нами районе прекратились полностью. В июне 1950 г. генерала П. Ф. Батицкого вызвали в Москву: он был назначен на должность начальника Главного штаба ВВС приказом Министерства обороны. Я остался за старшего нашей группы в Шанхае.

Вскоре мы встречали новое пополнение из бомбардировщиков и штурмовиков. С их появлением в войсках Чан Кай-ши началась всеобщая паника и гоминьдановцы обратились в бегство на Тайвань, используя всевозможные мелкие суда вплоть до барж и джонок. Хаос и паника продолжались 8—10 дней.

На этом, по существу, и закончились военные действия как на земле, так и на море и в воздухе.

Наши части находились в Шанхае до конца 1950 г. Вся система ПВО продолжала нести охрану района, проводила боевую и политическую подготовку своих, обучала китайских летчиков, в том числе на реактивных самолетах «МИГ-15», и специалистов по всем видам боевой техники, спецслужб, штабов и органов управления системы ПВО НОА Китая. К каждому нашему летчику было прикреплено до 5 китайских летчиков, а на каждого нашего авиатехника приходилось 8—10 китайских, так же было и в штабных и других службах.

В конце декабря 1950 г. ЦК ВКП(б) и Советское правительство приняли решение: после обучения и подготовки всего личного состава китайских войск ПВО Юго-Восточного округа и города Шанхая силами советских военных специалистов передать всю нашу боевую технику и военное имущество представителям китайского командования. Для этого была создана смешанная советско-китайская комиссия. Все боевые самолеты, радиолокационные и прожекторные станции, все имущество и запасы передавались безвозмездно и в отличном состоянии, что зафиксировано актом комиссии. Под руководством и контролем наших офицеров было проведено несколько практических учений ПВО, в которых участвовали китайские летчики, авиационные штабы и другие спецчасти НОА.

После выполнения задания было произведено награждение китайским правительством личного состава нашей группы Серебряной медалью Дружбы китайского и советского народов (медаль была выбита специально в честь победы над авиацией Чан Кай-ши и американцев). Китайские командиры и местное население города с нами дружески попрощались.

Вот одно из многих писем с выражением чувства огромной благодарности китайского народа, которые мы получали впоследствии.

«Дорогой товарищ Слюсарев! После более чем полугода совместной работы нам приходится расставаться, так как перед нами поставлены новые задачи. При Вашей помощи была организована и создана ПВО города Шанхая и были сорваны замыслы реакционной клики гоминьдана, подстрекаемого американскими империалистами, направленные на бомбардировку и разрушение Шанхая... Ваша добросовестная и неустанная работа произвела на нас глубокое впечатление и является для нас примером, на котором мы учимся. Если американские империалисты посмеют расширить свою агрессивную деятельность и развязать широкую войну, мы заверяем Вас, что при тесном сотрудничестве наших двух армий и при содействии народных демократий Востока и Восточной Европы мы обязательно сможем окончательно разбить империализм и завоевать победу коммунизма во всем мире... Желаю Вам счаст-

ливого пути и успеха в работе. Да здравствует окончательная победа в нашей совместной борьбе. Ваш преданный товарищ Го Хуа-жо *. 5 октября 1950 г.»

А вот что написал нам Мао Цзэ-дун в конце декабря 1950 г.:

«Генерал-лейтенанту тов. Слюсареву С. В.

От имени китайского народа благодарю Вас и руководимые Вами войска за организацию противовоздушной обороны г. Шанхая. Благодарю также за организацию и создание структуры ПВО, обучение наших войск вопросам управления и защиты г. Шанхая. Благодарю также за разгром чанкайшистских банд в воздушных боях, в которых Вы достигли огромных успехов». Почетную грамоту с аналогичным текстом получил и П. Ф. Батицкий, ныне Маршал Советского Союза. Эти грамоты были мне вручены главой правительства КНР Чжоу Энь-лаем в присутствии Посла СССР в КНР В. В. Кузнецова и Маршала Советского Союза М. В. Захарова на официальном приеме в Пекине. Грамоту П. Ф. Батицкому я передал по прибытии в Москву.

И вот пришло время отъезда на Родину. На всем пути следования от Шанхая до границы, на каждой станции, где останавливались наши эшелоны, население, представители городов и сел Китая устраивали митинги с выражением благодарности советским воинам за их бескорыстную помощь китайскому народу в справедливой борьбе с гоминьдановцами. Летчикам и всему личному составу преподносили цветы, сувениры и памятные подарки.

Наши войска за период пребывания в командировке проявили высокое сознание интернационального долга. Между советскими войсками и китайским народом сложились прочные отношения дружбы, товарищества и братства. За период нашего пребывания в Шанхае с марта 1950 г. по январь 1951 г. было подготовлено из китайских солдат и офицеров более 500 летчиков, штурманов, инженеров, стрелков-радистов, артиллеристов и других специалистов. Одних только летчиков на самолетах «МИГ-15», «ТУ-2», «ИЛ-10» и «Ла-11» — около 250 человек.

Мне приходилось встречаться с руководителями китайского правительства и КПК: Чжоу Энь-лаем, Чжу Дэ, а также с командованием Генштаба и ВВС Китая, все они выражали нам большую благодарность. Наши предложения по улучшению организации ПВО Шанхая выполнялись быстро и качественно. Примером может послужить такой факт. Когда мы прибыли в Шанхай, то для своего размещения выбрали район, где в основном размещались иностранцы (преимущественно американцы и англичане), так как в этом районе была хорошо налажена система телефонной связи. В течение двух дней все было подготовлено и передано нам для организации ГКП ПВО Шанхая.

На долю советских летчиков и других специалистов ложились ответственные и трудные задачи: нужно было в короткие сроки помочь китайским товарищам освоить сложную систему ПВО и самое главное — ее боевое управление. Еще труднее было подготовить летчиков на реактивных самолетах, обучить их ведению воздушных боев и боевому применению бомбардировочной и штурмовой авиации против вражеской авиации днем, ночью и в сложных метеоусловиях. Все это было сделано благодаря тесной, искренней и честной дружбе, закаленной в совместной борьбе против гоминьдановской клики и американского империализма.

Когда в 1952—1955 гг. я находился в городе Аньдуне, мне приходилось встречаться с летчиками — моими соратниками по борьбе еще с 1938 г., и у каждого из нас остались близкие товарищи и друзья в Народном Китае. Память о нашей боевой дружбе сохранится в наших сердцах до конца дней. Вот, например, одно из многих писем, которые я получал после моего отъезда на Родину. Письмо от тов. Ли Гуна пришло мне в Москву 29 декабря 1961 г.

«Прошло уже 7 лет с тех пор, как мы расстались с Вами 24 декабря 1954 г. Я грущу о Вас, потому что прожил с Вами много лет, и Вы всегда относились ко мне очень хорошо. Вы, товарищ Слюсарев, были не только моим начальником, которого я охранял и уважал, Вы были мне за родного отца. Когда Вы, возвращаясь из Шэньяна на Родину, поднялись в вагон поезда, я заплакал. Я не смел поднять головы, чтобы посмотреть на Вас, потому что я был в военной форме и боялся, что меня увидят плачущим и будут смеяться надо мной. Поэтому я старался спрятаться за спинами провожающих... Я помню также полковника Яшу Куцевола. Прошу передать ему от меня привет».

Мне часто вспоминаются слова китайских друзей, что дружба, скрепленная кровью, переживет все трудности.

* В то время крупный военачальник НОАК.

Положение рабочего класса Южной Кореи

В. А. Маринов
кандидат исторических наук

Капиталистическая индустриализация Южной Кореи проводится Сеулом в рамках модели развития, согласно которой первоначальное накопление осуществляется за счет широкого привлечения иностранного капитала. С 1966 по 1974 г. общая сумма займов и кредитов, предоставленных Южной Корее (главным образом США и Японией), составила 6,6 млрд. долл., а размер прямых капиталовложений за тот же период превысил 800 млн. долл. Зарубежные инвестиции создали предпосылки для промышленного развития Южной Кореи. В 1975 г. доля промышленности в ВВП стала превышать долю сельского хозяйства. Растущая зависимость Южной Кореи от экспортных отраслей экономики и соответственно от конъюнктуры мирового капиталистического рынка характеризуется тем фактом, что доля экспорта в валовом национальном продукте страны увеличилась с 18,7% — средний показатель на период 1962—1966 гг. — до 27% в 1975 г.¹

Иностранные монополии ориентируются на создание в Южной Корее так называемых незавершенных производств, которые представляют лишь наиболее трудоемкие части промышленных комплексов, расположенных в развитых капиталистических странах.

Развитие промышленности в Южной Корее определило рост численности рабочего класса. Если в 1963 г. в добывающей и обрабатывающей промышленности было занято 689 тыс. человек, то в 1970 г. — вдвое больше, а в 1974 г. число рабочих уже превысило 2 млн. человек². Таким образом, за период 1963—1974 гг. доля занятых в промышленности увеличилась с 8,7% всех занятых до 17,2% — то есть почти в два раза. Население Южной Кореи за это же время увеличилось с 26,9 млн. до 33,4 млн. человек. Следует отметить, что этот рост происходил исключительно за счет обрабатывающей промышленности, так как численность горняков, достигнув наибольшего размера в 1970 г. (111 тыс. человек), к 1974 г. сократилась до 56 тыс. человек³.

Развитие промышленности вызвало также довольно значительный рост занятости в инфраструктуре. С 1964 по 1972 г. число занятых в строительстве возросло со 191 тыс. до 371 тыс. человек, на транспорте, в связи и в складском деле — со 162 до 354 тыс., в производстве электроэнергии и коммунальных службах — с 14 до 24 тыс. человек. Традиционно емкой осталась сфера торговли и услуг, занятость в которой к 1972 г. возросла наполовину — до 2,9 млн. человек⁴.

Данные о динамике наемного труда в Южной Корее характеризуют не только количественные изменения рабочего класса, но и во многом дают его качественную оценку. Если учесть, что со времени корейской войны пролетариат страны практически полностью обновился, то нетрудно видеть, что нынешний рабочий класс Южной Кореи — это по преимуществу рабочие первого поколения. Многие рабочие поддерживают тесные связи с деревенской средой, из которой недавно вышли, сохранили специфическую крестьянскую психологию. Здесь важно отметить значительный процент женщин в составе рабочего класса страны — в начале 70-х годов они составляли свыше 1/3 фабрично-заводского пролетариата. Ряд отраслей легкой промышленности, таких, как текстильная, швейная, обувная, которые пока составляют ядро южнокорейской промышленности, являются преимущественно женскими. Как и в других капиталистических странах, предприниматели предпочитают нанимать молодых незамужних женщин. В 1970 г. почти 75% численности женщин, занятых в промышленности, составляли работницы от 14 до 24 лет⁵.

В силу сказанного, несмотря на значительную численность армии наемного труда

¹ «Чоса вольбо» (Сеул), 1976, № 7, стр. 86.

² «Annual Labour Statistics» (Сеул), 1975, р. 273.

³ «Monthly Economic Statistics» (Сеул), 1976, № 4, р. 116.

⁴ Korea Annual, Seoul, 1974, р. 183.

⁵ Area Handbook for South Korea, Wash., 1975, р. 57.

в Южной Корее, здесь только началось формирование внутриклассовых связей. В то же время характер капиталистической индустриализации Южной Кореи с неизбежным для этого процесса укрупнением производства заставляет полагать, что по мере роста фабрично-заводского ядра южнокорейского пролетариата такие связи будут все более упрочиваться. В 1966 г. 40% занятых в промышленности работало на мелких предприятиях с числом рабочих от 5 до 49 человек, 20% трудилось на средних — с числом работающих от 50 до 200 — и 40% — на крупных предприятиях, насчитывающих свыше 200 рабочих. Через пять лет, в 1971 г., картина определенно изменилась — на крупных предприятиях работало уже 53,8% рабочих, на средних — 18,3% и на мелких — 27,9%⁶.

Однако процесс концентрации рабочей силы в Южной Корее будет иметь, по-видимому, определенный предел на ближайший период, так как для промышленности характерно устойчивое сочетание сравнительно крупных финансово-промышленных группировок с массой мелкого и среднего производства. Такая двойственная структура позволяет предпринимателям использовать как преимущества крупного современного производства, так и дешевизну рабочей силы на средних и мелких предприятиях, поставляющих наиболее трудоемкие детали. Сохранение значительного сектора мелкого предпринимательства в Южной Корее выгодно буржуазии и в связи с тем, что он позволяет гасить колебания, испытываемые промышленностью страны, ориентированной на экспорт, в связи с изменением конъюнктуры внешнего рынка. Кроме того, мелкое и мельчайшее производство выполняет функцию поддержания занятости.

О живучести мелкого производства в промышленности Южной Кореи говорит, в частности, тот факт, что с 1966 по 1971 г., несмотря на двукратное увеличение числа крупных (по классификации ООН) предприятий (с количеством рабочих свыше 200), которых к 1971 г. насчитывалось 762, численность мелких предприятий (до 50 рабочих) сохранилась на прежнем уровне — около 21 тысячи⁷. В то время как для крупных производств характерна круглогодичная занятость рабочих, мелкие предприятия зачастую служат источником побочного дохода. Такого рода рабочая сила попадает по южнокорейской статистике в графу «неполностью занятых». В 1974 г. их число составило 945 тыс. человек. Что касается так называемых «постоянных рабочих», то том же году их насчитывалось 1,11 млн. человек⁸. Таким образом, из более чем млн. человек, занятых в южнокорейской промышленности в 1974 г., только немногим более половины можно отнести к кадровым рабочим. По этой причине рабочий класс более характеризуется большой внутренней разнородностью, значительной засоренностью мелкобуржуазными и полупролетарскими элементами, что также препятствует его становлению как «класса для себя».

Отраслевой состав рабочих довольно точно отражает структуру южнокорейской промышленности. На первом месте по численности рабочих и по доле в общем объеме производства стоит текстильная и швейно-обувная промышленность, где в 1971 г. было занято 275 тыс. человек. Затем следуют отрасли машиностроения — 114 тыс. рабочих. Третьей крупнейшей сферой приложения наемного труда является пищевая промышленность, где в 1971 г. работало 115 тыс. человек. Следует отметить быстрый рост химической промышленности — занятость в этой отрасли составила 104 тыс. человек. Данная отрасль отличается наибольшей концентрацией рабочей силы. В 1971 г. на одно предприятие химической промышленности приходилось в среднем 70 рабочих. Самая низкая концентрация живого труда имела место в мебельной и деревообрабатывающей промышленности — около 20 человек на предприятие⁹. Впрочем, средние цифры скрывают контрасты. Так, мощная фанерная фабрика в Пусане с 6 тыс. рабочих сосуществует со многими сотнями кустарных и полкустарных производств деревообрабатывающей промышленности. Одна из крупнейших текстильных фабрик в Чонджу (близ Сеула), на которой занято около 8 тыс. рабочих, усредняет статистику, где фигурируют тысячи мелких и мельчайших, нередко семейных ткацких производств.

В Южной Корее практически нет категории сельскохозяйственных рабочих, так как в силу законодательных ограничений на землевладение и землепользование величина земельных наделов ограничена. Перенаселенная деревня, где в 1973 г. 36% крестьянских семей владели крохотными участками менее 0,5 га, служит основным источником пополнения городских трудящихся. С 1967 по 1974 г. сельское население Южной Кореи сократилось с 16 до 13,4 млн. человек¹⁰. О темпах урбанизации свидетельствует, в частности, рост населения крупнейшего города страны — Сеула, которое с 1970 по 1976 г. увеличилось с 5,5 до 7 млн. человек.

Несмотря на отмеченные выше значительные темпы роста занятости в промышленности, миграция из села определяет стабильно высокий уровень безработицы в Южной Корее, которая даже в годы «промышленного бума», в 1970—1973 гг., составляла,

⁶ «Annual Labour Statistics», 1975, p. 272.

⁷ Ibid.

⁸ «Monthly Economic Statistics» (Seoul), 1976, № 4, p. 272.

⁹ «Annual Labour Statistics», 1975, p. 72.

¹⁰ «Far Eastern Economic Review». November 1, 1975, p. 41.

по официальным данным, 4,5% экономически активного населения, или 450—500 тыс. человек¹¹. Мировой экономический кризис 1974—1975 гг. вызвал резкое повышение безработицы, которая летом 1974 г. достигла 10—11%¹². Здесь важно отметить, что специфика официального выявления безработных в Южной Корее позволяет существенно занижать процент фактической безработицы, поскольку, по официальной статистике, в число безработных включаются лишь лица, работающие менее 1 часа в неделю.

Явная и скрытая безработица благоприятствует тому, что капитал может поддерживать цену южнокорейской рабочей силы на уровне ниже ее стоимости. Этому способствует также нищенский уровень доходов крестьянства, откуда рекрутируются в промышленность рабочие руки. Можно утверждать, что труд южнокорейских рабочих с учетом их довольно высокой квалификации является самым дешевым в Азии. В 1973 г. средняя часовая плата за труд южнокорейского промышленного рабочего составляла 27 центов — ниже, чем в Гонконге или в Сингапуре. В том же году квалифицированный рабочий зарабатывал в среднем 50 долларов в месяц, а неквалифицированный — 25 долл.¹³ В целом, по данным на июнь 1973 г., 42% из 1,1 млн. «постоянных рабочих» и служащих, занятых в промышленности, получали 37 долл. в месяц и лишь 7,3% — около 125 долл.¹⁴ Самая низкая зарплата установилась в текстильной промышленности, где преобладает женский труд, а самая высокая, превышающая зарплату текстильщиков в 4 раза, — в нефтеперерабатывающей отрасли, где высока доля квалифицированного труда.

Здесь мы имеем дело с официальными южнокорейскими данными, которые не охватывают массу мелких и мельчайших производств, где занято около половины рабочих страны и где условия труда отличаются особо кабальными условиями. Как писала французская газета «Монд» 12 января 1974 г. в корреспонденции из Сеула, «условия труда, особенно на мелких и средних предприятиях, напоминают условия труда в прошлом столетии на Западе: рабочие работают по десять и более часов в сутки в антисанитарных условиях, без отпусков, без всяких социальных льгот».

Рост цен и инфляция, присущие южнокорейской экономике, определяют необходимость некоторого повышения зарплаты лиц наемного труда, но ее рост далеко отстает от роста производительности труда. Так, в период 1965—1972 г. ежегодный прирост заработной платы в южнокорейской промышленности составлял 7,3%, в то время как рост производительности труда был вдвое выше — 15,2% в год¹⁵. Еще более вопиющи данные за 1974 г., когда производительность труда выросла на 9,5%, а реальная заработная плата сократилась на 0,9%¹⁶. Таким образом, тяжесть кризисных потрясений была переложена на плечи трудящихся.

Дешевизна рабочей силы является основным фактором, определяющим высокую конкурентоспособность южнокорейской продукции на мировом рынке. Достаточно сказать, что доля живого труда в стоимости продукции обрабатывающей промышленности составляет 8,3%, а в электротехнической — всего 4,8%¹⁷. Низкая стоимость живого труда в Южной Корее определяет повышенную экстенсивность его эксплуатации — здесь длительность рабочей недели одна из самых больших в мире и повсеместно составляет 60 часов. Для того чтобы удлинить ее сверх этой величины, предпринимателям достаточно получить разрешение правительственного ведомства.

Сеульский режим использует преимущественно дешевой и квалифицированной рабочей силы, не только экспортируя ее в овеществленном виде, в качестве составной части экспортной продукции, но и вывозя ее в живом виде — по программам вывоза рабочих за границу. Южнокорейские рабочие за рубежом (где особенно охотно принимают моряков и медсестер из Южной Кореи) служат с одной стороны, объектом получения прибыли для своих новых хозяев, а с другой — являются источником валютных поступлений, в которых остро нуждается южнокорейская экономика. С 1965 по 1973 г. за границей по найму работало 553 тыс. южнокорейцев, которые за это время перевели в страну около 500 млн. долл.¹⁸ В период 1977—1981 г. режим намечает экспортировать подобным образом еще около 500 тыс. человек, переводы которых на родину будут составлять, по расчетам, 5 млрд. долл. в год¹⁹.

Однако наряду с перечисленными наиболее привлекательным для иностранных монополий качеством южнокорейской рабочей силы является ее полное бесправие. С 1971 г. профсоюзы лишены права прибегать к каким бы то ни было организованным действиям — от заключения трудовых договоров до забастовок, которые наказывают-

¹¹ «Monthly Economic Statistics». 1976, № 4, p. 116.

¹² «Korea Newsreview» (Seoul). 27.XII.1975, p. 26.

¹³ «Korea Business» (Seoul). 1975, № 8, p. 30.

¹⁴ «The Korean Journal of International Studies». 1975, № 4, p. 31.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ «Far Eastern Economic Review». 31.I.1975, p. 45—46.

¹⁷ «The Korean Journal of International Studies». 1975, № 4, p. 25.

¹⁸ Korea Annual. Seoul, 1974, p. 186.

¹⁹ «Korea Newsreview», August 21, 1976, p. 11.

ся семилетним тюремным заключением. Согласно закону о труде, все трудовые конфликты подлежат рассмотрению властей. Государственным служащим, включая рабочих госсектора, запрещено принимать участие в профсоюзном движении. Правительство имеет право распустить любой профсоюз, если он «представляет угрозу для безопасности». Впрочем, это вряд ли грозит созданной властями Федерации корейских профсоюзов, 17 объединений которой охватывали в 1973 г. 531 тыс. человек²⁰. Руководство этих профсоюзов, по существу, назначается властями и проводит линию сотрудничества с режимом и предпринимателями. Непопулярность казенных профсоюзов выражается, в частности, в том, что их численность в последние годы снижалась — на 5,5% в 1970 г., 5,3% в 1971 г. и 2,2% в 1972 г.²¹ В то же время южнокорейские профсоюзы, более 40% членов которых занято на предприятиях с числом рабочих свыше 1 тыс. человек, потенциально представляют собой центры организованного рабочего движения²².

Наряду с репрессиями сеульский режим широко применяет идеологические методы обработки сознания трудящихся. В стране разжигается южнокорейский национализм, культивируется враждебность к КНДР, с тем чтобы направить недовольство масс в русло шовинистических антикоммунистических настроений. Используя лозунги национальной общности, антикоммунизма и некоторых традиций, насаждаются идеи сотрудничества с властями, внедряется практика патернализма. Все это, несомненно, дезориентирует южнокорейский пролетариат, который в силу молодости и внутренней разнородности не осознал еще своих классовых интересов. Однако, несмотря на цензуру, из Южной Кореи просачиваются сведения о массовых выступлениях рабочих. Одним из крупнейших выступлений последнего времени явилось восстание рабочих на судостроительных верфях в Ульсане осенью 1974 г. Характеризуя социальную ситуацию в Южной Корее, еженедельник «Франс нувель» писал 14 апреля 1975 г.: «Ожесточенные классовые битвы, ускользающие из-под контроля профсоюзных центров, полностью преданных режиму, вспыхивают то здесь, то там — в частности, в текстильной промышленности, среди рыбаков и, что наиболее симптоматично, в «свободных зонах» судостроительных верфей, превращенных в подлинные трудовые лагеря под военной охраной». Показательно, что даже статистика ООН, составленная на основе официальных южнокорейских источников, говорит о росте активности промышленного пролетариата. Если в 1970 г. в Южной Корее властями было отмечено только 4 так называемых «трудовых спора» с участием 541 рабочего, то в 1974 г. в 58 подобных трудовых конфликтах участвовало 22,6 тыс. человек²³. Согласно южнокорейскому законодательству, все конфликты рабочих с администрацией подлежат принудительному арбитражу со стороны властей.

Логика капиталистического развития Южной Кореи определяет не только рост численности рабочего класса страны, изменение его структуры, но и упрочение позиций кадрового пролетариата, вызревание классового сознания. Несмотря на особо тяжелые условия для рабочего и демократического движения в Южной Корее, где методы диктатуры сочетаются с изощренными приемами неокolonнализма, пролетариат страны начинает приобретать те качества, которые превратят его в класс, способный на сознательную революционную деятельность.

²⁰ Korea Annual. Seoul, 1974, p. 181.

²¹ Ibid., p. 184.

²² Ibid., 185.

²³ UN Year Book of Labour Statistics. Geneva, 1975, p. 801.

Чжао Шу-ли — народный писатель

[к 70-летию со дня рождения]

*А. А. Антиповский,
кандидат филологических наук*

О значении художника судят прежде всего по художественным образам, созданным им, что само по себе является чрезвычайно важным фактором, раскрывающим образное восприятие мира этим художником, то есть судят о нем по его эстетическому идеалу. Одну из важных сторон мировоззрения художника, бесспорно, составляет также его отношение к прошлому и настоящему в их органической связи.

Китайская действительность 20—40-х годов выдвинула целую плеяду писателей, поэтов, драматургов, которые закладывали эстетические и художественные принципы нового искусства. В их числе был и Чжао Шу-ли.

Современный китайский писатель Чжао Шу-ли принадлежит к тому поколению интеллигенции, которая росла и закалялась в огне революционной борьбы. Его активная политическая деятельность началась в период учебы в 4-м Педагогическом училище города Чанчжи (провинция Шаньси). За участие в студенческом антифеодалном, антиимпериалистическом движении и в революционных выступлениях трудящихся провинции Шаньси против милитариста Янь Си-шаня в 1926 г. Чжао Шу-ли был исключен из училища, а в 1927 г. посажен в тюрьму.

Таково начало жизненного пути будущего писателя. Молодой человек быстро откликнулся на происходящие события острыми куплетами и частушками. Иронический взгляд на окружающий мир, любовь к веселой шутке, а порою беспощадно разящей сатире Чжао Шу-ли унаследовал, видимо, от деда и отца, слывших не только в родной деревне, но и во всей округе балагурами и весельчаками. Деду и отцу будущего писателя приходилось работать в бродячих театральных труппах, и без их участия не проходила ни одна деревенская свадьба, ни один праздник. За неистребимую жизнерадостность люди платили им любовью, которая помогала переносить нищету и лишения.

Чжао Шу-ли родился в 1906 г. в небольшой деревушке Юйчи¹ уезда Циньшуй, провинции Шаньси, где несет свои воды река Циньшуй.

Первые уроки грамоты Шу-ли получил у деда, у отца перенял искусство рассказчика. Позже Чжао Шу-ли так же, как и его отца, звали «чжиши» («просвещенный»).

До антияпонской войны он работал учителем, артистом в бродячей театральной труппе «Шанданси» и, скрываясь от преследований полиции за стихи и куплеты, направленные против правительства, исколесил весь север и северо-запад Китая. С 1937 г. провинция Шаньси стала опорной базой сопротивления Японии на Севере. Там Чжао Шу-ли вел организаторскую работу среди масс и в качестве начальника района участвовал в гражданском управлении.

С весны 1940 г., когда Чжао Шу-ли стал работать в редакции крупнейшей в освобожденных районах газеты «Синьхуа жибао», началась его настоящая литературная деятельность. С 1942 г. он работал редактором коммунистических газет «Чжунго жэнь» и «Синь дачжун», издававшихся на территории освобожденных советских районов для населения оккупированных японцами и контролировавшихся гоминьдановцами районов. Редакция небольшой газеты «Чжунго жэнь» (фактически она состояла из одного человека) стремилась публиковать острые и злободневные материалы.

Жизнь среди крестьян и солдат — вчерашних крестьян, работа с ними постоянно убеждали Чжао Шу-ли в том, что новая литература и искусство доступны в основном только интеллигенции, составляющей незначительную часть населения страны. Он задумывался над тем, как сделать литературу наиболее доходчивой, какую форму следует ей придать. Начинающий писатель стремится глубже проникнуть в суть националь-

¹ Деревня Юйчи, со всех сторон окруженная горами, находится на территории бывшей Тайханшаньской революционной базы, известной еще со времени антияпонской войны 1937—1945 гг.

ных форм традиционной народной литературы и искусства. Разобраться в этом ему помогали призывы коммунистов отражать жизнь трудового народа, поднимать его культурный уровень. Важное значение имело и то обстоятельство, что Чжао Шу-ли жил и работал на территории районов, освобожденных от гоминьдановского производства, где совершались преобразования не только в области экономики и политики, но происходили изменения в сознании людей, менялся их внутренний мир. Именно в начале 40-х годов Чжао Шу-ли приходит к выводу о необходимости профессиональной учебы и знания жизненного материала.

Чжао Шу-ли в своих произведениях показал рождение нового человека, ломку старых предрассудков и обычаев в сознании китайского крестьянина, своим творчеством он помогал спланировать и воспитывать народ.

В 1943 г. появились в печати его рассказ «Женитьба Маленького Эр-хэя» и повесть «Песенки Ли Ю-цая». Эти два произведения принесли Чжао Шу-ли литературную славу. В них проявился незаурядный талант и острая наблюдательность писателя, умение подмечать в жизни новое, которое потом должно стать нормой жизни, нормой новых отношений между людьми. Это новое, подобно весеннему освежающему ветру, врывается в жизнь героев его первых произведений.

По своей композиции рассказ «Женитьба Маленького Эр-хэя» прост. Незамысловата и его сюжетная линия. Тем не менее Чжао Шу-ли сумел на частном примере любви юноши Сяо Эр-хэя и девушки Сяо-цинъи показать неизбежность гибели старого. Свободная, чистая любовь молодых людей наталкивается на многие преграды. Их родители категорически возражают против брака. Эр Кун-мин — отец Сяо Эр-хэя — и «слышать не хотел об этом браке: во-первых, Маленький Эр-хэй родился под знаком металла, а Сяо-цинъи — под знаком огня, и старик боялся, что огонь расплавит металл; во-вторых, Сяо-цинъи родилась в октябре, а кто не знает, что это несчастливый месяц; и, наконец, в-третьих, очень уж дурная слава была у ее матери, Сянь-гу»².

На первых порах кажется, что молодые люди не в состоянии побороть веками насланавшиеся феодально-сословные предрассудки темных и забытых людей, подобных Эр Кун-мину, и усиленно поддерживавшиеся верхушкой клана. К числу местных знати принадлежали братья Цзинь-ван и Син-ван, отец которых при жизни «слышал у односельчан за настоящего тигра»³; им была на руку забитость и темнота этих людей. Пользуясь отсталостью крестьян, эти богачи и с приходом Восьмой армии «стяжали словно гора каменная — разве ее сдвинешь с места?»⁴.

Жители деревни ненавидели братьев, но никто против них «не смел и слова сказать: им-то ничего не сделаешь, а на себя беду навлечешь»⁵, рассуждали они. Однако любящим друг друга Сяо Эр-хэю и Сяо-цинъи оказалась под силу борьба не только против невежества своих родителей, но и против «горы каменной».

Маленький Эр-хэй и Сяо-цинъи мужественно борются за право любить и быть счастливыми. Порою кажется, что их борьба обречена на поражение. Но когда даже незаконный суд над молодыми людьми кончается ничем, это воспринимается как первая победа новых сил. Однако братья — выкормыши «тигра», обвинив молодых людей в распутстве, приказали отвести их в волостное управление.

Под влиянием бурных исторических событий в стране в сороковых годах менялся облик жизни китайцев в самых глухих горных районах, где ранее, как пишет писатель, «запуганные люди и головы не смели поднять»⁶. Обновление в горы приносят коммунисты, хотя в рассказе о них не говорится, а как бы мимоходом упоминается о том, что «в эти места пришла Восьмая армия».

Примечательно окончание рассказа, когда родители молодых людей — «бессмертные» — «тоже почувствовали: надо лодку держать по течению», и согласились на их брак.

Писатель с большим тактом использует иронию, добродушную насмешку и, наконец, сатиру для характеристики героев. Например, в первой главе, названной «Чего не переносили «бессмертные», Чжао Шу-ли смеется над стариками, придерживающимися давно отживших поверий. Просто и умело он дает понять читателю, что знахари, колдуны и гадалышки ушли в прошлое. Но прошлое не уходит само, и тем более сразу.

Писатель, воссоздавая китайскую действительность средствами простого языка, отличающегося сочным народным юмором, здравыми суждениями простых людей — героев рассказа, убеждает нас в том, что перемены в их жизни приходят и в такое захолустье, каким является горная деревня Люцзяцзяо. И пусть старикам иногда удается диктовать свою волю любящим друг друга молодым людям, последние не желают жить по ветхозаветным канонам конфуцианской морали.

² Чжао Шу-ли. Избранное. М., 1958, стр. 9.

³ Чжао Шу-ли. Избранное. М., 1958, стр. 6.

⁴ Там же, стр. 7.

⁵ Там же.

⁶ Чжао Шу-ли. Избранное. М., 1958, стр. 6.

Борьба косности и рутины с большим человеческим чувством в рассказе «Женитьба Маленького Эр-хэя» приобретает острую социальную направленность. Писатель показывает, насколько сложен и тернист путь человека к своему освобождению.

Живой, народный язык, легкость изложения свидетельствуют о ясности цели, стоявшей перед писателем в начале творческого пути, что и определило успех первого рассказа, получившего высокое признание и оценку уже вскоре после его выхода в свет.

Не менее правдиво другое произведение Чжао Шу-ли, повесть «Песенки Ли Ю-цая», написанная в октябре 1943 г.

Действие повести происходит в глухой горной деревне Яньцзяшань, где крестьяне четко разделены по имущественному положению, то есть показывается социальное расслоение китайской деревни. «Нужно сказать, что Яньцзяшань — деревня не совсем обычная, — пишет автор. — На западной окраине ее дома большие, кирпичные, в центре — глинобитные, а на восточной окраине под старыми акациями в один ряд выстроилось десятка три низеньких землянок»⁷.

В одной из таких землянок и живет безземельный крестьянин-бобыль Ли Ю-цай, по прозвищу «Ли Неунывающий», любимец бедняков, неистощимый на шутки остролов. На любое событие, происходящее в деревне, он отзывывается песенкой-скороговоркой. «Песенки Ли Ю-цая» — одно из лучших, если не самое лучшее произведение не только Чжао Шу-ли, но и всей китайской литературы последнего двадцатипятилетия, выдержанное «в лучших, творчески воспринятых традициях китайского народного рассказа»⁸. Недаром один из китайских критиков писал: «Здесь новый мир, новые люди, новые чувства, новые обычаи, новая культура... эта повесть способна увлечь любого читателя»⁹. И действительно, повесть «Песенки Ли Ю-цая» захватывает своей простотой и вместе с тем большой человеческой мудростью.

Сочетание незамысловатого рифмованного стиха наряду с прозой, не говоря уже об использовании особых приемов устной народной речи, близкой к народному сказу, усиливает впечатление достоверности жизни, показанной в «Песенках Ли Ю-цая», придает им национальный колорит. Интересно отметить, что поэт Тянь Цзянь прибег к подобному приему в поэме «Возница Ши Бу-лань», которая по идейному замыслу, композиционному построению и даже сюжету в какой-то степени напоминает «Песенки Ли Ю-цая».

Особо следует сказать о политической направленности этого произведения. «Песенки Ли Ю-цая» в художественной форме воспроизводят общественно-политическую жизнь на освобожденной территории Китая в период антияпонской войны.

Не менее интересна написанная три года спустя повесть «Перемены в Лицзячжуане», в которой показано, как формировалось новое сознание у отсталых и забытых крестьян. На этот раз Чжао Шу-ли берет сравнительно большой временной отрезок: повесть начинается с конца двадцатых годов, кончается капитуляцией милитаристской Японии в 1945 г.

Повесть «Перемены в Лицзячжуане» о том, как жители горной деревни, затерявшейся в горах провинции Шэньси, ведут мужественную борьбу против помещика и его лакеев, сражаются против внутренних врагов — милитаристов и чанкайшестских войск, против иноземных захватчиков — японских милитаристов.

Особое место в повести занимает образ Чжан Те-со, молодого крестьянина, на долю которого выпадает невзгоды и лишения. Доведенный помещиком Ли Жу-чжэнем до разорения, он вынужден покинуть родную деревню, чтобы зарабатывать на пропитание своей семье тяжелым трудом батрака. Протест против несправедливости, поиски правды жизни приводят его на путь борьбы, и Те-со становится вожаком крестьян, сознательным борцом.

Большое внимание писатель уделяет коммунистам. Советской критикой уже отмечалось, что в произведениях Чжао Шу-ли «впервые с психологической глубиной даны образы коммунистов времени аграрной революции и войны против японских захватчиков»¹⁰.

Воспевая крестьян, Чжао Шу-ли показывает, как происходила поляризация сил в китайской деревне, в семье в период разлома эпохи. Об этом, например, повествует небольшой рассказ «Земля», написанный в 1949 г. Рассказ построен в форме диалога двух братьев: помещика Ван Лао-сы, приверженца и защитника старой эпохи, и деревенского учителя Ван Лао-саня, на себе испытавшего тяготы крестьянского труда. После проверки арендных отношений и заключения новых контрактов помещик говорит: «Не согласен я с вашей правдой»¹¹, то есть правдой нового мира. Возражая ему, Ван Лао-сань, опираясь на собственный опыт и опыт крестьян деревни Ванцзячжуан,

⁷ Чжао Шу-ли. Песенки Ли Ю-цая. М., 1974, стр. 11.

⁸ В. Сорокин, Л. Эйдли. Китайская литература. Краткий очерк. М., 1962, стр. 181.

⁹ Цит. по кн.: Н. Т. Федоренко. Китайская литература. М., 1956, стр. 616.

¹⁰ Л. Эйдли. О китайской литературе наших дней. М., 1955, стр. 125.

¹¹ Чжао Шу-ли. Избранное. М., 1958, стр. 176.

говорит о крестьянской смекалке и трудолюбии, убедительно опровергает слова помещика, утверждающего, что только земля дает хлеб. «Хлеб на самом деле,— говорит Ван Лэо-сань,— дается только трудом. А не веришь — так поди-ка сам попробуй засеять хотя бы два му!»¹²

Важной проблемой в творчестве Чжао Шу-ли является проблема раскрепощения китайки. Освобожденный народ приносит свободу женщине, и писатель показывает, какими трудными путями приходит это освобождение. Кроме рассказа «Женитьба Маленького Эр-хэя», можно назвать, например, повесть «Ложь не задушит правду» (1948), в которой любовь Сяо-бао к Жуань-ин проходит через большие испытания, прежде чем перед любящими друг друга молодыми людьми открывается дорога к счастью; или рассказ «Регистрация брака» (1950), где на примере жизни двух поколений — дочери Ай-ай и ее матери, Порхающей Бабочки, прожившей безрадостную жизнь, полную горечи и незаслуженных обид, раскрыта победа новых социальных отношений в деревне. В них писатель показывает процесс раскрепощения китайки, крушение веками существовавших обычаев и взглядов на женщину как ситуацию неполноценное. Поэтому так искренне радуется счастью своей дочери ее мать, единственной отрадой которой всю жизнь была монета Лоханя¹³. На сюжет этого рассказа потом была создана пьеса «Монета Лоханя», поставленная Шанхайским театром.

Оптимистически звучит рассказ «Фамильная драгоценность» (1949), в котором на примере отношений между свекровью и невесткой утверждается идея о том, что «женщины должны участвовать в основных отраслях производства», а не ограничивать свои интересы кругом домашних забот.

После 1949 г. Чжао Шу-ли принимает активное участие в общественной и политической жизни страны. Он целиком отдается работе по созданию опытных производственных сельскохозяйственных кооперативов в провинции Шаньси. В 1951—1952 гг. писатель работал в сельской местности района Тайханшань, собирал материал для будущих произведений.

Интересен написанный в начале пятидесятих годов рассказ «Прости меня, бог дождя!». Борьба старого с новым, прочность пережитков прошлого в сознании крестьян и слабость нового, требующего конкретной, деловой поддержки для своего утверждения, особенно ярко проявились в том, как одни борются с засухой, взывая к небесным силам и уповая на милосердие бога дождя, а другие практически решают эту проблему путем создания оросительной системы. И только после того, как вода из реки пошла по желобам на поля, исход этой борьбы стал очевиден. Даже Юй Тянь-ю, больше всех упорствовавший и не желавший отступать от веры в бога, кладет ему последний поклон и выходит из храма со словами: «Прости меня, бог дождя! Мои лосевы тоже засыхают, просят воды».

В середине 50-х годов Чжао Шу-ли написал роман «Деревня Саньливань» — произведение необычного для писателя жанра. Роман является своеобразной хроникой событий китайской деревни в период ее дальнейшего обновления, то есть создания кооперативов высшего типа. Специфика коллективизации в условиях Китая — главная проблема этого произведения, свидетельствующего о новом значительном шаге вперед Чжао Шу-ли.

Китайская деревня в своем развитии вступала на новый путь, что осознали далеко не все крестьяне. Одних жизнь на новых началах пугала своей неизвестностью, поэтому они занимали выжидательную позицию, другие вовсе не собираются вступать в кооператив.

В своем романе, ознаменовавшем следующий этап в творчестве писателя, Чжао Шу-ли показал социальные изменения на селе на высшей ступени аграрных преобразований. Прекрасное знание деревни, ее социального расслоения, умение подметить ростки нового в жизни и неприязнь писателя ко всему старому, мешающему двигаться вперед, независимо от того, касается ли это общественных или семейных отношений, — все это позволило Чжао Шу-ли воссоздать широкое полотно китайской действительности начала 50-х годов.

На страницах романа мы видим образы середняков Ху Ту-ту, Чан Ю-ли и других, а также людей, являющихся уже продуктом новой эпохи, искренне верящих в торжество новых социалистических отношений на селе. Чжао Шу-ли с симпатией изображает крестьян, которые, как мелкие производители, имеют свои слабости, но критикует эти слабости писатель с доброй и мягкой усмешкой. Китайская критика в свое время упрекала автора за то, что он якобы недооценивал способность китайского крестьянства отказаться, например, от частной собственности на землю. Вряд ли такая критика была правомерной. Именно в этом писатель, по-видимому, оказался ближе всего к жизни. Он сумел убедительно показать, как трудно для крестьянина сразу

¹² Чжао Шу-ли. Избранное. М., 1958, стр. 183.

¹³ Лохань (или Алохань) — буддийский святой, в честь которого в царствование императора Канси (1662—1722) был отлит денежный знак.

отбросить частнособственнические пережитки, укоренившиеся в его сознании в течение многих веков.

Не все, однако, удалось в этом романе. Образы передовых крестьян получились несколько схематичными. Попытка совместить реальную действительность с тем, что было нежизненно или чего не существовало вовсе, привела писателя к издержкам, в результате которых некоторые коллизии оказались надуманными. Однако отдельные просчеты не могут умалять бесспорных достоинств романа Чжао Шу-ли.

Во второй половине 50-х — первой половине 60-х годов Чжао Шу-ли по-прежнему оставался верен крестьянской теме. Он постоянно поддерживал связи со своей родной деревней, ежегодно приезжая туда, черпал материал для будущих произведений. Односельчане первыми знакомились с героями его произведений, они же часто становились их прототипами.

Чжао Шу-ли утверждал, что для повышения культурного уровня народа нужно прежде всего понять и изучить массовую базу, познать традиции народного творчества, добиться полного понимания мыслей и настроений рабочих и крестьян и в то же время иметь свое видение, свой эстетический и художественный идеал.

О тесной связи писателя с жизнью свидетельствуют и рассказы того времени, являющиеся своеобразной литературной хроникой народной жизни, — «Закаляйся, закаляйся» (1958), «Бригадир „Норма“» (1959), «Без перчаток сподручей» (1960), «Чжан Лай-син» (в русском переводе «Крепкая кость», 1962) и неоконченная повесть «Продажа табака» (1964).

Следует обратить внимание на два момента в творчестве писателя в этот период — Чжао Шу-ли остался верным своей теме, прежней ее трактовке и в начале 60-х годов. Рассказ «Взаимопроверка» переносит читателя в современную деревню. Его внимание сконцентрировано на молодом поколении сельских тружеников. Писатель и раньше уделял большое внимание молодежи, обычно противопоставляя носителям передовых тенденций людей с консервативными взглядами, выросших при старом строе. Прошло немало времени, выросло новое поколение, родившееся после освобождения. Однако эта молодежь (не вся, конечно), хотя и воспитывалась в новых условиях, унаследовала пережитки прошлого, в частности, и в ее среде есть люди, которые предпочитают личные интересы общественным.

В рассказе «Взаимопроверка» усилена сатирическая направленность и обычный для Чжао Шу-ли мягкий юмор звучит более резко, даже с некоторым оттенком неприязни к главному герою. Юноша, окончивший среднюю школу и не получивший возможности продолжать учебу, вернулся в свою родную деревню, где стал трудиться как и все. Он высокого мнения о себе, поэтому «черная» работа ему не по душе. И вот он пишет письмо секретарю парткома и жалуется на плохие порядки в бригаде, на необъективное отношение к нему членов бригады, на скуку и бескультурье, царящие на селе.

В бригаду приезжает секретарь парткома для проверки этого сигнала. Он беседует с автором письма, с молодежью, с комсомольцами. В результате выяснилось, что факты в письме освещены неправильно, бригада на самом деле является образцовой, а во всех неудачах виноват сам юноша, написавший письмо.

В этом рассказе писатель, вероятно, удалось вскрыть довольно распространенное явление, когда молодые люди в собственных неудачах пытаются обвинять своих же товарищей по работе. Какая-то часть молодежи не желала, по-видимому, возвращаться к сельскохозяйственному труду. Поэтому писатель бичует подобные настроения.

Традиция, которой следует Чжао Шу-ли, особенно ярко видна в рассказе «Бригадир „Норма“», что свидетельствует о большой и вдумчивой работе писателя над совершенствованием своего литературного мастерства. Писатель не только называет своих героев именами, сходными с широко известными в китайском народе литературными героями романа «Речные заводи», но и награждает их характерами, вызывавшими восхищение и желание подражать им. Линь Чжун во время войны против Японии воспринимался солдатами и командирами как Линь Чун Барсоголовый, а служившего с ним политрука его земляка Ли Чжань-куя «за отменную храбрость нередко сравнивали с Черным Смерчем Ли Куем»¹⁴. Изложение ведется в форме неторопливой, задушевной беседы автора со своими земляками.

Бывшие солдаты и командиры после окончания войны стали активистами по проведению кооперирования в своей родной деревне, возглавили сельскохозяйственный кооператив, а затем большую производственную бригаду. Линь Чжун — бригадир. Ли Чжань-куй — секретарь партийной организации, другие — звеньевые или просто рядовые члены этой бригады. И все они охвачены одним стремлением: принести пользу своему народу, своей стране.

Линь Чжуна занимает одно: как наиболее рационально и справедливо определять нормы выработки на трудовую единицу рабочего дня (трудодень). Бригадирю часто

¹⁴ Чжао Шу-ли. Крепкая кость. М., 1963, стр. 75.

приходится доказывать, что «каждый злак требует особого к себе подхода. Тут и качество почвы, и состояние посевов — густые они или разреженные, в рост пошли или стелются по земле. Так что раз на раз не приходится и единая норма, конечно, ничего здесь не дает»¹⁵. Он искренне боится за общее дело и верит в свою правоту. Односельчане над ним смеются. Но несмотря на это, он продолжает считать: «Норма — это тот ключик, за который нужно держаться и держаться, если хочешь вести хозяйство с умом»¹⁶.

Однако жизнь заставила Линь Чжуна признать свои заблуждения. Правда, писатель «призывает» если не сверхъестественные силы, как это делали писатели средневековья, то силы природы. Ударная уборка урожая происходит перед грозой. Когда встал вопрос о том, по каким нормам вести расчет трудодней и кто-то обронил фразу: «Трудно подсчитать, как сегодня люди работали. Ни в какие нормы не уложишься», — бригадир ответил: «Почему трудно?.. Работали все ударно.. Взвесим все, что убрали, разделим поровну на всех и рассчитаемся»¹⁷. Так Линь Чжун пришел к осознанию необходимости уравнительного распределения выработки по трудодням. Поэтому он «скомкал ненужную теперь таблицу и выбросил в корзину»¹⁸.

Рассказ о творчестве Чжао Шу-ли будет неполным, если не сказать о его постоянном стремлении учиться и учить других, особенно творческую молодежь. Он не только всегда думал о неразрывной связи писательского труда с жизнью, но и стремился передать свой опыт молодежи, о чем свидетельствует изданный в 1962 г. сборник его статей «Повторение — мать учения». В него вошли статьи, написанные в 1953—1959 гг. и убедительно свидетельствующие о Чжао Шу-ли как о художнике, много размышляющем о высоком предназначении писателя.

Чжао Шу-ли не мыслит творчества в отрыве от жизни, оно должно правдиво отражать действительность. «Чтобы избежать сухости в изложении и затронуть души людей, не следует выпячивать только одно какое-то явление, — говорит Чжао Шу-ли. — Мы должны смотреть на жизнь как на море и, ежедневно окунаясь в этот жизненный океан, прощупывать дно и берега, знать глубину и мелководье, знать, где нас подстерегают опасности... И лишь совокупность всех этих знаний поможет нам докопаться до истины, поможет передать свой замысел»¹⁹.

Таким образом, с полным основанием можно сказать, что творчество Чжао Шу-ли занимает в истории современной китайской литературы достойное место. Его произведения пользовались и будут пользоваться заслуженной любовью своего народа, подобно тому как их читают и любят во всем мире, в том числе и в нашей стране.

15 Чжао Шу-ли. Крепкая кость. М., 1963, стр. 76.

16 Там же.

17 Там же, стр. 98—99.

18 Там же, стр. 100.

19 Чжао Шу-ли. Повторение — мать учения. Пекин, 1962, стр. 62.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Политика «баланса сил» или безопасность и сотрудничество?

Р ецензируемая работа* посвящена исследованию внешней политики Соединенных Штатов Америки в отношении стран Восточной Азии. Этому региону, как известно, Вашингтон уделяет и, без сомнения, будет уделять большое внимание. Поэтому данная работа интересна прежде всего анализом современного состояния отношений со странами Восточной Азии на широком фоне азиатско-тихоокеанской стратегии США и прогнозами на будущее в «послевьетнамский период».

Автор книги Ральф Клоф является ведущим исследователем института Брукингса в Вашингтоне, представляющего собой один из авторитетных научно-исследовательских центров в США и оказывающего заметное влияние на формирование внешней политики. Он был в течение долгого времени одним из высокопоставленных сотрудников государственного департамента США — американским посланником на Тайване, руководителем китайского отдела госдепартамента, а также членом комитета по планированию внешней политики.

Исследование Р. Клофа как бы разделяется на три части, в которых он соответственно подводит итоги предшествующей политики Вашингтона в Азии, выстраивает собственную «систему приоритетов» для США в этом регионе и дает рекомендации правительству относительно внешнеполитического курса США, базируясь на известной теории «баланса сил».

Начиная свое исследование с анализа «доктрины Никсона», автор отмечает, что эта доктрина «представляла собой ответ на относительно краткосрочные изменения в военных и политических отношениях между странами, а не на долговременные тенденции в развитии международных отношений» (стр. 2). Соглашаясь по ряду аспектов с критиками доктрины (недооценка сотрудничества с Японией, ставка на проамериканские режимы в Индокитае,

приверженность политике «сдерживания» и др.), он тем не менее оценивает предшествующий политический курс США, ознаменовавший переход от «биполярного» мира к более многоплановому, как успешный.

Конкретно анализируя ситуацию в Восточной и Юго-Восточной Азии, Р. Клоф приходит к выводу, что наибольшая необходимость в изменении политики США наблюдалась именно там. Это удалось сделать Р. Никсону путем установления отношений с КНР и вывода войск из Индокитая. В дальнейшем, считает Клоф, военная интервенция не может служить методом решения проблем.

Ученый выделяет три главных фактора, которые, по его мнению, оказали основное влияние на положение в Восточной Азии. Это, во-первых, советско-китайские разногласия, которые «отразились как на межпартийных, так и на межгосударственных отношениях» (стр. 19). Во-вторых, активизация японской политики в Азии, которая подняла ряд важных вопросов. в том числе и вопрос о продолжении политики «сдерживания», ибо точка зрения Японии на проблему сохранения мира в Восточной Азии «резко отличается от тех, на которых основана эта политика» (стр. 22). И, в-третьих, — рост национализма, который, как пишет Клоф, позволил государствам Юго-Восточной Азии «иметь значительно более сильные позиции, чем 20 лет назад, для того, чтобы укреплять свою национальную независимость и маневрировать, стараясь уравновесить влияние различных великих держав» (стр. 24).

Перемены в политической обстановке в этом районе мира требовали и соответствующего изменения внешнеполитического курса США, существенный пересмотр которого начался, по мнению американского ученого, довольно поздно — только после печального опыта вьетнамской войны. Старая политика «сдерживания» стала выражаться в новых формах, а именно: «военная ответственность за поддержание линии сдерживания в Юго-Восточной Азии, постепенно перешла от вооруженных сил США к местным вооруженным силам» (стр. 27).

В этом разделе книги сколько-нибудь новые «неожиданные» для американской науки выводы обнаружить трудно, за исключением, может быть, оценки «доктрины Никсона». Однако такие «неожиданности» начинают нарастать по мере развертывания Клофом «системы приоритетов» для США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а выводы и рекомендации автора — противоречить друг другу, особенно когда он пытается подвести под международные отноше-

* Clough R. East Asia and US Security. Washington, 1975.

ния в регионе теорию «баланса сил». И это неизбежно, ибо, как уже не раз подчеркивалось в советской научной литературе, теория «баланса сил», при всех претензиях ее сторонников, не имеет научной базы, не учитывает существования в современном мире противоположных социально-экономических систем, а потому не может быть объективной, способной объяснить исторические процессы и тенденции в международных отношениях. В качестве практического руководства политика баланса сил, основанная на внеклассовом подходе, может привести лишь к обострению международной обстановки и опасным осложнениям в нынешний ядерный век.

Итак, рассматривая интересы Соединенных Штатов в Восточной и Юго-Восточной Азии, автор ставит на первое место американо-японские отношения. Такая точка зрения характерна для многих американских специалистов, однако в лице Р. Клофа концепция приоритета Японии в будущей стратегии Вашингтона имеет убежденного и весьма последовательного сторонника, который обстоятельно обосновывает эту концепцию, неоднократно возвращаясь к ней в своей книге. По Клофу, ни одна страна в западной части Тихого океана не может быть сопоставима с Японией по степени важности, которую она представляет для Соединенных Штатов, и не только потому, что стратегические интересы США переместились из Юго-Восточной Азии в Северо-Восточную. Автор подчеркивает, что Япония представляет собой третью мировую державу, а потенциально — и великую державу, от которой во многом зависит политическая обстановка в этом районе мира и баланс сил в рамках «четырехугольника» СССР — США — КНР — Япония.

Выводы ученого не допускают сомнений: отношения с Японией столь важны для США, что оправдывают в случае необходимости применение последними военной силы, а Вашингтон не только должен неустанно стремиться к укреплению союза с Японией, но и практически продемонстрировать его приоритет перед всеми другими аспектами азиатской политики США.

Следующими по важности Клоф называет отношения с Австралией. Очевидно, что по этому вопросу он разделяет взгляды тех политиков, которые ратуют за создание замкнутой «азиатско-тихоокеанской системы безопасности» с участием Австралии, Новой Зеландии, Японии и других стран, что и было провозглашено впервые в «тихоокеанской доктрине» Дж. Форда. Но учитывая, что Австралия по численности населения в десять раз уступает Японии, она пользуется и, по оценке автора, будет пользоваться меньшим влиянием в своем регионе и в мире в целом.

Что касается роли Китая, то позиция американского ученого представляется как бы сотканной из противоречий. В целом

положительно оценивая улучшение отношений США с КНР и выступая за их дальнейший прогресс, он рекомендует «не преувеличивать их важности по сравнению с отношениями США с Советским Союзом или Японией» (стр. 145). Или, призывая к устранению подозрений во взаимоотношениях и конструктивному сотрудничеству с КНР и СССР, Р. Клоф рекомендует Вашингтону проводить строго сбалансированный курс в отношении СССР и КНР, не сближаясь тесно ни с одной из этих держав.

Противоречивой выглядит позиция исследователя по главной проблеме китайско-американских отношений — по проблеме Тайваня. Самый лучший путь решения этой проблемы, пишет Клоф, — это оставить ее в покое и предоставить приоритет в ее решении самим китайцам. Однако он тут же говорит о желании США видеть Тайвань не американской базой, не китайским бастионом, не провинцией Японии, а автономной территорией, номинально связанной с Китаем, но с которой СССР, США и Япония поддерживали бы взаимовыгодные отношения. В заключение автор подчеркивает необходимость сохранения договора о «взаимной обороне» с Тайбэем (1954 г.), рассматривая его в качестве важного условия «четырёхстороннего баланса сил».

Квинтэссенция воззрений Клофа о роли Китая содержится в заключительных выводах, где он прежде всего подчеркивает, что для сохранения «четырёхсторонней структуры» необходимо продолжение советско-китайских разногласий. Тем самым автор выдает главную суть своих построений — закрепить за Китаем роль «противовеса» Советскому Союзу в международных отношениях. Спекулятивность такой позиции очевидна, а заявления о необходимости преодоления идеологических барьеров во взаимоотношениях государств, о стремлении к уменьшению опасности большой войны выглядят на таком фоне, по меньшей мере, эфемерными.

Важное место в рамках регионального баланса сил автор отводит Корее. Являясь центром переплетения интересов США, СССР, КНР и Японии, Корея, по его мнению, может стать «возможным детонатором конфликта, в который втянулись бы великие державы и который уничтожил бы надежду на развитие мирной и стабильной четырехсторонней системы» (стр. 158). Как и большинство буржуазных ученых, Р. Клоф выступает за то, чтобы не спешить с выводом американо-американских войск из Южной Кореи, поскольку в этом районе еще возможно возобновление конфликта. Он прямо солидаризируется с официальной позицией Вашингтона в этом вопросе, заключающейся в том, что США придают важное значение сохранению сеульского режима и считают Южную Корею одним из основных форпостов США в Азии, потеря которого может отразиться на политической ориентации Японии и, следова-

тельно, американском присутствии в Северо-Восточной Азии.

Из этих выводов со всей очевидностью вытекает то, что в своих теоретических изысканиях Р. Клоф недалеко ушел от опровергнутого жизнью такого понимания принципа «безопасности», в основу которого положено разделение мира на блоки и сферы влияния. Распространяя сферу «безопасности США» на столь отдаленные районы, как Восточная Азия, автор, несмотря на свои заверения в обратном, явно не учитывает реальностей настоящего времени, в особенности трагического опыта Вьетнама.

В работе Р. Клофа немалое место уделено и Советскому Союзу. В частности, содержится признание роли Советского Союза как великой мировой державы, обладающей паритетом с США в военной области, и подчеркивается важное значение СССР в международных отношениях в Азии. Автор даже призывает к укреплению отношений с Советским Союзом в рамках предложенной им «четырёхсторонней системы», находя «известную степень» совпадения в интересах США и СССР в Восточной Азии в деле создания обстановки стабильности.

Однако, даже краткий анализ книги Р. Клофа убеждает в том, что на предлагаемой ее автором основе таких «общих интересов» нег и быть не может. Основные элементы «четырёхсторонней системы баланса сил» в Восточной Азии — сохранение советско-китайского конфликта, укрепление военно-политического союза США с Японией под американским «ядерным зонтиком»; укрепление военных союзов США с южнокорейским и тайваньским режимами, стремление активно использовать в рамках нового «баланса сил» тихоокеанского союзника США — Австралию; сохранение военных баз в непосредственной бли-

зости от СССР и других азиатских стран — ясно показывают, что региональную стабильность на таком «балансе сил», а вернее «балансе страха», построить невозможно.

В целом не вызывает сомнений, что рецензируемая работа представляет собой довольно любопытное исследование, в котором с позиций правящего класса США дается широкий прогностический анализ положения в Восточной Азии и политики Соединенных Штатов в этом районе. Вместе с тем этот анализ покоится на порочной по своей сути (о чем говорилось выше) теории «баланса сил». Читая книгу, нетрудно убедиться, что при всей благовестивности намерений обрисовать контуры стабильности в Восточной Азии, автор оставляет особую роль — роль посредника в современной мировой политике — за Соединенными Штатами Америки, которые, используя известное географическое удаление от главных очагов напряженности и свои союзнические связи, могли бы прибегать к политическому лавированию в зависимости от коренных интересов американского империализма.

Однако современная политическая реальность требует новой по своей сути основы международных взаимоотношений, которая действительно обеспечила бы прочный мир, безопасность и сотрудничество в региональном или континентальном масштабах для государств с различным общественным строем и которая предоставила бы надежные совместные гарантии всем без исключения большим и малым государствам. Эта новая основа может быть обеспечена только на основе коллективных усилий всех государств региона и одинаковых гарантий для ее участников.

И. Б. Пономарева

★ ★ ★

Микронезия в американской стратегии

Автор книги «Микронезия и тихоокеанская стратегия США. Проект на

¹ James H. Webb, Jr. *Micronesia and U.S. Pacific Strategy. A Blueprint for the 1980s.* New York — Washington — London, 1974.

1980-е годы»¹ Джеймс Уэбб принадлежит к сравнительно молодому поколению американских исследователей, которые намерены предложить некие новые пути и методы проведения американской политики США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На его образ мышления существенное влияние оказала среда кадровой пентагоновской бюрократии, в которой немало лет вращался автор. Уэбб служил в армии США и Южном Вьетнаме в разгар американской агрессии против народов Индокитая, работал в министерстве ВМС США, консультировал власти острова Гуам, где расположена крупнейшая стратегическая база Соединенных Штатов на Тихом океане, а также сотрудничал в военных журналах.

Признавая изменения в соотношении сил в мире в целом и в Азии в частности, автор предлагает один из вариантов «островной стратегии» США в Тихом океане, которая позволила бы Вашингтону играть роль решающего элемента в расстановке сил в этом районе. Основой такой стратегии должно явиться создание новых баз на островах Микронезии — подопечной территории, находящейся с 1947 г. под управлением США с санкции Организации Объединенных Наций.

С учетом сложного внутреннего положения в самой Микронезии в настоящее время, в частности усиления тенденций к получению подлинного самоуправления и независимости, автор предлагает расчленить территорию: оторвать от Микронезии Северные Марианские острова, которые наряду с существующей стратегической базой на о. Гуам должны составить стратегическую ось в Западной Микронезии, примыкающей к району Восточной и Юго-Восточной Азии.

Отмечая неопределенность будущего военного присутствия США в Азии, автор призывает превратить Марианский архипелаг в основной стратегический рубеж США на Тихом океане. Вывод американских войск из стран Азии на новые американские островные базы, как считает автор, и послужит гарантией того, что США смогут избежать повторных «вьетнамов» в будущем.

Газета «Крисчен сайенс монитор», касаясь планов создания баз на острове Тиего-Гарсия в Индийском океане и на Марианских островах в Тихом океане, писала, что эти планы связаны с «давлением», оказываемым на США с целью вывода американских войск из Азии. Отсутствие, по мнению газеты, на этих островах взрывоопасных политических проблем и должно явиться одним из главных элементов, который «обеспечит успех американской островной стратегии»².

«Островная стратегия», как подчеркивает Уэбб, не является самоцелью, а должна служить реализации стремлений Вашингтона играть решающую роль во взаимоотношениях главных тихоокеанских держав: СССР, США, Японии и Китая. Именно поэтому и нужен, утверждает автор, мощный ракетно-ядерный кулак, постоянно угрожающий азиатским народам с островов Микронезии. Примечательно, что признание изменения соотношения сил в Азии, роста сил социализма и национально-освободительного движения автор сопровождает затасканным набором антисоветских клише, приписывающих Советскому Союзу мнимый экспансионизм в районах Индийского и Тихого океанов, попытки «окружить» Китай, используя борьбу за обеспечение безопасности в Азии на основе со-

вместных усилий государств этого континента и т. п.

Односторонний подход автора очевиден и в оценках китайско-японских отношений. Заметно, что автору хотелось бы стать свидетелем развития отношений КНР и Японии на антисоветской основе (стр. 17). Рассуждения автора книги о советско-японских или о китайско-американских отношениях также выявляют несомненную ущербность его теоретических выкладок, поскольку в них присутствует главный элемент уже дискредитировавшей себя блоковой политики США — откровенный антисоветизм. В новых внешнеполитических комбинациях, предлагаемых Уэббом, отражается лишь стремление определенных американских кругов выменять одну форму блоковой политики в Азии другой.

Лейтмотивом исследования Уэбба служит постоянно повторяемая мысль о том, что «фундаментально пересмотренный подход» к реализации военно-политических целей Вашингтона в Азии (сами цели — сохранение американских позиций и влияния на азиатских союзников — автор, разумеется, не ставит под сомнение) поможет в конечном итоге укреплению военно-стратегических позиций США в Тихом океане. Повторяя наряду с другими американскими авторами тему «стратегической целесообразности» тех или иных союзов США в Азии, Уэбб предлагает основное внимание уделить Японии, используя в милитаристских целях в Азии японский промышленный потенциал. Без заметного энтузиазма, но весьма категорично он высказывается за свертывание в «послевьетнамскую эпоху» американских баз на Филиппинах, Тайване, в Таиланде, Южной Корее. Вероятно, здесь сказывается влияние собственного «вьетнамского опыта» автора.

Образовавшийся с выводом американских войск из азиатских стран военный вакуум, пишет Уэбб, могла бы заполнить перевооруженная Япония. Примечательно, что перевооружение Японии рассматривается автором как желательный процесс в рамках сохранения тесного военно-политического союза с США. При этом Соединенные Штаты представили бы японскому союзнику «ядерный зонтик», а самой Японии отвели бы роль своеобразного мини-политического в Азии (навязав ей «заботу» о южнокорейском режиме и военное присутствие в Южной Корее, Юго-Восточной Азии, Микронезии (стр. 38). При подобной ситуации, утверждает Уэбб, именно США станут «стабилизирующим фактором» на Тихом океане, осуществив для этого «перегруппировку своих вооруженных сил в Азии, выведя войска из районов «соприкосновения» на острова западной части Тихого океана» (стр. 2, 8, 26).

Предлагая избегать отправки войск США в районы, которые автор называет «точками потенциального соприкосновения Восток — Запад» (стр. 47), Уэбб невольно подтверждает несостоятельность политики

² «Christian Science Monitor», 12.VII.1973.

блоков и размещения американских баз на чужих территориях, которую Вашингтон стремился навязывать азиатским народам после второй мировой войны. Автор отмечает, что в таких азиатских странах, как Япония, Филиппины, Таиланд, рост национального самосознания неизбежно выливается в острую критику присутствия американских войск на территории этих стран (стр. 23, 52, 55). Поэтому американскому автору идеальным представляется перевод баз США из азиатских стран на острова Микронезии. Правда, для этого предварительно необходимо по частям или, еще лучше, целиком превратить неподпечную территорию в собственность США.

Уэбб не сомневается, что рано или поздно окончательное присоединение микронезийских островов к США (по сути дела — аннексия) приведет к обоснованному с формально-юридической точки зрения появлению «собственно американских островных владений». В этом случае Микронезия вместе с огромными пространствами водной поверхности превратится в гигантскую тихоокеанскую резервацию Соединенных Штатов, где безраздельным хозяином будет Пентагон.

Автор убежден, что его план аннексии и дальнейшей милитаризации Микронезии найдет сторонников в США, так как потребует меньше войск, техники, бюджетных расходов (стр. 61). Главной цитаделью американских выдвинутых военных рубежей должен стать остров Гуам (территория США с 1898 г. после испано-американской войны) и «прилегающий район» (стр. 62). Уэбб, однако, признает, что если Гуам относительно прочно привязан к США и в данном случае Вашингтон может избежать политических осложнений, то неподпечные острова представляют собой «деликатную» проблему. Он не может скрыть того факта, что расширение американского военного присутствия в Микронезии вызывает сопротивление тех сил, которые стремятся к независимости островных территорий (стр. 65).

Автор, хорошо знакомый с внутриполитическим положением на Гуаме, отмечает вместе с тем, что статус Гуама как «неприсоединенной территории» связан с рядом политических ограничений для гуамцев (остров имеет представителя в конгрессе США без права голоса), засильем здесь Пентагона, занимающего одну треть всех земель Гуама и т. д. Он предлагает ограничить стратегические интересы США на Гуаме, предупредить развитие там нежелательных для Пентагона политических тенденций и решить в этих целях вопрос политического статуса Гуама по образцу Пуэрто-Рико (стр. 75).

Сквозь американскую призму «стратегической целесообразности» Уэбб рассматривает и вопрос о политическом будущем 114 тысяч жителей Микронезии, которая до сих пор является одним из колониальных и зависимых анклавов в Тихом океане.

В стремлении делегации Микронезии на переговорах с американскими властями добиться включения в соглашение пункта о возможности избрания независимого пути развития автор усматривает угрозу надеждам Пентагона на безраздельное господство на тихоокеанских островах. С явным одобрением Уэбб описывает сепаратные переговоры Вашингтона с одним из шести округов Микронезии — округом Марианских островов, где проживает 14 тыс. человек, или всего 10% населения Микронезии.

Путем сепаратного «плебисцита» на Марианах и внесением раскола в ряды микронезийцев Вашингтону пока что удалось фактически расчлнить Микронезию³. Необходимо добавить, что в марте 1976 г. президент Форд подписал декрет о предоставлении округу Марианских островов статуса «свободно присоединившейся» к США территории.

После прекращения действия соглашения об опеке (а США планируют прекратить опеку в 1980—1981 гг.) американские власти, и прежде всего Пентагон, надеются получить возможность беспрепятственного осуществления своих планов. В частности, Уэбб упоминает о секретном плане Пентагона, предусматривающего развертывание баз в Микронезии, согласно которому главные объекты должны быть построены на острове Тиниан, одном из наиболее крупных и плодородных в малоземельной Микронезии. Там намечено создать военно-воздушную и военно-морскую базы, склады, в том числе для хранения атомных боеприпасов. На соседнем острове Сайпан базой ВМС должна стать бухта Танапаг. Остров Фральон-де-Меднилья в группе Северных Марианских островов отводится под полигон для бомбометания (стр. 91). Из неподпечных территорий (кроме Марианских островов) Пентагон стремится, судя по работе Уэбба, в первую очередь «прибрать к рукам» атолл Улиги, гавань Малакал (о-ва Палау), создать базу ВВС на острове Бабелтауп, получив при этом право постоянно или временно использовать все гавани, водное пространство и аэродромы Микронезии (стр. 84—86).

Стратегическое воображение Уэбба рисует картины создания мощного стратегического рубежа Гуам — Тиниан в непосредственной близости от азиатских стран, формально на «американской земле», или «на внутренних рубежах», что якобы обеспечит успех американской военной стратегии в Азии и на Тихом океане. Уэбб напоминает, что в годы второй мировой войны на островах Микронезии размещались сотни тысяч американских солдат, и отмечает, что в случае вовлечения США в более или менее длительную войну микронезийские острова будут играть ключевую роль.

³ См. А. П. Марков. Микронезия: аннексия под видом плебисцита. — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 1, стр. 134—138.

Милитаристская направленность исследования Дж. Уэбба разоблачает в нем проповедника политики «с позиции силы». Автор хотел бы сохранить за США роль главного «тихоокеанского жандарма», а за Японией закрепить и впредь подчиненную роль младшего американского партнера.

Рассуждения Уэбба отнюдь не безобидны. Он относится к числу тех вашингтонских теоретиков, которые готовы сочувственно рассматривать любые антисоветские политические комбинации на Дальнем Востоке, одобрительно относятся к перевоору-

жению Японии вплоть до передачи ей ядерного оружия и т. п. Вполне очевидно, что политика, основанная на подобных «рекомендациях», тормозит процессы оздоровления обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе, препятствует расширению и углублению процесса разрядки международной напряженности. Такая политика не может быть оценена иначе как противоречащая интересам всех миролюбивых народов.

В. Г. Гришин

***

Монгольский народ строит социализм

Изменения, происшедшие за последние 50—55 лет в стране, которая сейчас называется Монгольской Народной Республикой,— вероятно, одно из самых ярких свидетельств животворности социалистического пути развития, способности социализма к эффективному и конструктивному решению задач преобразования отсталой в экономическом и культурном отношении страны в государство, идущее «вровень с веком».

Еще в первых десятилетиях нашего века мало стран на земле было более отсталыми, чем Монголия. Подавляющее большинство монголов жили скотоводством, кочуя со стадами с места на место в поисках пастбищ, воды и погоды. Земля и половина скота принадлежали феодалам, а араты, составлявшие 92,9% населения, находились в полукрепостной зависимости и подвергались жесточайшей эксплуатации со стороны феодалов и иностранного капитала.

Путь к национальному возрождению Монголии был открыт после Великой Октябрьской социалистической революции в России, которая способствовала пробуждению национального самосознания монгольских трудящихся.

Победа народной революции 1921 г. явилась началом новой эпохи в истории Монголии, которая в 1924 г. была провозглашена Народной Республикой. Истекшие с того времени годы были периодом быстрого всестороннего развития в области экономики и культуры, создания современной промышленности, осуществления коренных

социальных преобразований. В результате всего этого в Монгольской Народной Республике была образована единая социалистическая система хозяйства, и для страны начался новый период — завершения строительства социализма.

Таким образом, совершив в кратчайший исторический срок переход от глубокого средневековья к социализму, МНР подтвердила предвидение В. И. Ленина о возможности перехода отсталых в социально-экономическом отношении стран к социализму, минуя капитализм.

Детальные и систематизированные сведения, факты и цифровые показатели, иллюстрирующие пройденный монгольским народом путь, современное состояние всех отраслей экономики и культуры МНР, содержатся в выпущенном Издательством политической литературы справочнике «Монгольская Народная Республика»*. Автор Е. П. Баврин использовал при его составлении обширный материал о важнейших достижениях МНР за годы народной власти во всех областях социалистического строительства. Справочник, составленный на основе официальных статистических данных МНР, написан живым, образным языком и рассчитан на широкий круг читателей.

Материалы, включенные в справочник, разбиты на 15 разделов и подразделов, содержащих общие сведения о МНР, сведения о ее новейшей истории, государственном устройстве и общественном строе, народном хозяйстве, уровне материального благосостояния населения, системах образования и здравоохранения, развитии науки, культуры, литературы, искусства. В справочнике содержится карта административного деления МНР, ряд статистиче-

* Е. П. Баврин. Монгольская Народная Республика. Справочник. М., Политиздат, 1976, 112 стр. с илл.

ских таблиц с данными, характеризующими развитие народного хозяйства, серия иллюстраций, а также краткая справка для туристов, посещающих страну.

В целом справочник являет собой яркую и убедительную картину огромного скачка, совершенного монгольским народом, прошедшим за полвека исторический путь, равный столетиям. При этом «ускорителем», который дал ему возможность этого, был социалистический строй, установленный в стране волей ее народа.

В справочнике читатель найдет ответы на основные вопросы, касающиеся различных сторон жизни монгольского народа, природных условий его страны. В открывающем справочник разделе «Общие сведения» содержатся данные о размерах территории и географическом положении МНР, о физико-географических особенностях страны, о ее климате, растительном и животном мире, реках, полезных ископаемых, численности, плотности и составе населения, о ее административно-территориальном делении.

В кратком историческом обзоре рассказывается о том, как Монголия, бывшая до народной революции 1921 г. феодально-бюрократическим государством во главе с богдо-гэгэном (глава ламаистской церкви), соединявшим в своем лице духовную и светскую власть, стала народной республикой, как укреплялось и развивалось народное государство за истекшие десятилетия. «Осуществление антиимпериалистических и антифеодальных мер, способствовавших улучшению хозяйственной и культурной жизни страны,— говорится в справочнике,— встретило яростное противодействие иностранного торгово-ростовщического капитала и феодалов, которые всячески тормозили проведение их в жизнь, прибегая к созданию искусственных трудностей в снабжении населения товарами первой необходимости, а нередко и к открытым актам диверсий, саботажа и контрреволюционным выступлениям. Однако аратские массы под руководством Монгольской народной партии твердо отстаивали завоевания свободы» (стр. 16—17).

В разделе рассказывается о том, как в 1924 г. исторический III съезд МНРП провозгласил некапиталистический путь развития в качестве генеральной линии партии. «Монголия,— указывалось в решениях съезда,— не должна повторять путь, ранее пройденный другими народами мира, являющийся путем мучительного капиталистического рабства, а должна развиваться в духе подлинного народного строя в соответствии с современным международным развитием». III съезд МНРП подчеркнул также необходимость укреплять дружбу с советским народом, расширять сотрудничество с СССР.

В результате осуществления принятой III съездом МНРП программы уже к 1940 г. в Монголии было завершено строительство

некапиталистической экономики и созданы прочные основы социалистического сектора в народном хозяйстве.

Автор рассказывает о вкладе МНР в дело разгрома гитлеровской Германии, об участии МНР в разгроме японских агрессоров в годы второй мировой войны.

В справочнике содержатся сведения о переходе народного хозяйства МНР к долгосрочному социалистическому планированию, о пятилетних планах развития экономики и культуры МНР, о советско-монгольском сотрудничестве в послевоенные годы, о значении советской помощи и сотрудничества в преобразовании общественной жизни МНР. В справочнике приводятся слова из выступления Первого секретаря ЦК МНРП, председателя Президиума Великого Народного Хурала МНР Ю. Цеденбала: «Именно всесторонняя братская помощь первой страны социализма явилась исключительно важным фактором в завоевании и укреплении свободы и независимости монгольского народа, преодолении его многовековой экономической и культурной отсталости, в успешном осуществлении перехода от феодализма к социализму».

В речи на торжественном заседании ЦК МНРП и Великого Народного Хурала, посвященном 50-летию III съезда МНРП и провозглашения МНР, товарищ Л. И. Брежнев отметил: «Отношения между Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой предстают сегодня перед всем миром как образец отношений социалистического типа, пронизанных общей заинтересованностью в успехах друг друга».

В печати западных капиталистических стран нередко можно встретить статьи, посвященные Монголии, в которых положение в ней изображается с тенденциозных, а иногда и с заведомо клеветнических позиций, в искаженном свете представляющие характер советско-монгольских отношений. Вот, к примеру, статья из полуофициоза американского госдепартамента «Форин афферс» за апрель 1972 г. Автор ее — известный журналист Г. Брэдшер — распространяется о «советизации Монголии», о том, что здесь «методы производства мало изменились с XIII века» и т. д. и т. п.

Достаточно, однако, ознакомиться с объективными и многосторонними показателями, цифрами, фактами, приводимыми в справочнике «Монгольская Народная Республика», чтобы убедиться, насколько такие заявления, мягко говоря, далеки от действительности.

В 1974 г. в стране, в которой, по утверждению американского журналиста, «методы производства мало изменились с XIII в.», было произведено 729,3 млн. кВт·ч электроэнергии (таблица на стр. 53). Значительное развитие в МНР получили такие отрасли современной промышленности, как угольная, горно-рудная, энергетическая, металлургическая, обрабатывающая, строительная, материалов. За 1960—1973 гг. добыча угля возросла в 3,8 раза, производство электро-

энергии и тепловой энергии — в 8,8, строительных материалов — в 2,7, продукция металлообработки — в 4,9 раза. Ныне продукция тяжелой промышленности составляет около 40% общего выпуска промышленной продукции страны (справочник «Монгольская Народная Республика», стр. 52). Не смешными ли выглядят на этом фоне утверждения о том, что в Монголии по-прежнему царит XIII в.?

Ознакомление с содержащимся в справочнике «Монгольская Народная Республика»

ка» материалом наглядно и убедительно свидетельствует о том, что монгольский народ, совершивший за последние полвека скачок из средневековья в современность, ныне является равноправным членом социалистического содружества народов, уверенно идущим в их общем строю по пути прогресса и подъема народного благосостояния.

Б. В. Валентинов

Книга об этническом развитии Филиппин

Пожалуй, можно сказать, что «Сампагита, крест и доллар»¹ — первое в нашей востоковедной литературе исследование по национальной психологии филиппинского народа. В ней рассказывается о современной жизни и истории филиппинцев, их обычаях, нравах, социальном поведении. И в этом смысле она удачно дополняет вышедшие ранее на русском языке монографии, посвященные истории, экономике, философии, филологии современной Филиппинской республики. Первая книга И. В. Подберезского описывала Филиппинский архипелаг по преимуществу с этно-географической точки зрения². В новой работе автор значительное место уделяет проблематике социальной и политической. Между этими книгами существует определенная связь: новая монография как бы вырастает из предшествовавших ей «Очерков о Филиппинах» (кстати, в них также есть глава «Духовный склад филиппинца»). Но если в первой книге автор в основном опирается на свои собственные наблюдения и размышления, связанные с неоднократным пребыванием в этой стране, учебой в аспирантуре государственного Университета Филиппин, то в анализируемом издании под личные наблюдения подведен прочный фундамент из научной литературы: в приложенном списке литературы 200 раз-

личных источников на русском, английском и испанском языках.

Автор ставит перед собой задачу «попытаться установить, что принес стране колониализм, как филиппинцы реагировали на насильственное насаждение новых институтов», как это сказало на их национальном характере, что они позаимствовали, а что отвергли в процессе длительной культурной, духовной интерференции.

Книга состоит из трех разделов, каждый из которых снабжен характерным названием: «Сампагита», «Крест» и «Доллар».

Сампагита — это филиппинский жасмин, цветок национальной символики, подобно русской березке или японской сакуре, воплощает для филиппинца лучшие свойства человеческой души, олицетворяет собой Филиппины — «страну семи тысяч островов».

Уже в первой главе этого раздела — «Семья и общество» содержится, по нашему мнению, основная мысль, которую И. В. Подберезский основательно и всесторонне доказывает всем ходом повествования: «Несмотря на длительное колониальное господство, поведение филиппинца и сейчас во многом определяют отношения, сложившиеся еще до того, как Фернандо Магеллан высадился на берегах архипелага» (стр. 8); но, разумеется, эти слова не следует понимать буквально, так как социальное поведение филиппинцев значительно модернизировалось в современную эпоху.

Общинные патриархальные отношения, не утратившие своей силы и по сию пору, современные родственные связи, имеющие огромную власть на Филиппинах, как и в ряде сопредельных стран ЮВА, во многом объясняют те характерные негативные черты послевоенной политической и общественной жизни Филиппинской республики, на которые указывают многие исследователи и наблюдатели, — непотизм, патернализм и разветвленная система фаворитизма в столице и провинции, в городе и деревне. В особенностях этих отношений коренится и неперекраемый авторитет родителей и стар-

¹ И. В. Подберезский. Сампагита, крест и доллар. М., «Наука», 1974.

² И. В. Подберезский. Страна семи тысяч островов. Очерки о Филиппинах. М., «Мысль», 1970.

ших родственников. Но почему столь живучи патриархальные семейные отношения? Потому что «общество не может обеспечить индивиду не только сносную жизнь, но и просто существование, тогда как семьей все же можно выжить. Волей-неволей культивируются качества, нужные для сохранения семьи (фактически самой жизни): строгая иерархия, привычка полагаться на других, послушание и взаимопомощь... Семейные отношения оказываются, таким образом, вплетенными в ткань других социальных связей: классовых, сословных, религиознообщинных и этнических» (стр. 15—16).

Уровень жизни на Филиппинах крайне низок. В стране на 13,8 млн. работоспособного населения насчитывалось 2,8 млн. полностью или частично безработных. Филиппинская республика развивается по капиталистическому пути, и соответственно разрушаются патриархальные связи. «С ростом классового самосознания патриархальные отношения размываются. Было бы, однако, преждевременным полагать, — пишет И. В. Подберезский, — что они уже изжиты. Они существуют и оказывают тормозящее действие на развитые страны» (стр. 30). Постепенно традиционные отношения в филиппинском обществе уступают место отношениям эксплуататора и эксплуатируемого в полном соответствии с законами политической экономии капитализма. Различные ступени этого процесса хорошо показаны в рецензируемой книге.

Типичный жизненный путь филиппинца прослежен автором, начиная с раннего детства: дошкольное воспитание, начальное обучение, профессиональная специализация, производственная, общественная и политическая деятельность. Особо тщательно рассматриваются вопросы брака и семьи в современном филиппинском обществе. Несмотря на то что женщина в семье занимает достаточно независимое положение и обладает высоким статусом еще в доиспанских времен, сфера приложения ее сил в общественной жизни ограничена «традиционно женскими» отраслями и сферами, она играет подчиненную по сравнению с мужчинами роль.

Вторая глава книги И. В. Подберезского, как нам представляется, имеет особо важное значение: в ней рассматриваются специфические черты «нравственных норм в представлении филиппинцев». Прежде всего, это взаимосвязь различных групп филиппинцев через систему разного рода взаимных обязательств, исполнение которых считается неизменным долгом. Этот принцип взаимности, пронизывающий всю совокупность общественных отношений, играет немалую роль в деле социальной интеграции филиппинцев и имеет несколько разновидностей (стр. 51—60). Другим таким принципом является нарушение этого внутреннего долга, «совесть» — обостренная чувствительность, страх «потерять душу», что в какой-то степени может свидетельствовать о недостаточном развитии индивидуальности. Нако-

пец, третьим принципом является «совместимость», «совместность»: умение построить свои отношения в любой ситуации со всякими людьми, что предопределяет присущую всем филиппинцам исключительную вежливость, обходительность, тактичность, а также гостеприимство, которым они славятся на Востоке. Эти принципы есть «основные ценности традиционного филиппинского общества», они сложились еще до прихода на острова Филиппинского архипелага испанских завоевателей, пережили полувекое господство американских империалистов. И, несмотря на то, что они в определенном отношении трансформировались на протяжении прошедших четырех столетий, эти три принципа и ныне «составляют основную сущность социальной психологии большинства филиппинцев» (стр. 78), хотя, конечно же, не следует их абсолютизировать и переоценивать.

«Крест» — название второго раздела книги, обозначающее испанское колониальное владычество на Филиппинских островах в течение 333 лет, во время которого их обитатели в большинстве своем были обращены в католичество (ныне Филиппины единственная католическая страна в Азии). В первой главе «Испанцы и филиппинцы» показывается в историческом контексте распространение испанского колониального влияния на все стороны общественной жизни — долгий и мучительный процесс «испанизации и христианизации», подробно анализируется колониальная экономическая политика на Филиппинах XVI—XIX вв., дается динамика социальной структуры филиппинского общества.

В период испанского господства филиппинцы более ста раз поднимались на борьбу против колонизаторов. В процессе становления сил антииспанского сопротивления зародились и элементы интеграции, сложения единой филиппинской нации. «Именно в этой борьбе жители островов стали осознавать себя не только частью семьи, родственного коллектива, но и частью более высокого единства — нации. Представители разных народностей — тагалы, висаянцы, илоканцы и другие — не испытывают вражды друг к другу» (стр. 114).

Во второй главе этого раздела, «Христианизация Филиппин», автор подробно излагает историю насаждения католичества в стране и рассматривает различные аспекты его влияния на духовную жизнь филиппинцев. Здесь интересны свидетельства о тесном соединении филиппинского католичества с элементами анимизма доиспанского периода — верой в злых духов, рок, амулеты, почитанием духов предков и пр. Весьма важными являются наблюдения автора над процессом религиозного обновления самых последних лет. Более того, противодействие филиппинцев ортодоксальной, официальной католической религии приобрело и организационные формы: в 1902 г. возникла Независимая филиппинская церковь Гр. Аглипая, весьма популярная в стране, а в 1914 г. так

называемая Церковь Христа. Среди местных католических святых многие почитают и национального героя страны, выдающегося филиппинского писателя Хосе Рисаля.

В заключительной части этого раздела показывается ход национально-освободительной революции 1896—1898 гг. на Филиппинах (кстати, Гр. Аглипай был главным капелланом филиппинской революционной армии), анализируются причины поражения первой Филиппинской республики.

В последнем, третьем, разделе работы, названном «Доллар», первая глава «США и Филиппины», непосредственно связанная с предыдущей, содержит краткий исторический обзор развития событий в годы филиппино-американской войны, установления и упрочения американского господства на архипелаге. Рост национального самосознания, усиление антиколониальной борьбы филиппинских трудящихся с самого начала выдвинули колониальную администрацию Соединенных Штатов идти на уступки: в 1907 г. была создана Филиппинская Ассамблея, в 1934 г. Филиппинам предоставили ограниченную автономию, в 1935 г. утверждена конституция страны, действовавшая до 1973 г., в 1946 г. провозглашена независимая Филиппинская республика, которую США намеревались превратить в «витрину американской демократии в Азии». «Филиппинизация», однако, как показали первые 25 лет независимого развития, обернулась еще большей «американизацией»: структура государственного устройства, конституция, филиппинское законодательство в значительной степени следовали американским образцам; «особые отношения» между двумя странами состояли в том, что американские граждане пользовались равными возможностями с филиппинцами в экономической области, на островах расположились американские военные базы. Филиппинская республика находилась в тяжелой финансовой зависимости от США. И по сей день остро ощущается американское влияние в области образования и культуры.

Вместе с тем развитию капиталистических отношений в известной степени препятствует консерватизм традиционной психологии, низкий уровень производительных сил общества, несмотря на более четкую классовую поляризацию и усложнение социальной структуры.

Глава о «демократии» на Филиппинах, сделавшейся предметом самостоятельного исследования, представляет безусловный интерес ввиду значительной специфики системы выборов и их проведения, особенностей политической жизни и политической борьбы, пронизанных традиционными отношениями личной преданности, взаимного долга и прочих патриархальных установлений. Коррупция и фаворитизм, непотизм играют чрезвычайно значительную роль. «Любую должность, — пишет автор книги, — от вахтера до министра — можно получить лишь по протекции». В деталях рассмотрен и сам механизм подкупа на выборах, в судебных

инстанциях, бюрократическом госаппарате, а также фарс политического противостояния в двухпартийной системе американского образца. «Иерархическое строение филиппинского общества, восходящее к эпохе господства родовых и феодальных порядков, дает себя знать и в условиях декларированной буржуазной демократии» (стр. 213). Недаром во время очередной кампании чистки государственного аппарата Филиппин Ф. Маркос только в 1975 г. уволил за взяточничество и семейственность около 2 тыс. чиновников³.

В настоящее время аграрное патриархальное общество на Филиппинах, безусловно, уходит в прошлое, сдавая свои позиции обществу индустриальному, капиталистическому. Этот болезненный и сложный процесс составляет сущность нынешнего переходного периода, о котором говорится в заключительной главе книги «Трудности перехода». Администрация проводит различные программы: «коммунального развития», строительства дорог, школ, больниц, «планирования семьи» и пр. Но модернизация пока неэффективна вследствие пассивности масс, укоренившихся предрассудков. Требования промышленного развития нередко прямо противоречат традиционным установкам, не учитывая традиционной психологии филиппинца, и «неэкономические факторы» становятся существенной помехой на пути социально-экономического прогресса в современной Филиппинской республике.

Существенно отметить, что все описанные И. В. Подберезским черты в основном присущи городской жизни современных Филиппин. Автор слабо представляет нам жизнь сегодняшней филиппинской деревни, а между тем в деревне сосредоточено пока около трех четвертей филиппинцев, и именно «проклятый» аграрный вопрос является камнем преткновения для многих филиппинских правительств, не исключая и нынешнего президента страны Фердинанда Маркоса. Без описания деревни и аграрных отношений нельзя составить полного представления о национальных чертах и современном этническом развитии Филиппинской республики.

Книгу «Сампагита, крест и доллар» завершает весьма необходимое в данном случае Послесловие. Оно относится к сравнительно недавним событиям в стране. В сентябре 1972 г. президент Ф. Маркос объявил на Филиппинах чрезвычайное положение и нанес серьезный удар по «старой олигархии», противившейся обновлению страны. Армия, на которую он опирается в своей «мирной революции сверху», разоружила частные военизированные формирования, арестовала заговорщиков из числа помещиков, сенаторов, а также ряд левых экстремистов, закрыла многие органы массовой информации, взяла под контроль аэропорты,

³ См. В. Григорович. Филиппины наших дней. — «Новое время», 1975, 7.XI.1975, стр. 13.

вокзалы и пр. В опубликованном указе Маркос заявил, что намерен положить конец преступности, ликвидировать коррупцию, улучшить жизненные условия населения и построить «новое общество», объявлялась также кампания «морального обновления». Аграрная реформа стала осуществляться более последовательно, делаются попытки кооперирования. К этому следует добавить, что была легализована компартия⁴. В январе 1973 г. введена в действие новая конституция, объявившая Филиппины парламентской республикой, конгресс американского образца был упразднен.

Исход борьбы между старым и новым в стране, однако, пока не ясен. И автор книги не спешит предопределить дальнейшее развитие событий. Ему присущ трезвый подход к анализу собранных фактов. Во многом его оценки сохраняют свою актуальность и ны-

не, они верны и объективны. Так, серьезные препятствия не позволили Ф. Маркосу осуществить в полном объеме прокламированную аграрную реформу, изъятие излишков земли у крупных землевладельцев застопорилось; постоянно дают себя знать «рецидивы прошлого», как их назвал сам Маркос⁵.

Нам представляется, что книгу «Сампакита, крест и доллар» с большим интересом и несомненной пользой прочтут все интересующиеся проблемами стран современного Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

В. М. Макаренко

⁵ См. В. Григорович. Филиппины наших дней. — «Новое время», 7.XI.1975, стр. 12—13; его же. Филиппины: проблемы и надежды. — «Проблемы Дальнего Востока», № 3, 1976.

⁴ См. «За рубежом», № 48, 1974.

Исследование по истории чжурчжэней*

История тунгусо-маньчжурских народов, жизнь и деятельность которых оказали заметное влияние на развитие Дальнего Востока, во многом остается еще недостаточно исследованной. Особенно это относится к чжурчжэням, внесшим значительный вклад в историю данного региона. Созданное ими на обширной территории Приморья, Маньчжурии, Восточной Монголии, Северного и Центрального Китая мощное государство Цзинь просуществовало более века, с 1115 по 1234 г. Однако досконального исследования этого интересного периода истории народов Дальнего Востока мировая историография до последнего времени не имела. Выход в свет книги ленинградского востоковеда М. В. Воробьева «Чжурчжэни и государство Цзинь» во многом восполняет этот пробел.

Перед автором стояла сложная задача со многими неизвестными: необходимо было воскресить историю целого народа, ос-

новываясь на самых разнохарактерных источниках и литературе, во многих отношениях весьма скудной и односторонней. Касаясь трудностей изучения истории чжурчжэней, специфики источников, большая часть которых написана на китайском языке, автор отмечает, что «...успехи чжурчжэней подверглись присвоению благодаря непревзойденному методу, столетиями разрабатываемому китайскими учеными. В русле китайской истории с неизменной последовательностью вводилось все, что происходило в китайской и околочитайской ойкумене, независимо от того, осуществлялось ли это в Китае, для Китая, против Китая или в связи с Китаем. Китайцы считали себя единственными распорядителями мира: для них — всего, для нас — дальневосточного. В итоге такой метод привел к потрясающим результатам... Киданьское государство Ляо (916—1125) и чжурчжэньское Цзинь завоевали значительную часть Китая, а монгольская династия Юань (1280—1367) — весь Китай, и эти государства и династии, и все ими сделанное официально включены китайскими историками в фонд истории Китая... в мире культурной истории Китая едва ли не безвозвратно растворились бесчисленные вклады многих не китайских народов и государств. Аналогичная судьба постигла и чжурчжэней» (стр. 3—4).

Книга М. В. Воробьева — это серьезный, фундаментальный труд, раскрывающий один из малоизученных этапов развития тунгусо-маньчжурских народов. Фактически в работе подводятся итоги почти десятилетнего исследования. В 60-х — начале

* М. В. Воробьев. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). М., 1975, 448 стр.

70-х годов М. В. Воробьев опубликовал серию статей и докладов, из которых следует упомянуть такие, как «Хозяйство и быт чжурчжэней до образования династии Цзинь», «Этнос в средние века (на материале чжурчжэней)», «Уголовное право государства Цзинь», «Народы империи Цзинь и национальная политика чжурчжэней» и др.

Автор строит основные положения своего исследования на тщательном анализе китайских первоисточников и богатого археологического материала, часть которого была собрана им самим во время полевых работ на Дальнем Востоке. Им проанализированы такие источники, как «Цидань го чжи» («Записки о государстве киданей»), составленные сунским ученым Е Лун-ли в 1179 г.; «Ляо ши» («История Ляо»), завершенная особым комитетом под председательством То Кэ То в 1345 г.; «Да Цзинь го чжи» («Записки о государстве Великая Цзинь»), «Цзинь чжи» («Записки о Цзинь»), «Ши Цзинь лу» («Записки о посольстве в Цзинь»), «Цзинь ши» («История Цзинь») и многие другие. Широко используя первоисточники и учитывая достижения мирового чжурчжэноведения, прежде всего отечественного (работа академика Окладникова А. П.) и японского (монографии Тояма Гундзи и Миками Цугио), М. В. Воробьев выдвинул ряд оригинальных концепций, позволяющих по-новому осмыслить социальную структуру и динамику развития чжурчжэней.

Монография состоит из «Предисловия», в котором автор излагает постановку проблемы, знакомит с источниками и историографией, и трех основных глав: «Чжурчжэни до 1115 года» (гл. 1), «Государство Цзинь (1115—1234 гг.)» (гл. 2), «Чжурчжэни и другие народы» (гл. 3). Такое распределение материала позволило автору наглядно проследить эволюцию чжурчжэньского общества и выделить уже в период государства Цзинь новые элементы чжурчжэньской культуры: памятники письменности, книгопечатание, литературу, архитектуру, скульптуру, живопись, прикладное искусство, просвещение. Книга заканчивается развернутым заключением.

Изучая историю чжурчжэньского народа и взаимоотношения чжурчжэней с сунским Китаем, государством Ляо и Кореей, автор избрал многопланово-комплексный метод исследования. Обычно в наших трудах такие проблемы исследуются в двух плоскостях — политической и социально-экономической истории. Гораздо реже подобные исследования сочетаются с изучением культурной и особенно этнической истории. Автору же рецензируемой работы удалось органично совместить все четыре компонента. В качестве самостоятельного можно выделить еще один — развитие государственности и права, позволяющий наиболее четко проследить процессы взаимовлияния и взаимообогащения.

Изучение этнической истории помогает понять многие неясные прежде процессы. Действительно, можно ли только исходя из сопоставления уровней социально-экономического развития объяснить причины завоевания всего Китая или какой-то его части киданями, чжурчжэнями, монголами или маньчжурами? В чем истоки таинственной силы древних германцев, гуннов, арабов и монголов, сокрушавших огромные империи? Занимаясь решением этой сложной проблемы на примере чжурчжэней, автор вполне обоснованно пишет: «...средствами одной только политической и социально-экономической истории не всегда удается объяснить неожиданное, казалось бы, возвышение некоторых племен, находившихся в относительно худших условиях, чем их соседи: истоки тех сил, которые позволили доселе неведомым племенам (киданям, чжурчжэням, монголам) нанести сокрушительные поражения китайской империи, могущественной в социально-экономическом и военно-политическом отношении, создавать обширные многонациональные государства, существовавшие долгие десятилетия или столетия. Столь же непонятен внезапный крах этих государств, полное и быстрое исчезновение с исторической арены одних (кидани) и новое возрождение спустя столетия других народностей (чжурчжэни-маньчжуры, монголы)» (стр. 358—359).

При выяснении скрытых причин этих переломных исторических процессов и сдвигов во взаимоотношениях огромных популяций, решающее слово, с учетом социально-экономических факторов, принадлежит этносу, точнее, стадии его развития, характеризующей специфическое состояние человеческой среды, когда сами ее члены становятся активными участниками событий. Отмечая это важное явление, М. В. Воробьев вполне обоснованно заключает, что, как правило, во всех подобных случаях «...мы всегда имеем дело с двумя действующими лицами — с победителем, находящимся в расцвете этнической истории (для средневековья — обычно на этапе формирования народности), и с побежденным, чей этнос пребывает в состоянии застоя или кризиса. Нетрудно заметить, что в условиях бурного этнического развития — формирования народностей и активизации их деятельности — многие социальные, экономические и политические факторы и события переплетаются с процессами этническими и как бы «затемняются» ими. В периоды же «спокойной» трансформации сложившегося этноса, например средневекового китайского, социально-экономические факторы отчетливо выступают на передний план, а этнические ощущаются в известной мере как подспудные» (стр. 359).

Это соотношение уровней развития двух различных этносов прослеживается автором на примере истории китайско-чжурчжэньских отношений. Именно консолидация племен, создание мощного общеплеменного союза, а впоследствии «варварского» госу-

дарства с монополитной этнической основой, «всеобщее равенство всех членов этнического сообщества», объединенного единой целью территориального расширения, с учетом ряда благоприятных политических факторов, создали условия для победы чжурчжэней над Китаем. Созидательная мощь чжурчжэньского этноса, находившегося на подъеме, позволила ему создать собственную империю со своеобразной культурой. На большом и разнообразном фактическом материале М. В. Воробьев аргументированно показывает, что элементы китайской культуры, заимствованные чжурчжэньской верхушкой не разрушили этническую и культурную самобытность чжурчжэней эпохи Цзинь. Она уцелела и после краха империи, дав через несколько сотен лет импульс для возрождения потомков чжурчжэней — маньчжуров.

Высокий профессиональный уровень, умение плодотворно применять марксистско-ленинский метод анализа социальных, культурных и этнических явлений, хорошее знание источников — все это позволило М. В. Воробьеву создать убедительную картину развития чжурчжэней на протяжении более двух столетий, показать их формирующую роль в длительной истории тунгусо-маньчжурских народов. В то же время работа не лишена некоторых недостатков и спорных положений. Хотелось бы обратить внимание на следующие два момента.

Во-первых, о характере общины и ее эволюции, взаимоотношении общины с системой «мэнъянь» и «моукэ».

Конечно, исследование низшей социальной организации в древности и средние века — дело чрезвычайно сложное, но тем не менее необходимо, поскольку без расщепления этого социального атома мы не поймем структуры общества. Автор проделал большую работу по реконструкции чжурчжэньской общины, показав основные этапы ее развития: родовой, семейной, территориальной, соседской и, наконец, появление в XII в. в государстве Цзинь «военизированных территориальных общин мэнъянь и моукэ». Характерно, что почти на всех этапах развития общины присутствовал один немаловажный элемент — она была населена кровными родственниками. Правда, не всегда ясно, представляла ли община собой одну родственную группу или сообщество нескольких родственных групп, не связанных между собой кровными узами. Приведенный в работе материал о стойкости кровнородственных связей внутри общины, несмотря на разделение семей и переселение в Северный Китай, об экономической общности при наличии индивидуальных хозяйств и частной собственности, наконец, об идеологической общности (персонифицированной иногда в шаманах), а также о соподчинении «моукэ» «мэнъянь» позволяет выдвинуть гипотезу о существовании и у чжурчжэней, так же как и у ряда европейских и азиатских народов, включая китайцев, патронимии. Чжурчжэньская пат-

ронимия на протяжении нескольких столетий прошла, не распадаясь, а внутренне трансформируясь, через несколько этапов, ее не разрушила даже имущественная дифференциация. М. В. Воробьев совершенно правильно заключает, что общины «мэнъянь» и «моукэ» являлись экономической и военной базой правительства. Следовало бы связать общину с этносом. Именно она сохранила этнос, уберегла его в период суровых политических передраг и трансформаций.

Во-вторых, о самобытности чжурчжэньской государственности.

Автор показал, что за сто с лишним лет чжурчжэни прошли через четыре восходящих этапа государственной организации: от военной демократии в середине XI в. через «варварское государство» в конце XI в., «военное раннефеодальное государство» в первой четверти XII в., к первой стадии «централизованной бюрократической монархии развитого феодализма» в середине того же века (стр. 150 и др.). Темпы довольно высокие даже для средневековья. Подводя итоги своего исследования, М. В. Воробьев выделяет в конце книги двенадцать наиболее важных пунктов, причем а четырех из них (6, 7, 8, 10) неоднократно подчеркивает совершенство цзиньской государственной структуры, являвшейся, по мнению автора, «высшим и оригинальным воплощением творческих сил средневекового южнотунгусского общества» (стр. 382). Нисколько не посягая на творческие потенции чжурчжэней, следует все-таки отметить, что, если бы чжурчжэни, находившиеся к моменту завоевания на стадии становления раннего военно-феодального государства завоевали общество, формационно близкое им или стоящее ниже, они бы за 50 лет не построили развитую военно-бюрократическую монархию. История не знает примеров такого скачкообразного самостоятельного развития для докапиталистических формаций.

Требуются столетия для вызревания внутренних условий, появления плеяды теоретиков и практиков государственного строительства. Войдя в соприкосновение с сунским Китаем, чжурчжэни столкнулись с высокоразвитой государственностью — императорской системой управления, сформированной в V—I вв. до н. э. и успешно функционировавшей уже около тысячи лет. Уже на этом этапе китайская государственность оказала значительное влияние на развитие государственных структур Кореи, Японии, Вьетнама, тангутов (достаточно вспомнить тангутское законодательство), киданей. И чжурчжэни не были исключением. Кстати, это подтверждает и сам автор. «При создании государственного аппарата, — пишет М. В. Воробьев, — они (чжурчжэни. — Л. П.) использовали готовые китайские формы» (стр. 371).

Когда мы сопоставляем разноразличные государственные пласты, следует помнить, что та функционирующая модель,

с которой сталкивались соседи Китая, в данном случае чжурчжэни, была, как правило, неполным слепком теоретической модели, содержащей гораздо больший и разносторонний арсенал средств и институтов. Когда автор представляет в качестве чжурчжэньского нововведения установление контроля военных губернаторов над гражданскими чиновниками, то здесь нет ничего оригинального: императорская система предусматривала контроль над действиями администрации не только через цензорат, но и с помощью специальных эмиссаров центра, неподвластных местному начальству. Смена одеяний не вносила нового. Иное дело система двойного управления: для китайских районов — китайская, для чжурчжэньских — чжурчжэньская, не-

сколько модифицированная. Здесь действительно наблюдается воплощение творческих сил чжурчжэней, сумевших на время сementировать элементы двух разнопорядковых государственных систем.

Указанные недостатки несколько не умаляют достоинств рецензируемой работы. Советское востоковедение получило фундаментальное исследование, показавшее, что чжурчжэни — самобытный народ с богатой материальной и духовной культурой, чья историческая судьба неразрывно связана с историческими судьбами других тунгусо-маньчжурских народов Сибири и Дальнего Востока.

Л. С. Переломов,
доктор исторических наук

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

О научной и педагогической деятельности Б. И. Панкратава (к 85-летию со дня рождения)

14 марта исполнилось 85 лет со дня рождения и 60 лет научной и педагогической деятельности видного советского исследователя Дальнего Востока и Центральной Азии Бориса Ивановича Панкратава.

В 1948 г. академик М. В. Алексеев говорил, что комплексу знаний Б. И. Панкратава «каждый из нас, имеющих ученые степени китаистов, может только позавидовать». Он называл его «китаистом-полиглотом», имея в виду его владение не только китайским, но и монгольским, маньчжурским и тибетским языками, ученым, в котором в отличие от других «все части полиглотического целого живут полной жизнью, ибо поддерживались его непрерывной деятельностью, исследовательской и преподавательской, во всех таких статьях, особенно в монголистике и тибетонистике».

Комплекс знаний этого рода могло дать лишь соединение кабинетных штудий с практическим изучением быта и культуры жителей Дальнего Востока. Более 25 лет провел Борис Иванович в их среде, глубоко проник в их жизнь. И рассказ о нем можно начать так, как начинается традиционная дальневосточная биография — с сообщения его имени и места, откуда он родом, и эпизода, который еще в юности предвещал его необычное будущее.

Борис Иванович Панкратав родился в Костроме 29 февраля (по ст. стилю) 1892 г. В годы учения в Костромском реальном училище он имел друзей в татарской слободе, которые учили его началам татарского и арабского языков и ознакомили с кораном. Под влиянием этой дружбы, а затем книг Н. М. Пржевальского и Б. И. Пясецкого у юноши пробудился интерес к Востоку — интерес, который заставил его пересечь Россию и поступить на китайско-монгольское отделение Восточного института во Владивостоке.

Учителями Бориса Ивановича были профессор А. В. Рудаков, Г. Ц. Цыбников и П. П. Шмидт. Студентом (1911—1916) он большую часть времени проводил в Монголии, где кочевал с монголами, знакомясь с их языком и бытом, а также изучая маньчжурский и тибетский языки.

Защитив дипломную работу, в которой он доказал, что дагурский язык жителей

Барги принадлежит к монгольской, а не к маньчжурской группе (как считалось ранее), и окончив отделение по первому разряду, Борис Иванович был оставлен при кафедре монгольской словесности для приготовления к профессорскому званию. В институте он преподавал монгольский и маньчжурский языки.

В 1918 г. он был командирован в Китай и жил в Ханькоу, где преподавал русский язык, изучал диалекты провинций Хубэй и Хунань.

С 1921 по 1935 гг. он провел в Пекине, работая сначала в РОСТА, а с 1924 г. — ученым специалистом в посольстве СССР. Вскоре после переезда в Пекин близко познакомился с представителями передовой китайской интеллигенции, вождями «движения 4 мая», с профессором Ли Да-чжао, одним из основателей КПК.

Борис Иванович принимал активное участие в жизни пекинских университетов и институтов, где преподавал, занимался научными исследованиями и выступал с рядом докладов. Здесь он приступил к первой большой работе, которая требовала знаний китайского и монгольского языков XIV—XV вв., их исторической фонетики, китайской и монгольской истории и т. д. В 1922—1929 гг. он подготовил впервые первый вариант перевода «Секретной истории монголов» (Юань чао би ши). Работа включала реконструкцию монгольского текста по китайской транскрипции, перевод на русский язык, примечания и словарь.

Большой темой, выросшей из изучения «Юань чао би ши», явилось исследование китайско-монгольских словарей и документов XIV—XV вв., выполненное им в 1925—1927 гг. Оно включало реконструкцию монгольского текста этих памятников, а также их перевод с примечаниями.

Посещая Монголию в 1921—1928 гг., он пополняет свои познания по ее этнографии и языку, собирает большие материалы по чахарскому диалекту.

Долгие годы пребывания в Пекине Борис Иванович собирал материалы по пекинскому диалекту китайского языка. Результат этой работы — уникальная коллекция образцов пекинского фольклора; часть ее составляют разговорки сехоутой; свыше

1000 поговорок Борис Иванович перевел, снабдив фонетической транскрипцией и отдельными примечаниями. В 1929 году Борис Иванович, давно уже занимавшийся буддизмом, был приглашен в Китайско-индийский исследовательский институт при институте Гарвард — Яньцзин, где проработал до 1935 г. старшим научным сотрудником, а одно время был заместителем директора. Институт занимался вопросами культурных связей Китая с Индией. Здесь Борис Иванович углубил знания санскрита и философии буддизма, много занимался историей буддизма в Китае, Тибете, Монголии и Индии, буддийской иконографией.

Это были годы плодотворной работы Бориса Ивановича как лингвиста. Он занимался вопросами алтайского языкознания, записал и исследовал материалы по малоизвестному языку джарун (тибето-бирманской группы), на котором говорит население района Цзиньчуань провинции Сычуань, обработал лингвистические материалы по дагурскому языку, собранные в 1914—1930 гг.

Осенью 1935 г. Борис Иванович вернулся на родину и семь лет проработал старшим научным сотрудником Монгольского кабинета ИВ АН СССР в Ленинграде.

Он занимался прежде всего составлением и редактированием Большого монгольско-русского словаря. Здесь же им написаны «Очерк истории Тибета с VII по XIV вв.», «Очерк тибетской литературы» и «Очерк географии Восточной Монголии». Активно занимался он и преподавательской деятельностью — преподавал монгольский, китайский и маньчжурский языки. В 1938 г. вышел в свет его «Учебник китайского разговорного языка», высоко оцененный специалистами.

С 1942 по 1948 гг. Борис Иванович работал в посольстве СССР в Китае.

По возвращении из Китая Борис Иванович продолжал работу в ИВ АН в Ленинграде в качестве научного сотрудника, ученого секретаря Рукописного отдела. С 1963 г. он находится на пенсии.

Борис Иванович всегда очень щедро делился своими знаниями и опытом. Он вел семинары, читал лекции, занимался с докторами и десятками аспирантов, воспитал и научил работать многих молодых научных сотрудников.

Плодотворная научная и педагогическая деятельность Бориса Ивановича снискала ему уважение многих советских и зарубежных востоковедов.

Сдано в набор 18/1-1977 г.

Формат 70×108^{1/16}

Бум. л. 5,5

Подписано к печати 11/II-1977 г.

Печ. л. 15,4

Уч.-изд. л. 16,6

Изд. № 24860

A11616

Зак. 2679

Цена 50 коп.

Тираж 17.743 экз.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли

Москва Г-21, Zubovskiy bul'var, 21

Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома

при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли

г. Чехов Московской области